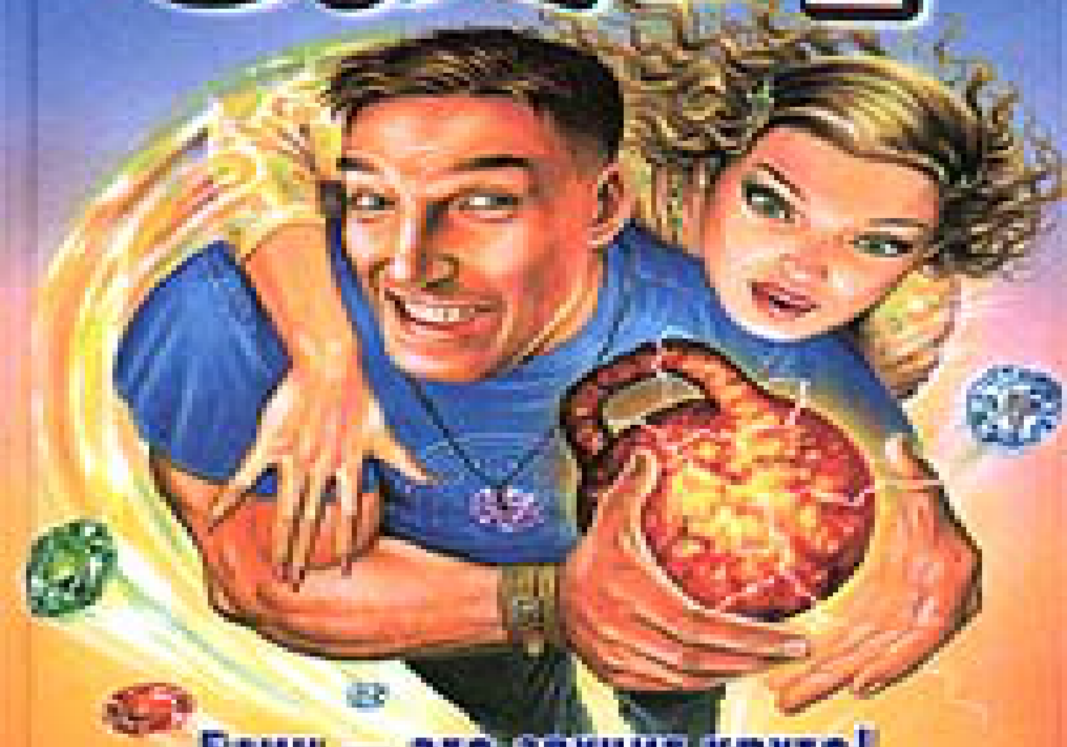
Далия Трускиновская

Аметистовый БЛИН



Блин — это звучит круто!
Аметистовый блин — тем более...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что может объединить столь разных людей, как культурист, артист разговорного жанра, православный священник и ведьма? Пожалуй, только мистика…

- Далия Трускиновская
  - Глава первая, совершенно реалистическая
  - Глава вторая, приключенческая
  - Глава третья, несуразная
  - Глава четвертая, лихая
  - Глава пятая, историческая
  - Глава шестая, колдовская
  - Глава седьмая, библейская
  - Глава восьмая, стратегическая
  - Глава девятая, ужасающая
  - Глава десятая, экспериментальная
  - Глава одиннадцатая, транспортная
  - Глава двенадцатая, диверсионная
  - Глава тринадцатая, матримониальная
  - Глава четырнадцатая, детективная
  - Глава пятнадцатая, завершающая
- notes
  -

Далия Трускиновская

Аметистовый блин

Глава первая, совершенно реалистическая

Жизнь всегда врывается некстати.

Как правило, это случается, когда человек занят делом, требующим времени, терпения и мирного настроения. И вдруг – звонок, вопли, кошмары, собирайся, беги, лети, ползком, кувырком, ради всего святого, караул, во что бы то ни стало! Ну, стало быть, караул. Откладываешь дела и со вздохом бежишь, летишь, ползешь, потому что отказывать женщине, которая бьется в истерике, несолидно.

Вот и на этот раз…

Стоит уважаемый человек, известный тренер по культуризму, за изголовьем скамейки для жима лежа, двумя пальцами штангу снизу придерживает, а под штангой тужится, не в состоянии выпихнуть, юное создание, решившее перед пляжным сезоном за две недели сделать себе бицепсы как у ван Дамма. Тренер ждет, чтобы клиент совсем из сил выбился, потому что иначе на него не подействуют укоризненные слова:

– А дышать кто будет?

Ибо первейшая заповедь атлета – всякое усилие производить на выдохе.

Но юные и всякие прочие оболтусы запоминают заповеди лишь тогда, когда столкнутся с ними лбом и набьют шишку. Вот мудрый тренер Сережа и провоцирует мучительные моменты тренировок, система у него такая.

Так вот, наступает самое то мгновенье, чтобы задать роковой вопрос и получить ответ в виде выпихнутой кое-как, вкривь и вкось, но вроде бы вверх штанги. И тут выскакивает с телефонной трубкой буфетчица Настенька:

– Сергей Григорьич, вас!

Настеньке восемнадцать лет, Сережа для нее – тот идеал, к которому должны стремиться женихи, и всякого очередного жениха она затаскивает в зал, чтобы показать идеал в действии. Рост, вес, мускульная масса, непоколебимо спокойное лицо, античный профиль и выдержка киношного супермена – все это сразу ни один жених не потянет. Так что Настеньке через годок-другой придется снизить планочку.

Поскольку воспитательный момент все равно загублен, Сережа двумя пальцами поднимает и кладет на рога пятидесятикилограммовую штангу (во поколение пошло, пятьдесят кило вытолкнуть не может…), а потом неторопливо

берет трубку.

В трубке – вопль души.

– Сережка! Ну где ты пропадаешь?! Ты срочно нужен! Сейчас я за тобой заеду!

– Привет! – неторопливо отвечает тренер. – Я все узнал. Счетчик Гейгера мне привезут сегодня вечером. А Виктор Иваныч уже раскурочил твой фен и обещает к субботе…

– Какой Гейгер? Какой фен?… Одевайся скорее, сейчас я у тебя буду!

– А что случилось-то?

– Кошмар!

С тем и исчезает звонительница – бывшая супруга, между прочим.

Что делать – приходится оставлять зал на стажера, студента Вадика, которому нужно сдать на кафедру какой-то загадочный журнал практики, вот он и прибегает на тренировки как бы для того, чтобы их проводить. Почему-то на кафедре тяжелой атлетики, к которой, после длительного недоумения, два года назад приписали культуризм, считают, что тренировку в зале проводит тренер, и непременно групповым методом. На самом же деле тренер присматривает, чтобы тренажеры не слишком ломали, а как качаться – каждый и сам знает, кроме зеленых новичков. Сережа как-то заглянул в журнал практики, прочитал, что утром сего дня проводилась общая разминка на свежем воздухе, и больше туда носу не совал. Ближайший подходящий свежий воздух – разве что на крыше, потому что зал – в самом центре города, в подвале старого дома, двор которого впритык забит машинами.

Кошмар, стало быть… Ну ладно. Не первый, не последний.

Сережа снял спортивный костюм и со вздохом распялил на руках новые джинсы. Сумасшедшая промышленность выпускала какую-то нелепую одежду – если штаны не жали в бедрах, то приходилось убирать двадцать сантиметров в талии, а если талия соответствовала Сережиной, то на бедра они бы вообще никогда не налезли. Последнее приобретение ушивала соседка. Две недели назад джинсы были еще впору, но Сережа, готовя к чемпионату атлета Вовчика, и сам дал немалую нагрузку на ноги. Лишних полсантиметра объема могли сыграть роковую роль – и чуть было не сыграли.

Еле передвигая ногами в тугих джинсах, Сережа вскинул на плечо сумку, заглянул в буфет – предупредить Настеньку о счетчике Гейгера, и, с трудом одолевая ступеньки, выбрался из подвала.

Стоило ему подойти к краю тротуара, как рядом затормозил

«гольфик». Бывшая супруга распахнула дверь.

– Да скорее ты!

Насколько позволили джинсы, Сережа согнулся и плюхнулся на сиденье. Тут же «гольфик» понесся вперед.

– А что, собственно, случилось? – спросил Сережа, уже предчувствуя основательное стихийное бедствие. Если деловая женщина чешет через весь город, не снимая белого медицинского халата и белой же шапочки, в которых работает с клиентами, то ее здорово припекло.

– Случилось! – буркнула Майка, орудуя рулем примерно так, как ее пещерная прапрабабка – тяжелой дубиной. И точно так же, как заносит хозяина потерявшей управление дубины, заносило маленький суетливый «гольфик», пока не внесло в новый микрорайон и не ткнуло в зад припаркованному возле девятиэтажки «икарусу». Лишь чудом Майка успела затормозить.

– Не слабо, – сказал Сережа, выбираясь из машины.

За два года семейной жизни он понял, что ежели жена впадает в священное безумие – нужно молчать. Ему как мужчине молчать легче. А для нее как для женщины это мучительно. И когда она не дождется ни одного вопроса, то выскажет все необходимое быстро и в концентрированном виде.

Так вышло и на сей раз.

– Эта сволочь бросила Данку, – заявила Майка. – Я только что узнала. Мне Любка звонила. Данка заперлась дома, никому не звонит, никуда не выходит, телефон отключила!

– Может быть, она уехала? – спросил Сережа, нажимая кнопку лифта. – Нет, Валька и Сашка ходили под окном кричать – так у нее свет горел.

Невзирая на развод, Сережа с Майкой вместе ходили в гости к общим приятелям. Приглашение на Данкину свадьбу они тоже получили одно на двоих, из-за чего Майка уже дважды буянила: ей хотелось нарядить Сережу в костюм-тройку, магазины предлагали костюмы только для тонконогих и пузатых уродов, а надежного портного никто из знакомых не знал. Так что Сережа был в курсе всех подвигов Майкиных подруг и даже отчасти в курсе ее собственных подвигов.

В лифте оба молчали. Майка явно волновалась. Она столько сил вложила в подготовку этого брака, что ощущала Данкино несчастье как свое собственное.

Сереже очень хотелось рассказать наконец, что распечатку статьи о методе доктора Бадигиной он отдал Виктору Ивановичу, умелец работает в соответствии с ней, но он видел – это получится некстати. А ведь сколько суеты подняла Майка неделю назад, свалившись ему на голову со старым феном, двумя

листами компьютерной распечатки, содержавшими инструкцию, и наполеоновскими планами преобразования своего салона красоты, носившего скромное и непритязательное название «Майя»!…

Вышли они из лифта на восьмом этаже и встали перед дверью, глазок которой был задвинут изнутри заглушкой.

– Звони, – сказала Майка.

Сережа нажал на кнопку, но в квартире ничего не тренькнуло.

– Она его сломала! – Майка была мрачна, как полководец, ведущий в бой обреченную армию. – Но она там!

– А может, за хлебом вышла?

– Ты еще можешь шутить? – возмутилась Майка. – А если она над собой что-нибудь сделала?!.

Сережа опять нажал на кнопку, можно сказать, лег на нее, но с тем же успехом.

– Сережка… – Майка заглянула ему в лицо снизу вверх, распахнула глазки, приоткрыла ротик, и Сереже сразу стало ясно, что сейчас от него потребуют подвига.

– И не проси, – отвечал он.

– Но ведь тебе это – запросто! Сереженька!…

– А если у нее там кто-то есть? – резонно возразил Сережа. Выбить-то дверь он мог любым способом, хоть ногой, хоть плечом, но вешать ее обратно ему вовсе не хотелось.

– Да нет у нее никого! Она там одна и…

Тут в квартире раздался звук, очень похожий на выстрел.

– Ой… – сказала Майка. – Сереженька!!!

И приникла к широкой груди бывшего мужа – как приникала к ней всякий раз, осмысляя очередное похождение и нуждаясь во все понимающем собеседнике.

– Погоди, – отвечал Сережа, отстраняя ее и примериваясь, как бы половчее выбить дверь. Майка повисла у него на шее с воплем «Не смей!»

Сережа уставился на нее с великим недоумением. Только что она требовала плечом пробить дорогу к страдающей Данке, а теперь вдруг – «Не смей!»

– Может быть, ей еще можно помочь, – сказал он внятно и попытался освободиться от Майки, но тут в квартире выстрелили еще раз.

Глаза у Майки сделались совсем круглые.

– Она что же… про-мах-ну-лась?… Ой!…

Раздался и третий выстрел.

– Странное самоубийство, – заметил Сережа. – А когда мы вломимся, окажется, что у нее и пистолета-то нет.

– А что же ЭТО?

Как бы в порядке иллюстрации в квартире опять выстрелили.

Сережа примерился и треснул кулаком по двери. Треснул грамотно – не столько кулаком, сколько всем предплечьем, чтобы сотрясти дверь с максимальным шумом и минимальным членовредительством.

Ответом ему был пятый выстрел.

– От кого же это она отбивается? – спросил Сережа. – Может быть, она заманила на прощанье в гости свою сволочь и теперь добивает ее?

– Вот это было бы просто замечательно! – заявила кровожадная Майка.

Всякий раз, когда Сережа сталкивался с женской солидарностью, он временно терял дар речи. Первый раз это произошло, когда три подружки, и Данка в их числе, исхитрились женить его на Майке. Почему-то им казалось, что непьющий, некурящий, синеглазый и благовоспитанный атлет должен непременно и моментально сделаться хорошим мужем.

Данка дольше прочих свах засиделась в девках, и Сережа пережил несколько совместных кампаний по охомутанию жениха. Он волей-неволей присутствовал при составлении планов и диспозиций, которые должны были привести к блистательному результату, да почему-то не привели. Сам-то Сережа прекрасно видел, в чем дело, но объяснить это трем молодым женщинам, ощущающим себя охотницами и интриганками, не мог. Проблема заключалась в том, что…

Грянул шестой выстрел. За ним – седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Пять минут Сережа с Майкой простояли под дверью, дожидаясь одиннадцатого выстрела, но его все не было.

– Патроны кончились – сказал наконец Сережа и снова бухнул кулаком в дверь.

На сей раз им открыли.

Данка стояла на пороге в домашнем халате и с пистолетом в руке.

– Привет! – бодро сказала она. – Кофе будете?

Спасители очумело на нее уставились.

– Ты это… вот это… п-п-положи, – посоветовал Сережа.

– Я его на предохранитель поставила, – безмятежно сообщила Данка. – Хорошая игрушка! Всю жизнь мечтала о пистолете – и всю жизнь деньги уходили на что-то другое. А теперь вот собралась с духом и купила! Майка, ты что?

Майка держалась за дверной косяк и делала страдальческие глаза.

Данка вовсе не была похожа на брошенную невесту. В ее глазах горел опасный огонь. Казалось, что под халатом на ней – доспехи и сапоги со шпорами. И меньше всего ей сейчас требовались утешения.

Сережа взял из ее руки пистолет и прошел из прихожей в квартиру. Там он все понял.

Квартира была довольно длинная – если распахнуть все двери, то вполне можно было заниматься стрельбой по мишени. Данка и устроила домашний тир, купив в оружейном магазине вместе с пневматическим пистолетом и ловушку для пуль – железный ящик, в передней стенке которого была дырка с устройством, чтобы крепить бумажную мишень, а задняя имела такую конфигурацию, чтобы пули не рикошетили, а оставались внутри. В целом приобретение сильно напоминало жестяную хлебницу старого образца.

Судя по стопочке простреленных бумажек, в последние дни Данка только этим и занималась.

Онемевшая от неожиданности Майка отклеилась от косяка и, туго соображая, побрела вслед за Данкой на кухню. Занятый пистолетом и мишенями (среди которых обнаружилась и фотография с драной дыркой на месте лица, что свидетельствовало о достигнутой пристрелянности ствола и неплохой кучности стрельбы), он не прислушивался к голосам, пока с кухни не донеслось звонкое:

– Блин-н-н!!!

Первой в комнату вошла Майка.

– Нет, ты слышал? – возмущенно спросила она.

– Могу повторить, – пообещала Данка, появляясь с подносом. – Баба с возу – кобыле легче. Это – раз. Два – я дала слово чести, что выйду замуж за первого встречного, кто сделает мне предложение. Пусть это будет хоть алкоголик подзаборный! И я из него сделаю человека!

Сережа кивнул. Он все недоумевал, почему разрыв обошелся без истерики. И вот она, истерика, сообщила о себе. Теперь все было в полном порядке.

* * *

– А теперь я могу наконец рассказать, что сделал за эту неделю? – спросил Сережа, когда Майка везла его обратно в зал. – Так вот. Счетчик Гейгера у нас, считай, есть. Но не удивляйся, если от него не будет пользы. Там радиоактивность совершенно ничтожная. В картофелине из-под Чернобыля ее куда больше.

Виктор Иванович понял, что нужно сделать с феном, и приладит резиновую трубку…

– Резиновую? – возмутилась Майка. – Она же мягкая!

– Из такой жесткой черной резины, с дырочками внизу, чтобы выходил горячий воздух. Остается найти большой кусок сердолика и привинтить к нагревающейся пластинке. Но где ты его возьмешь, я понятия не имею.

– Я еще раз заходила к кришнаитам. Ты тоже, будет время, заглядывай. Они же всякие камни из своей Индии получают. Ожерелье из сердолика – пожалуйста. А кусок с белыми прожилками – фиг!

– Разве это такая редкость?

– Сережка, я всех лоточниц и чемоданщиц привлекла!

– Чемоданщиц?

– Ну, ходят по учреждениям такие тетки с чемоданчиками, а в них – серебро и полудрагоценные камни. Дуры – во! У них изнутри таблицы наклеены, какому знаку зодиака какой камень подходит! Они даже этого наизусть выучить не могут! Камни путают! Они даже не знают, что раухтопаз и дымчатый кварц – это одно и то же!

– Ну и я не знаю.

– Тебе это ни к чему.

Но если Майка говорила, что какой-то предмет Сереже ни к чему, можно было держать пари – предмет доставит ему немало хлопот.

Когда она затевала свой салон красоты «Майя», то сразу постановила, что мужчинам всех тонкостей этого бизнеса не понять. Но именно Сереже пришлось искать ей массажисток, потом подбирать литературу по правильному питанию (пятнадцать лет активного культуризма из кого угодно сделают врача-диетолога), потом и вовсе переводить какие-то инструкции к импортной аппаратуре с английского языка.

Пока Майка придерживалась традиционных методов, все было более или менее спокойно. Потом она от не в меру грамотных клиенток нахваталась идей – завела ароматерапию (воздействие пузырьков с запахами проверяла на Сережиных ноздрях), цветотерапию (и кто же подбирал по каталогам нужные оттенки зеленого и желтого, когда у Майки в глазах зарябило?) и наконец докатилась до литотерапии. Но не в ее исконном виде, когда больного потчуют истертыми в порошок рубинами и изумрудами, а – до сердоликотерапии, которая – что-то особенное.

Если бы Сереже попалась та ведьма, что рассказала Майке про метод доктора Бадигиной и принесла распечатку, живой бы

он ее не выпустил. Метод был прост до невозможности – в старом фене закрепляется большой кусок сердолика, непременно с белыми прожилками, потому что в них-то и сидит радиоактивность, кусок этот нагревается и теплый воздух, овевая его, несет радиацию к больному месту – почкам, печенке, чирьям, ушибам, огнестрельным ранениям, да мало ли к чему. Майка, человек в целом здравомыслящий, рассудила, что насчет серьезных хвороб – дело темное, но что, если кусок сердолика, заправленный в старый фен, способен лечить прыщики? И развила бурную деятельность – то есть, сразу же по старой дружбе перевесила проблему на Сережу.

И именно ему пришлось читать всякую ахинею о камнях-талисманах, чтобы стать экспертом при покупке сердолика нужной величины и полосатости.

Потом какая-то клиентка, тоже начитавшаяся популярных изданий, сказала Майке, что все эти камни у чемоданщиц какие-то подозрительные – неизвестно, в каком реакторе их изготовили. Сережа попытался объяснить, что дешевле добывать нужный камушек на вершине Джомолунгмы и в мешках сносить его вниз, чем синтезировать в реакторе. Все-таки по образованию он был технарь. Но Майка, выслушав, затребовала счетчик Гейгера, про который помнила еще со школьных уроков гражданской обороны.

Спорить с женой – и само по себе большая морока. А спорить с бывшей женой, которая чуть что – напоминает про узы дружбы, которые должны после кратковременного брака непременно связать двух цивилизованных людей, – морока еще почище.

Поэтому Сережа беспрекословно раздобыл проклятый счетчик, хотя твердо знал – такого деликатного излучения, как от крошечного сердолика, штуковина, рассчитанная на взрыв атомного реактора, уловить не в состоянии. И он пообещал завтра же доставить этот бесполезный предмет Майке, и пожелал ей удачи в поисках камня с белыми прожилками, и был высажен на той улице, где просил, хотя и в двух кварталах от тренажерного зала, и даже успел туда как раз вовремя, чтобы предотвратить стихийное бедствие.

Атлеты в очередной раз так решительно отвернули кран в душевой, что его заколодило. Вода хлестала с удивительной силой и скоростью, просачиваясь в щели между перегородками, и в женской раздевалке уже отправилась в плаванье обувь. А виновники торжества, понятное дело, смотались.

Но Сережа предпочитал ликвидировать потоп в подвале, чем объяснять Майке про радиацию.

Целую неделю его никто не тормошил – если не считать одного-единственного звонка. Майке потребовались весы, на

который можно отвесить тридцать пять граммов. Когда-то Сережин папа увлекался фотографией и сам составлял реактивы, так что весы могли найтись в фанерном чемоданчике на чердаке, а могли и не найтись. Сережа пообещал посмотреть – но в тот вечер, когда он, вернувшись домой из зала, уже натянул старые тренировочные штаны, доисторическую дырявую фуфайку, а на голову – вязаный колпак в полоску, чтобы пыли на чердаке не набраться, в дверь позвонили.

После развода Сережа поселился в однокомнатной квартирке с частичными удобствами на втором этаже старого дома в рабочем районе. Очевидно, раньше там жила бабка, промышлявшая подпольной водочной торговлей, потому что сперва по ночам отбоя от посетителей не было. Спустив с лестницы шестерых или семерых, Сережа обратил внимание, что вроде бы один экземпляр появился уже дважды. Люди не верили, что бабка померла или уехала – не могут такие люди помирать и уезжать, не имеют права! – и Сережа пошел на крайние меры.

Перед очередным посетителем дверь отворилась как бы сама. Мужичок, негромко выматерившись, шагнул вовнутрь – и ему навстречу выплыло белое привидение, трепеща воздетыми крыльями и тихо подвывая:

– Гу-у-у!… Гу-гу-гу-у-у!…

Мужичок попятился, тоненько взвизгнул и исчез. На лестнице раздался грохот.

– Счастливого плаванья, – пожелал Сережа, но простыню с дырками снимать не стал, и правильно сделал. Еще дважды пришлось гугукать, да на следующую ночь – столько же. Зато алкоголики поняли, что бабка померла, и перестали домогаться бутылки.

Так вот, когда в дверь позвонили, Сережа прежде всего подумал о простыне.

Звонок был коротенький, деликатный. Через две минуты он повторился.

Сережа пошел открывать.

На пороге стояло не-разбери-поймешь что. Мужская куртка с атлетического плеча, джинсы – и почему-то дамская кепочка, вроде той, что носила в прошлом году Майка. Козырек был надвинут по самую переносицу, а сзади кепочка странно топорщилась, как бы еле держась на голове. И в довершение картины – дамский рюкзак на плече…

Это чудо, постояв несколько с опущенной головой, вздохнуло и жалобно произнесло:

– Прошу политического убежища!

– Ну, заходи, – позволил Сережа.

Странный гость шмыгнул в квартиру и стащил с головы кепочку.

– У меня не было другого выхода…

– Причешись, – сказал Сережа.

Волосы Данка стригла не то чтоб коротко, но так, чтобы вокруг лица торчал целый ореол. Были они густые, с характером, и в придачу крашеные. Из темно-русых она их сделала рыжими, такого цвета, какой в природе не встречается. Естественно, именно они прежде всего нуждались в маскировке. Данке удалось кое-как затолкать волосы в кепочку, но, вырвавшись на свободу, они устроили нечто вроде безмолвного скандала.

– Я влипла, – кое-как укротив свой рыжий скандал, заявила Данка. – Мне нужно всего одну ночь перекантоваться, потому что на все поезда я опоздала.

– А куда ты собралась? – поняв, что чердак отменяется, спросил Сережа.

Данка перечислила штук десять городов в радиусе тысячи километров от своего родного. И сразу же полезла в рюкзак.

– Сереж, я не с пустыми руками! Я честно принесла тебе ужин. Салат с креветками, фруктовый салат и сырное печенье! Все как ты уважаешь!

Первым же делом она выложила на кухонный стол свой пневматический пистолет.

– Приятного аппетита, – прокомментировал Сережа. – А ловушка?

– Ловушка идет по следу, – хмуро отвечала Данка, добывая из недр рюкзака прозрачные коробочки с салатами и сырным печеньем. – У меня еще колбаса есть. Только она какая-то того… подозрительная…

Сереже показалось, что он все понял.

Он не знал подробностей Данкиного внезапного разрыва с женихом, предполагал только, что виновата невеста, то есть, как бы без вины виновата. С Данкиным характером следовало бы штурмовать далекий космос или гонять индейцев на Диком Западе. И если она временно, под воздействием подруг и магическим влиянием даты рождения в паспорте, помягчела, то надолго ее хватить бы не могло – месяца разве что на полтора. Накопившийся азарт должен был выплеснуться наружу бурно и костедробительно. И очень может быть, что жениху пришло в голову бросить Данку уже в приемном покое травматологического отделения больницы…

Странным показалось, правда, что он так быстро оттуда выписался. А еще того страннее – что Данка, вооружившись, не нападает, а скрывается.

Четыре года мирного сосуществования с женской логикой (два – в состоянии брака, да еще два – в состоянии платонической дружбы) приучили Сережу мирно принимать любые эксцессы. И еще он усвоил, что главное – не задавать вопросов в первые четверть часа. Майка обычно двадцати минут молчания не выдерживала.

Накрывая на стол, Данка прислушивалась к шагам на лестнице.

– Ты – единственный нормальный мужик в этом городе, – вдруг сообщила она.

– Тронут, – немедленно ответил Сережа.

– Ведь тебе и в голову не пришло, что я прискакала, чтобы уложить тебя в постель!

– Не пришло, – согласился Сережа, косясь на пистолет. Все-таки у нее была удивительная для женщины кучность стрельбы…

– У тебя мозги не повернуты на сексе, – продолжала Данка.

Сережа промолчал. После развода у него, понятное дело, были приключения, но уже месяц он соблюдал целомудрие. Именно о сексе он в последнее время и задумывался…

– И тебе не мерещится, будто все женщины должны бежать за тобой следом, раздеваясь на ходу и повизгивая от восторга!

– Все – это сколько? – спросил Сережа.

– Ну, все! Вообще – все!

Кто-то, видать, основательно рассердил Данку своими мужскими притязаниями. Она со злости не ела салат, а пожирала.

– Ты – ангел! – вдруг прочавкала она. И снова с головой нырнула в салат.

Сережа уже выучился переводить с женского языка на мужской. Когда называют ангелом, прелестью, солнышком и прочими дореволюционными нежностями, – то просто-напросто благодарят за ту услугу, о которой через минуту попросят, чтобы ты, Боже упаси, не вздумал сходу отказать.

В дверь звякнули.

Данка вскочила из-за стола – и в руках ее оказался пистолет.

– Убью! – решительно воскликнула она, не прожевав салата.

Сережа неторопливо встал.

– Не открывай! – потребовала Данка.

– А если это ко мне?

– К тебе? – видимо, эта мысль Данку удивила. Действительно, странно, что кто-то решил заглянуть в гости к хозяину берлоги в то время, как тут скрывается разъяренная женщина…

Сережа открыл дверь – и понял, что Данка в какой-то мере была права.

На пороге стояли два здоровых амбала.

– Тут, что ли, привидение завелось, блин?

– Ага, – сказал Сережа, поигрывая великолепно вылепленными грудными мышцами, прекрасно видными в дырки доисторической фуфайки. – Это я. Дальше что?

– Блин! – изумленно воскликнул вдруг второй амбал. За Сережиной спиной он увидел нечто, поразившее его наповал.

Первый проследил его взгляд.

– Блин! – воскликнул и он.

– Во, блин!

– Ну, блин!

– Ребятки, время позднее, блинная закрыта, – с тем Сережа всей накачанной массой двинулся на гостей. – На переучет. Привет.

Гости, пятясь, вымелись, Сережа закрыл дверь и лишь тогда обернулся.

Данка стояла в глубоком балетном плиэ, как бы сидя на незримом стуле, широко разведя колени и двумя руками держа свой огромный пистолет. Под прицелом она держала ту часть дверного проема, где могли бы возникнуть грудь или живот врага. И продолжала дожевывать салат.

А то, что это место загородил сейчас Сережа, в расчет не принималось.

– Положи игрушку, – как можно спокойнее попросил он.

Данка выпрямилась, поставила пистолет на предохранитель и молча вернулась к тарелке со своей порцией салата.

– Я с ума сойду, – вдруг пожаловалась она.

Комментировать Сережа не стал. Воздержался. Хотя свое мнение на сей счет у него было. И однозначное.

Напившись чаю, Данка вроде бы обрела рассудок.

– Черт меня дернул за язык… – проворчала она. Сережа понял, что вот теперь ей уже не терпится рассказать все по порядку.

– Ты говори, говори, – то ли попросил, а то ли посоветовал он.

– А чего тут говорить! Погиб поэт, невольник чести! То есть я…

– Кто – ты? Ты – поэт, или ты – невольник чести? – попытался уточнить Сережа.

– Я – дура! Меня за деньги показывать нужно.

Сережа вздохнул.

– А в чем твоя дурость заключается?

– Я дала слово чести. И весь город об этом знает!

– Так…

Сережа хотел спросить, когда была та радиопередача, или

телепередача, или газетная статья, или все вместе, проинформировавшее город об этом событии, и сослаться на свое круглосуточное торчание в тренажерном зале, вдали от светских новостей. Но по Данкиному лицу понял, что язвить не стоит. Опять же, и пистолет… Пневматический, а бьет на сто восемь метров, если не врет инструкция, блин!…

– Помнишь, как я дала слово? – спросила Данка. – Когда вы с Майкой приехали меня из петли вынимать?

– Было дело, – искренне пытаясь вспомнить, подтвердил Сережа.

– Я поклялась, что теперь выйду замуж за первого, кто сделает предложение, будь это хоть подзаборный алкоголик, хоть президент партии сексуальных меньшинств, хоть… хоть… ну, не знаю кто!

– Я никому об этом не говорил! – в ужасе воскликнул Сережа. Ужас, впрочем, был какой-то подозрительный…

– При чем тут ты?!!

– Майка?…

– Майка? – Данка призадумалась. – Ну, наверно, и она тоже.

– А кто еще?

– Да я, понимаешь, я! Я сама всем раззвонила! Ну и вот…

– Посватался президент?

– Хуже!

Лицо у Данки сделалось такое, что Сережа осознал: лучше в петлю, чем под венец!

И кто бы это мог быть?

Данка смотрела на него так, будто Сережа не только знал этого человека, но и числил его на первом месте в списке смертельных врагов.

– Ну? – с надеждой спросила Данка. – Еще не понял?

– Понял… – ошарашенно произнес Сережа.

В год своего знакомства с Майкой он застал как-то в Данкиной квартире человека, который вызвал у него резкое внутреннее сопротивление. Потом Майка с восторгом толковала, как Данка выставила это убоище и прокляла отныне и до веку. Затем в разговорах между подружками он фигурировал как образец всего того, чему в жизни порядочной женщины – не место. Да еще под кодовым наименованием – Убоище. Сережа полагал, что этот красавец давно уже пристроен, а о Данке и думать забыл.

Оказалось – фиг вам. После позорного изгнания ему даже не потребовалось, в порядке зализывания ран, жениться на другой. Он был женат давно и выгодно. Жена приняла его, но, видно, где-то во внутреннем блокнотике поставила очередную галочку.

Затем примерно совпали два эпохальных события – Данку бросил жених, а Убоище было брошено поумневшей женой. Но Данка-то осталась в своей квартире, вооруженная пневматическим пистолетом. А Убоище очнулось, сидя на чемодане.

Заметавшись в поисках пристанища, оно и узнало про страшную Данкину клятву.

К счастью, тот приятель, что разболтал о клятве Убоищу, позвонил Данке и предупредил, что к ней скоро приедут свататься. Жениха он не назвал, но это и не требовалось. Почуяв, откуда ветер дует, Данка собрала информацию – и поняла, что пора уносить ноги.

У треклятого Убоища хватило бы подлости сделать предложение в присутствии большого количества народу – и Данка оказалась бы повязана по рукам и ногам.

Она ожидала от судьбы чего-нибудь этакого, она просила судьбу послать ей хоть завалящего мужичонку, чтобы как можно скорее проучить беглого жениха. Но почему вдруг Убоище?…

В справедливом негодовании Данка напрочь забыла, что четыре года назад была влюблена страстно и отчаянно. И ведь видела она тогда в Убоище много такого, за что спокойной жизнью пожертвовать было не жалко. А теперь, полюбуйтесь, сидит на кухне, на чужой, кстати, кухне, и чуть что – за пистолет хватается.

Разумеется, она не рассказала все это Сереже связно, так, чтобы следствия вытекали из причин, а не наоборот. Рассказала, как могла. Но он все-таки понял.

И задумался – а что разумного можно сказать женщине, которая влипла в такую историю?

Долго бы он думал, кабы не вмешался звонок.

Данка цапнула пистолет. Почему-то ей мерещилось, что Убоище непременно идет по ее следам, готовое ворваться и потребовать немедленного исполнения клятвы.

– Это телефон, – успокоил Сережа и снял трубку.

– Сереженька? – когда Майка вкладывала сходу в голосок всю нежность мавританского гарема, это означало, что Сереженьке на ночь глядя придется куда-то ехать, устрашать дураков бицепсами и выносить Майкино тельце из-под огня. Она не была авантюристкой в сексуальном смысле слова, вовсе нет, она только время от времени попадала в какие-то не те компании, откуда не могла выбраться самостоятельно. Да и какой идиот захочет добровольно отпускать прехорошенькую женщину-ребенка, очаровательно наивную и миниатюрную, с глазищами в пол-лица, одну из тех немногих женщин, кому действительно к лицу короткая стрижка и челочка. Правда, в отличие от Данки, Майка

свои русые волосы вычернила и сделалась от того очень пикантной.

– Ну, я, – предчувствуя ночные подвиги, сказал Сережа.

– Слушай, ты бы не мог меня отсюда забрать?

– А ты где?

– Сережка, садись в такси, я оплачу, и лети мухой… – Майка уже командирским голосом назвала адрес. И это оказалось далековато.

– Зачем тебя туда занесло?

– За сердоликом! За большим куском сердолика! С белыми прожилками!

И тут кончается реалистическая часть нашей истории и начинается Аллах ведает какая. Благоразумный читатель возразит, пожалуй, что медицинское оборудование из старого фена, резиновой трубки и камня с сомнительной репутацией на реализм что-то не тянет. А нелепая клятва выйти замуж за первого встречного могла прозвучать сгоряча, да кто ж ее всерьез выполнять станет? И бывший муж, вечно спешащий на выручку к бывшей жене, – тоже не из нашей действительности. А привидение, имеющее пятьдесят два сантиметра в бицепсе, – это как понимать?

Извините. Вот такой на сей раз получается реализм.

Кстати, все познается в сравнении. Так вот – по сравнению с тем, что будет дальше, это – презренное бытописательство, хуже всякого производственного романа. Ведь пока еще не нарушены ни один закон Ньютона и ни одно начало термодинамики. Но будут, прах побери, будут! И в большом количестве…

Глава вторая, приключенческая

У приключений странные повадки.

Редкое приключение явится в приличное время – скажем, с утра, когда человек выспался, умылся (кое-кто – побрился), позавтракал и готов к бурному дню. Или, например, к обеду, в пик активности организма.

Нет! Оно возникает, когда силы на исходе, ужин – в желудке, постель разобрана и телевизор выключен. Оно призывает под свои знамена людей измотанных, сердитых, бурчащих, недовольных. И ведь одеваются, суют в кошелек побольше денег, кидают в сумки то, что потребуется в дороге (Данка благоразумно затолкала пистолет не к себе в рюкзак, а в Сережину сумку), и тащатся леший знает куда!

После того, как Майку пришлось в течение одного месяца извлекать последовательно из ресторана при телебашне, элитной гостиницы, где обычно селили приезжающих в город на гастроли знаменитых артистов (кто знал, что эти столичные звезды и пьют не как нормальные люди?), и засекреченной в подвале государственного учреждения финской бани, Сережа кротко поинтересовался, будет ли так всегда, или она свой годовой план уже выполнила.

На сей раз адрес был банальный – улица, дом, подъезд, квартира. Услышав этот адрес и вслух повторив его, Сережа недоуменно посмотрел на Данку.

В каждом городе есть улицы, неизвестные таксистам. И это честное неведение, не имеющее ничего общего с попыткой наездить побольше. Особенно много проблем возникло в последние годы, когда тысячи Советских, Пролетарских, Краснознаменных, Комсомольских, Пионерских, Ленинских, Первомайских и Октябрьских улиц вернули себе прежние названия. Но и раньше случались такие закоулки, которые вроде бы и в центре, а знает о них только человек, которого угораздило там поселиться.

Данка в ответ сказала, что поедет вместе с Сережей – ей как женщине, возможно, удастся разговорить таксиста, покопаться в его подсознании и выудить нужное направление. Кроме того, одно дело – когда на выручку Майке придет мужик с бицепсами, от которого, да еще в ночное время, за версту разит мордобоем, а совсем другое – когда явится приличная пара. Можно будет даже сделать так – Данка позвонит в дверь и будет одиноко торчать перед глазком, а Сережа спрячется.

Женская страсть к невинным приключениям не всегда Сережу

радовала. Чаще наоборот. Но в Данкином предложении был резон – мало кто, зная за собой грехи и увидев на лестничной площадке атлета с хмурой рожей, добровольно распахнет перед ним дверь.

Буркнув насчет приличной пары нечто, чего Данка не расслышала, а то быть бы крутой разборке, Сережа кинул сумку через плечо, пропустил Данку на лестничную клетку и старательно запер дверь.

Таксист, как и следовало ожидать, инструкциям удивился.

Но Данка (опять же, как и следовало ожидать) взяла власть в свои руки.

Она дала общее направление и велела ехать, пообещав, что ближе к месту опознает пейзаж.

И она действительно время от времени узнавала то вывеску, то магазинную витрину, то долгострой за дощатым забором, замороженный, надо думать, навечно.

Удивительно, однако именно таким способом, способом мелкого и дешевого блефа, переулок-таки нашелся. Но Данка, увидев его, отказалась выходить из машины.

– Может быть, ты сам сходишь? – спросила она, и Сереже почудилось, что голос снайперши звучал как-то жалобно и растерянно.

– А ты в машине подождешь?

– А я в машине подожду!

– Но ведь неизвестно, насколько я там застряну, – резонно возразил Сережа.

У него была интересная способность – доводить женщин до истерики тем, что он спокойным голосом сообщал им общеизвестные истины. Особенно это удавалось ему в тренажерном зале, когда он объяснял толстушкам, как именно им нужно голодать и выполнять упражнения.

Данка в истерику не впала. У нее, как оказалось позднее, была серьезная причина остаться в машине, но объяснить это Сереже в трех словах она не могла, да и не хотела при совершенно постороннем шофере. Сереже причина показалась бы надуманной, потому что он мало верил в женскую интуицию и имел свое мнение о женской логике. Так что проще было выйти и дать ему возможность рассчитаться с шофером.

– Второй подъезд, пройти во двор, повернуть направо, пройти вдоль стены, опять направо… – наизусть повторил инструкцию Сережа.

– Не направо, а налево, и не вдоль стены, а вдоль бетонной стенки для мусорников, – вдруг поправила Данка. Голос у нее почему-то был сварливый.

Сережа удивился, не поверил, решительно вошел во второй

подъезд, сделал необходимые повороты и уткнулся в брандмауэр.

– Странно, – сказал он.

– А теперь пойдем как полагается, – предложила молча следовавшая за ним Данка. Ни слова упрека она ему не сказала – но в молчании было больше яда, чем в целом монологе, и Сережа оценил это.

По части яда он и сам был горазд.

Данка привела его на нужный этаж и к искомой двери.

– Не нравится мне все это, – сказала она. – Давай-ка я позвоню, а потом заберусь этажом выше и подожду, пока ты там с Майкой застрянешь. Вот если застрянешь – я приду на выручку.

– Можно, – с сомнением, впрочем, согласился Сережа.

Данка протянула руку. Судя по тому, как были сомкнуты пальцы и округлена ладонь, – за пистолетом.

– Обойдешься, – возразил Сережа. – Целее будет.

И хлопнул ладонью по сумке, где лежал пистолет.

Какие-то бурные чувства охватили Данку и устроили бешеное побоище – хорошо хоть, внутри, а не снаружи. Только на лице отразился слабый отблеск внутренней бури, да еще выразился он в недовольном шипе, исходившем из самой глубины возмущенной души.

– Ладно, пойдем вместе, – вдруг решила она. – Хотя чует мое сердце…

И нажала на кнопку звонка.

Дверь им отворило странное создание той породы, которую Сережа всегда затруднялся определить в половом смысле. Ни на женщин, ни на мужчин экземпляры этой породы не тянули.

Мужчина – это великолепное творение природы, имеющее развернутые плечи, прямую спину, мощные ноги, широкую грудь, внушающие всем женщинам доверие руки, а если повезло с генетикой – то и гордый профиль, и орлиный взор, и густые русые волосы, и героические брови. Одним словом, вылитый Сережа. Тот, кто долговяз, но при этом сутул, узкогруд, а ручонки имеет на манер куриных лапок, внушает Сереже мистический ужас. Сережа честно не может понять, почему эта живая иллюстрация пошлой шутки «Разденешь – заплачешь!…» не испытывает потребности в тренажерах и как иллюстрации не стыдно предлагать свою близость женщине…

– Данусенька! – сказало создание, разведя руки совершенно балетным жестом, пропуская Данку в коридор и как бы не замечая, что за ней следует угрюмый атлет европейских кондиций. – А тут у меня Маечка! Ты ведь знаешь Маечку?

Сережа принюхался.

Судя по аромату, это был все-таки мужчина. Редкая женщина

допивается до такого перегара…

Недовольно фыркнув, Сережа шарахнулся, причем сделал это подчеркнуто и намеренно. Он искренне хотел, чтобы сутулый алкоголик к нему прицепился. Тогда Сережа с чистой совестью взял бы его за шиворот клетчатой рубахи и вынес продышаться. Но он не учел ширины своих плеч – многими годами тренировок возлелеянной ширины. Они и без того плохо вписывались в темный, узкий и захламленный коридор, а при артистическом движении и вовсе застряли. Высвобождаясь, Сережа обрушил довольно высоко подвешенный детский велосипед.

Когда он нагнулся, чтобы ухватиться за раму поудобнее, висящая через плечо сумка сперва сама собой встала на круглую, образца пятидесятых годов, стиральную машину, а потом, уже оттуда, опрокинулась.

Пневматический пистолет полетел на пол.

Это была не лучшая конструкция пневматического пистолета. Фирма-производитель с точностью до миллиметра повторила общеизвестную модель «вальтер», и потому оружие весило немало, а грохоту при падении производило еще больше.

Пистолет, проехав по полу меж расставленных для устойчивости длинных и тощих ног хозяина квартиры, отлетел к Данкиным ногам. Снайперша быстро присела на корточки, а когда выпрямилась – Сережа по лицу понял, что обратно он пистолет получит разве что через Данкин труп.

Хозяин-алкоголик не заметил, кажется, даже падения велосипеда. Он искренне радовался, что после длительного отсутствия о нем вспомнила такая красивая женщина!

За изгибом коридора Данка извернулась и спрятала пистолет под курткой, заткнув его сзади за ремень джинсов, как вообще-то принято носить нунчаки.

Когда она вошла в комнату, то поняла, почему Майка позвала на помощь Сережу.

Собственно, Майки видно не было, торчала лишь голова. И торчала где-то на уровне Данкиных колен.

Гостеприимный хозяин усадил владелицу салона красоты в глубокое, да еще и продавленное кресло. А потом принялся заговаривать ей зубы. Для убедительности он снимал с полок художественные альбомы и клал их один за другим Майке на колени, в безумии гостеприимства утратив остатки разума. К ним он добавил большие застекленные коробки. Образовалась пирамида, которую Майка никакими силами не могла с себя сбросить, ей даже не за что было уцепиться руками, чтобы подняться – ручки кресла давно отлетели, остались одни деревянные штыри, да и до тех было не добраться из-за книг.

Только мобильный телефон, как ни странно, оказался в пределах досягаемости, и то потому лишь, что он лежал в Майкиной сумке сверху, невзирая на мрачные Сережины прогнозы по этому поводу, а сумку Майка поставила возле кресла.

– Как тебя сюда занесло? – спросил Сережа, не торопясь извлекать бывшую жену из-под завала и наслаждаясь зрелищем.

– Сердолик! С прожилками! – лаконично и жалобно отвечала бывшая жена. Очевидно, ее тут заговорили до полусмерти.

– Это же Наследник, – негромко сказала Данка. Но как сказала!

Ярость клокотала в трех словах, судьбы мира вздрогнули и замерли – вот как она это сказала!

– Наследник? – Майка не только вылупила глазищи, но и приоткрыла рот. – Во, блин!…

Разговор у подружек получился молниеносный, но явно требовал продолжения.

Сережа обернулся к хозяину квартиры, чтобы каким-нибудь вопросом отвлечь его.

Тому было немало лет, а если судить по прическе – то много. Он облысел, но оставшиеся на висках и на затылке волосы почему-то не стриг, так что они висели легкими и игривыми локонами до плеч. Мужчина в расцвете лет еще не забывает вовремя стричься, это Сережа усвоил твердо – и стригся самостоятельно перед зеркалом. У него был хороший глазомер – он оттягивал прядь за прядью и укорачивал их на одно и то же количество сантиметров, а затылок время от времени подравнивала Майка. В последнее время – даже без комментариев.

Потряс его также хозяйский нос – мечта хирурга из Института красоты. Из этого носа можно было выкроить два, а то и три обычных, стандартных. Причем Сережа не назвал бы его длинным, длины-то он как раз был приемлемой. Просто та его часть, которую полагалось бы назвать горбинкой, разрослась в неимоверный горбище.

Словом, фигура, носившая прозвище Наследник, оказалась колоритная.

Данка, которая общалась только с колоритными фигурами, сориентировалась сразу. Погасила ярость, нарисовала улыбку, вытащила на свет ласковую женственность.

– А ты бы кофейку сообразил, что ли? А я бы тебе помогла, – предложила она, пока Сережа составлял в голове светский и ни к чему не обязывающий вопрос.

– Кофейку? – недоуменно переспросил носатый алкоголик. – Ты понимаешь…

И замолчал выразительно.

– Понимаю, – сказала Данка. – Пошли на кухню, помою тебе четыре чашки. А кофе у тебя есть. Это я точно знаю. У тебя штанов не будет, а кофе будет.

Вытаскивая захихикавшего Наследника из комнаты, она обернулась к Сереже с Майкой, скроив такую гримасу, которая без слов приказывала – а ну, живо!

Сережа принялся быстро снимать с бывшей жены альбомы и коробки, складывая их прямо на полу.

– Он обещал, что продаст мне коллекционный сердолик! – оправдывалась Майка. – У него этих камней знаешь сколько? Я всего на минуточку заехала!…

Сережа выдернул Майку из глубокого кресла и увлек в коридор. Одновременно прямо из стены возникла Данка. Сережа и не догадался бы, что старый шкаф так удачно маскирует дверь в кухню.

– Ходу! – приказала Данка, первой бросаясь к дверям. Но, стоило ей взяться за ручку, как раздался звонок. Он был долгий и требовательный – мол, свои, не возись, открывай!

– Блин… – прошептала Данка. – Так и знала…

Она развернулась и, заставив Сережу с Майкой вжаться в стену, кинулась назад.

Звонок повторился.

– Меня тут нет – и уматывайте немедленно! – приказала Данка. – Если этот сучара Наследник разинет пасть – затыкайте чем хотите!

– Есть! – крикнула ей вслед Майка.

Сережа ровно ничего не понимал.

Он не верил в женскую интуицию – а напрасно. Именно интуиция и не подвела Данку. Стоило ей скрыться в комнате, как буквально из шкафа возник хозяин-алкоголик.

– А Дануся? – растерянно спросил он.

– А Дануся убежала! – как бы и не соврав, отвечала Майка. – Она ведь всего на минутку.

– А кофе?…

– А кофе для меня, я же просто загибаюсь без кофе, а попросить было неловко, я же тут впервые, – пихая зачем-то Сережу локтем в бок, голоском девочки, не обремененной мозгами, поведала Майка. – Дануся вышла – и через минуту позвонили. Мы и пошли открывать, потому что были рядом, потому что провожали Данусю, потому что я ей еще кое-что должна была сказать…

Позвонили в третий раз – уж вовсе нахально.

Предельно запутанный Наследник отпер наконец дверь – и

вошли четверо.

Трое составляли компанию и имели вид заурядно-богатый и сытый.

Один был мужчиной за пятьдесят, крепкого сложения, лысоватый и очень уж морщинистый. Другой – тридцатилетний, худощавый, остроносый, какой-то несолидный, третий – явно «лицо кавказской национальности», хотя и обтесанное на столичный лад. Пожилой был в этой компании главным – это как бы само собой разумелось.

Но четвертый – о, четвертый! Он был похож на маркиза при дворе Людовика Пятнадцатого. Породисто-изысканное лицо, также весьма носатое, но тут хоть весь объем ушел в длину, и серебрящиеся волосы, и тонкая фигура, причем плечи не вызвали у Сережи ни отвращения, ни даже возражений, такие это были широкие и прямые плечи, и крупные красивые руки – все это были те качества, которые заставляют благоразумных женщин делать изумительные глупости. Возраст красавца был неопределенный, хотя не более сорока лет.

А вид свидетельствовал о нежной любви к собственной персоне. Начиная от стрижки, выполненной классным мастером, кончая изумительно подобранными по тону широким развевающимся плащом, великолепным шарфом и даже башмаками. Была в красавце некая элегантная расхристанность, чего Сережа как бы и не признавал достойным мужчины, но чему иногда, как бы это поточнее сказать… Не примитивно завидовал, нет! А чуточку, крошечку, капельку, в порядке самоиронии, глядя на это недостойное атлета дело свысока, за… Ну, завидовал…

– Я уж думал, ты заснул, – не здороваясь, сказал придворный Людовика Пятнадцатого и поставил на пол большую дорожную сумку. – Принимай гостей! Вот тебе те самые покупатели на ту самую коллекцию! Берут оба ящика, блин, если договоритесь! А вы ведь договоритесь, носом чую!

Сережа на него покосился. Когда внезапно ставшее модным словечко «блин» употребляла его бывшая жена, его это не коробило. Но Маркизу оно вовсе не шло – и тут Сережа проявил-таки свой хороший вкус и чувство стиля.

Однако главной задачей для него было – извлечь Майку из этого вертепа. Поэтому он, ни с кем не здороваясь и не прощаясь, шагнул в раскрытую дверь и за руку вытащил из прихожей Майку. А потом эту дверь сам же и захлопнул.

Они остались на лестнице.

– Спасибо, – сказала Майка. – Ты настоящий мужчина. Но это – кошмар! Я думала – скончаюсь!

– Под коробками? – уточнил Сережа.

– Нет же! Когда Убоище вошло!

– Убоище?

– Ну да! Это же и было оно – Убоище!

– Какое Убоище?

– Ну, Убоище! Оно у нас одно и есть – Убоище!

Когда Сережа познакомился с Майкой, у нее были три незамужние подружки, в том числе и Данка. У всякой из них имелась богатая личная жизнь, и из каких-то непостижимых для мужской логики соображений любовникам давались прозвища. Сережа четко помнил, что был мужичок «Мое сокровище», был «Этот хренозвон», был просто «Пузатый», так что Сережа мог месяцами кивать на улице знакомой роже, так и не зная ее подлинного имени.

Выходит, один из четверых был пресловутым Убоищем. И, очевидно, именно живописный и длинноносый Маркиз. Заурядно-сытых, одинаково стриженых и костюмированных, подружки не уважали. Они требовали от жизни что-нибудь этакое. Майка и Сережей-то увлеклась, очевидно, потому что вторых таких бицепсов в городе наверняка не было, и не родился еще пиджак, в который они бы влезли.

И, выходит, именно этого красавца, бабью погибель, выперли из дому, именно он сидел сейчас на чемодане, перебирая в памяти всех подруг, к кому можно бы хоть временно приткнуться, именно он узнал, что Данка оказалась свободна и готова со зла выйти замуж за первого встречного! И от него-то она, перепугавшись до полусмерти, пряталась, готовая чуть что – палить из пневматического пистолета.

Что там между ними вышло несколько лет назад – Сережа мог только предполагать. Судя по тому, с какой яростью Майка называла Маркиза Убоищем, – разборка вышла крутая.

– Данка как чуяла! – продолжала Майка, спускаясь по лестнице. – Убоище же водило ее к Наследнику! Она мне про него рассказывала, только я забыла, а то бы через нее его нашла, а не через Сашку. Не надо было тебе Данку с собой брать.

– Так получилось, – отвечал Сережа. – Откуда я знал?

– А разве мы тебе не рассказывали?

Вспомнить все, что рассказывали подружки про свою личную жизнь, Сережа был, естественно, не в состоянии. Очевидно, его широкие плечи внушали непреодолимое доверие – в те времена всякий раз, набив очередную шишку, одна из четверки забирала его посреди ночи на кухню и долго каялась в былых грехах и в теперешней глупости, просила настоящего мужского совета, получала его, клялась начать новую и нормальную жизнь, – а через два дня выяснялось, что все сделано с точностью до

наоборот.

Сережа не стал оправдываться в склерозе, а просто помотал головой. Тогда заговорила Майка.

Оказалось же вот что.

Ей дали телефон безумного и склонного к запоям ювелира. Она позвонила, осведомилась о большом куске сердолика с белыми прожилками, услышала, что этого добра – навалом, получила приглашение приехать в гости. Сережу она не позвала с собой по уважительной причине – визит был назначен на дневное время и ограничен четвертью часа. Причем это условие выставил хозяин сердоликов – он ждал покупателей, которые должны были приехать издалека.

Майка, разумеется, опоздала, но и покупатели – тоже.

А проклятый Наследник в ожидании сидел себе перед телевизором и прикладывался к бутылке коньяка. Когда человек начинает прикладываться в пять часов дня, то к половине седьмого его самого уже не мешает приложить к горизонтальной поверхности и накрыть одеялом. Однако Майка произвела впечатление – иначе она не могла. И Наследник принялся ее обхаживать.

– Сережка, ты не представляешь – это не человек, а энциклопедия! – с искренним восторгом рассказывала Майка. – Его заслушаться можно! Он про каждый камень столько знает! Он такие легенды наизусть шпарил! Обалдеть!

– Так ты купила у него свой сердолик с прожилками?

– Сережка!… – Майка, судя по приоткрывшемуся рту, наконец-то опомнилась.

Атлет покачал головой, но в глазах у него горел некий злорадный огонек.

Сережа не думал, что родился человек, способный заговорить зубы Майке до такой степени. И проспиртованный Наследник в эту секунду даже вызвал некоторое уважение пуленепробиваемого атлета. Правда, лишь в эту мелькнувшую и улетевшую секунду.

– Возвращаемся? – мужественно спросил он.

Майка задумалась.

– Там прячется Данка, – неуверенно сказала она. – Как бы мы ей нечаянно игру не испортили. Вот Убоище чертово!

– Оно часто бывает у этого алкоголика?

– Одна тусовка! Они учились вместе. Только не спрашивай, где и чему. По-моему, они там только пить выучились, – строго заявила Майка. – Если бы я знала – я бы к этому алкоголику не сунулась! Я бы к нему кого-нибудь за сердоликом послала.

Сережа отметил, что, вслед за ним, она стала звать безумца

«этим алкоголиком», и порадовался, как радовался всякий раз, когда женщина хоть недолгое время шла у него на поводу. Он надеялся, что таким образом приближает женщин к нормальному логическому и мужскому мышлению.

– Но я слишком поздно поняла, что они знакомы. Как мне Данка сказала, что это Наследник, – я чуть в том кресле навеки не осталась! Это я во всем виновата… Как теперь Данка оттуда выберется?…

– Погоди. Убоище привело к Наследнику покупателей, так?

– Так.

Сережа задумался.

– Ну, они могут там и очень долго просидеть.

– Ага. А потом этот алкоголик с Убоищем на радостях напьются окончательно!

– Давай подождем, – предложил Сережа. – Если этот алкоголик спьяну не договорится с покупателями, то они выйдут довольно скоро. И они с Убоищем сразу же начнут пить, так?…

– Откуда я знаю…

– Подождем. Когда покупатели выйдут, я выжду немного и явлюсь туда с деньгами. Кстати, дай мне деньги. Я выкуплю твой сердолик – и ты навсегда забудешь этот адрес!

Майка закивала с таким видом, что плохо знающий женщин человек, пожалуй, и поверил бы.

– Сколько он стоит?

– Не знаю! Мы говорили о чем угодно, только не о цене!

– Молодец, – сказал Сережа. – А ты выбрала то, что тебе нужно?

– Ты понимаешь, я не успела…

– Молодец.

Если учесть, что Майка просидела в гостях примерно с семи до половины двенадцатого, прежде чем догадалась позвать на помощь, то Сережина ирония была более чем уместна.

– Говоришь, с белыми прожилками. А какого он цвета вообще? – решив сегодня покончить с этим безнадежным делом раз и навсегда, спросил Сережа.

– Ну, я же тебе сто раз говорила!

Они долго смотрели друг на друга примерно с одинаковым выражением лица, насколько это вообще возможно для круглого пикантного женского личика и удлиненного, с крайне героическими чертами, мужского лица. И оба пытались молча выразить свое недоумение: Майке не понимала, как Сережа умудрился не запомнить такую важную деталь камня, а Сережа не понимал, зачем ему вообще следовало обращать на нее внимание.

Эта немая сцена произошла уже во дворе, том самом, где,

руководствуясь Майкиными указаниями, чуть не заблудился Сережа.

Говорят, еще Сара Бернар советовала: без лишней надобности паузы не делай, но уж если делаешь – держи сколько можешь. Или не она – какое это имеет значение? Сережа с Майкой продержали паузу столько, что каждый в глубине сознания успел отвлечься от причины и задуматься о чем-то совершенно постороннем.

– Ты не помнишь, я на завтра записалась к стоматологу? – вдруг спросила Майка.

Сережа довольно быстро выстроил путь ее рассуждений. Она прикинула, что покупка сердолика может завершиться часа этак в два ночи, спать она ляжет уже около трех, проснется как раз впритык, чтобы не опоздать в свой салон, а если и опоздает, то всего на какой-нибудь час, но весь утренний график от этого поползет…

– Не помню, – честно ответил Сережа. О стоматологе он услышал впервые.

Тут они услышали шаги на той самой лестнице, с которой спустились.

– Покупатели! – радостно воскликнула Майка. – Вот здорово! Наверно, ему срочно были нужны деньги, раз они так быстро обернулись!

– Погоди, дай людям выйти, – удержал ее Сережа. – Лестница узкая, а они там еще какие-то коробки нести собирались. Да и сами они не хилые…

Три покупателя, обремененные большими сумками, вышли во двор.

Сумки были клетчатые, пластиковые, с какими бабы-челночихи ездят за дешевым барахлом в Турцию. Коробок в них могло влезть немало.

Сережа отметил, что, когда они вошли в квартиру Наследника, никаких сумок при них не имелось.

– Тихо ты… – сказал один покупатель, шедший спереди, другому, который, видно, только что вякнул сзади. Это был старший из тройки, осанистый и морщинистый.

– Андреич, а если оклемаются?

– Не оклемаются.

С тем все трое торопливо скрылись в глубине большого проходного двора.

Сережа и Майка замерли в полном остолбенении. До них не сразу дошло, что люди, которые вышли с сумками, – обыкновенные воры.

В квартире ювелира-алкоголика было что взять. С

незапамятных времен висели там неплохие картины, а его коллекции камней были находкой для знатока. Даже Майка, которая знала до этого визита, что есть бриллианты, рубины и изумруды, а все прочее не в моде, была поражена сокровищами и окружавшими их легендами. Очевидно, имелось и столовое серебро, и еще какой-нибудь антиквариат.

Прошло некоторое время – секунд шесть, а то и семь, – пока бывшие супруги догадались переглянуться.

– Кто не оклемается?… – страшным шепотом спросила Майка.

Тут у Сережи в голове сработало. Он оставил Майку и побежал к двери, ведущей на лестницу. Майка понеслась за ним.

Когда она взбежала вверх по лестнице, он уже перестал жать на кнопку звонка и прикидывал, как бы развернуться, чтобы ударить в дверь ногой или плечом.

– Не открывают? – в ужасе спросила она. – Ой! Там же – Данка!

Сережа отошел насколько мог, в два шага придал телу наивозможнейшее ускорение, за пять сантиметров от двери успел повернуться и влепился в нее плечом. Ничего не вышло.

Не отвечая на трагические выкрики Майки, он повторил попытку – и вместе с дверью влетел в коридор, причем дверь наткнулась на старый и бездействующий холодильник, а Сережа пронесся мимо него и затормозил о вешалку.

Вешалка рухнула.

Майка увидела Сережу, стоящего по колено в доисторических пальто и шубах. Судя по мужественной неподвижности лица, он плохо понимал, что за дрянь на него свалилась.

– Газ!… – воскликнула Майка.

– Газ… – ошалело подтвердил Сережа.

Они одновременно кинулись на кухню и увидели весьма правдоподобную картину – вскипевший в большой джезве кофе залил горелку.

Выключив газ и открыв окно, они поспешили в комнату – и увидели там печальную картину.

И Наследник, и Маркиз-Убоище – оба лежали на полу, на вид – пьяные беспредельно, однако что-то было в этом опьянении странным и для Сережи, и для Майки, буквально четверть часа назад видевших этих людей хоть и нетрезвыми, но вполне бодрыми.

Майка, которая, собравшись открывать салон красоты, прошла какие-то курсы с медицинским уклоном, опустилась на колени, наклонилась над ними поочередно, потрясла, подергала, даже оттянула каждому веко – и в растерянности принялась

искать глазами Сережу.

Его в комнате не было.

– Сереженька! – в ужасе заголосила она.

– Да не вопи ты… – сказал, появляясь из соседней комнаты, Сережа. – Этот алкоголик ничего не говорил – может, в квартире другой выход есть?

– А зачем тебе другой выход?

– Данка пропала. Конечно, у него тут такой бардак, что и слон пропадет…

– Данка? – Майка, забыв, что перед ней – двое помирающих, вскочила на ноги. – Дан-ка! Дан-ка-а-а!!!

– Говорят тебе, не вопи… Не в сумке же они ее вынесли…

Сережа был крайне озадачен.

– Сумки же здоровущие!

– Данка весит по меньшей мере шестьдесят шесть кило. Ручки оборвутся. И ты представь, каково тащить в одной руке – двадцать, а в другой – шестьдесят шесть. Мы бы заметили такой перекос. Она где-то здесь.

– Они ее убили… Она защищалась – и они ее убили!…

– Данка хорошо стреляет. Хоть одного она бы да уложила.

– Из пневматики?

– Даже из пневматики.

– Блин… – прошептала Майка. – Давай вызовем милицию. И скорую помощь. Я боюсь – они какие-то не такие… Дан-ка-а-а!…

И на этот вопль никто не отозвался.

– Погоди, я сам посмотрю, – и Сережа направился в самую дальнюю комнату, где скрылась в панике Данка.

Это была не спальня – это была берлога.

Сережа исправно заглянул во все углы, не поленился – встал на четвереньки и потыкал снятой со стены художественной корягой под кровать. Данки не было. Был почему-то легкий запах озона…

Тогда Сережа встал и оглядел берлогу более внимательно.

Стен не было видно под коврами и пустыми полками. Пустыми полками?… Сережа изучил их – судя по длинным полоскам пыли, на них стояли какие-то узкие штуковины. И исчезли. Значит, воры, по недоумию приведенные Убоищем, и сюда забрались.

Но не унесли же они в своих сумках и Данку!

Данка, конечно, тоже сокровище, но не до такой степени, чтобы ее в сумке таскать…

Что-то произошло в этой захламленной квартире – но что? Что могло оставить запах озона? Не пневматический же пистолет, заряжаемый баллончиком со сжатым воздухом. Или углекислым

газом?

Данку могли выбросить в окошко – но окошко спальни, обследованное Сережей, если и открывалось, то много лет назад.

Сережа пошел по квартире целенаправленно. Он искал двери.

Судя по географии, алкоголик жил в аппендиксе большой дореволюционной квартиры, поделенной на две, если не на три обычных, советских. Жильцы таких квартир, как правило, заставляют ненужные двери шкафами – и Сережа, напрочь забыв, что сюда еще должна прибыть милиция, старательно отодвинул все три имевших место в комнатах и в длинном коридоре шкафа.

И он нашел три двери – и с опозданием понял, что человек, ушедший в одну из них, никак не может задвинуть за собой еще и шкаф…

– Что мы имеем? – спросил он себя. – Мы имеем четвертый этаж, герметически запаянные окна, одну нормально функционирующую дверь наружу

и отсутствие женщины, главные приметы которой – скверный характер и пневматический пистолет. Эта женщина не хотела выходить из спальни, пока вон тот субъект, именуемый Убоище, находится хоть в алкогольном, но сознании. Значит, она там сидела, пока воры не усыпили хозяина с Маркизом-Убоищем неизвестным, но эффективным способом. Затем воры, сгребая сокровища Наследника в сумки, сунулись в спальню – и что получилось? Они без лишнего шума, без единого выстрела, покинули ограбленную квартиру в полном спокойствии, в полном составе и с добычей. Оставив запах озона…

И он произнес слово, которого всегда тщательно избегал:

– Блин…

Вот и кончился реализм, будь он неладен! Согласитесь, атлет в дырявой простыне – явление хоть и не будничное, но и не запредельное. И женщина, которая своему слову хозяйка, хоть и редко, но встречается. А вот бесследное исчезновение человека из замкнутого пространства уже попахивает фантастикой. Да что фантастикой – мистикой!

Фантастика – это когда инопланетяне, тарелочки, зеленые человечки. И нужно быть вовсе дремучим человеком, чтобы в месте приземления тарелочки не замерить радиационный фон. Есть изменения – значит, что-то произошло. Нет – перед нами классический пример свидетельской шизофрении.

Сережа вовремя вспомнил, что неразумная Майка все-таки таскала с собой счетчик Гейгера на предмет радиоактивности сердолика. Ему было неловко за себя – атлеты не должны верить во всякую чепуху. Но он вышел из спальни, взял у Майки счетчик и обошел с ним помещение.

Какая-то слабая реакция была в углу спальни, возле распахнутой и пустой застекленной витрины. То ли была, то ли почудилась. Счетчику, который провел молодость в кабинете гражданской обороны, тоже чересчур доверять нельзя.

Так вот, скажу по секрету – это началась мистика.

Глава третья, несуразная

Сережа был убежденным реалистом.

Майка же увлекалась всякими бреднями. Как-то, обнаруженная в кафе с молодым человеком, моложе ее лет на восемь по крайней мере, она совершенно серьезно сказала Сереже, что это ее кармический муж. Они, видите ли, через пять минут стремительного знакомства разговорились о карме, сверили кое-какие события своей жизни, поделились судьбоносными снами – и все про себя поняли! Сережа, который тогда еще был законным мужем, так посмотрел на мужа кармического, что тот исчез навеки.

А что касается переселения душ, домовых, всяких выкрутас с зеркалом – тут Майка была непревзойденной специалисткой. Однажды из-за ее проделок Сережа похудел на пять кило. Майка решила заняться своей фигурой, пока не поздно, – и для этой цели обзавелась маятником. Это был какой-то особый маятник, латунный, в виде диска с прорезью, куда следовало вставлять продукты питания. Во время завтрака и ужина Майка потчевала устройство творогом, колбасой, сыром и по колебаниям гадала – отложится пища на боках или же будет переварена без проблем. Худеть-то собралась она – а от штучек с маятником аппетит пропадал у Сережи…

Но иногда Сережин реализм приносил пользу.

В частности – Сережа не захотел сообщать милиции, что в квартире Наследника была и бесследно исчезла вооруженная женщина. Все остальное – на здоровье! Он и Майку убедил этого не делать. Без Данки картина складывалась вполне реалистическая. Сережа приехал забрать Майку, на выходе они столкнулись с ворами, которых привело Убоище, а потом, уже на улице, Майка вспомнила, что забыла в квартире… ну, скажем, очки. Или мобильник.

А если с Данкой – то началось бы совершенно бестолковое разбирательство. И, объясняя ее поведение, Сережа с Майкой окончательно бы все запутали. Тем более – поди объясни мистику милиционеру…

Когда они покинули отделение милиции и соображали, стоит ли ложиться спать, или проще пересидеть два часа и разбежаться по рабочим местам, Сережа высказал гипотезу: а что, если Данка, выскочив из квартиры вслед за грабителями, поднялась зачем-то на пару этажей выше? А потом, пока Сережа с Майкой суетились и ползали со счетчиком Гейгера, просто-напросто сбежала? От нее ведь всего можно ожидать – и, если это так, она сумеет

объяснить свой странный поступок более или менее вразумительно. Тем более, что в квартире был тот, кого Сережа для себя уже навеки окрестил Маркизом-Убоищем, что несомненно повлияло на Данкины деяния.

Майка обрадовалась – и сразу же принялась звонить Данке.

Трубку никто не брал.

Примерно к середине дня стало ясно, что Данка пропала основательно. Она не появилась ни на работе, где ее ждали с плохо сдерживаемой яростью, ни у двух подружек, ни у человека, с которым десять лет назад была в таких близких отношениях, что до сих пор два-три раза в неделю пила с ним свой послеполуденный кофе.

Майка запаниковала – а Сережа предложил позвонить Наследнику. Возможно, после промывания желудка он уже приехал домой.

Майка принялась искать в сумке неизвестно чью визитную карточку, на обороте которой этот телефон записала.

Еще когда визитные карточки только вошли в моду, Сережа, предвидя будущие сложности, купил Майке книжечку с прозрачными кармашками на полсотни визиток. И она исправно таскала с собой пустую книжечку, а килограммы визиток валялись на дне сумки просто так.

В конце концов она разложила перед собой штук пятнадцать. На обороте каждой были телефонные номера, записанные Майкиной рукой. А который принадлежал Наследнику – она уже не понимала.

Сережа сообразил, на какие цифры начинаются номера в том районе, и вычислил нужную карточку.

Действительно – Наследник оказался жив и промыт. Возможно, даже трезв. Он сообщил по телефону название того снотворного, которое грабители подсыпали в стаканы ему и Маркизу-Убоищу, но повторить это длинное слово Майка не сумела. Да и не получался у нее что-то путный разговор. Чертов алкоголик, еще не подсчитав убытков, утверждал, что обещанный ей кусок сердолика пропал вместе с прочими сокровищами, Майка говорила, что звонит совсем по другому поводу, а он, чтоб его приподняло да шлепнуло, опять принимался оплакивать камни, рамы от картин и китайскую вазу с драконами.

Трубку взял Сережа.

– Мы приедем через полчаса, – строго сказал он.

Когда они приехали, были впущены и еще раз услышали, на какую астрономическую сумму Наследника обчистили, да как милиция собирается вести следствие, да какая скотина этот Маркиз-Убоище (имени приятеля Наследник так и не назвал, да

оно и не потребовалось – когда звучало «эта сволочь», все и так понимали, о ком речь), Майка спросила про Данку.

– Дануся же ушла!… – удивился Наследник.

Сережа подивился тому, как прочно алкоголики запоминают внушенное им после третьей бутылки вранье.

– Никуда она не ушла, а спряталась в спальне, – объяснила Майка. – В последний раз мы ее видели, когда она вбегала в спальню. И больше никто ничего о ней не знает! Она не вышла на работу! Она никому не позвонила! И дома тоже пусто!

Майка малость соврала – они с Сережей видели, как Данка проносится по коридору и исчезает. Как она влетает в спальню – не видел никто, но ведь больше ей спрятаться было негде.

Пришлось объяснить и причину ее паники, включая неправдоподобное обстоятельство – клятву.

– Ну да… – задумчиво произнес Наследник. – Жена выставила-таки эту сволочь и подала на развод. А ведь я помню времена, когда они с Данусей ко мне вместе приезжали и вместе уезжали… Все правильно – если эта сволочь срочно на ком-то не женится – на ком-то с квартирой… Все правильно! Ему же еще алименты платить! Ну да. Он и должен был до этого додуматься.

– Но ей-то это ни к чему! – воскликнула Майка. – Она до такой степени его видеть не желала, что скорее бы в окно выпрыгнула!…

– Блин-н-н… – протянул алкоголик. И, не успели Сережа с Майкой квакнуть, как на столе оказалась не только початая бутылка коньяка, но и три маленьких стакашка к ней. Три непритязательных хрустальных стакашка, прекрасной работы, вот только помыть бы их не мешало…

– Я приехал всего час назад, – объяснил алкоголик, – и сразу же вы позвонили. Я ничего не успел!… Вот все, что у меня есть!

И сделал жест – но что за жест! Как если бы он собирался взлететь – но крылья надломились. Когда тощие и неимоверно длинные руки проделывают такие жесты, достойные если не балерины, то гомосексуалиста, порядочному атлету хочется встать и уйти.

Но уходить, не выяснив вообще ничего, Сережа с Майкой не могли.

Сережа посмотрел на Майку, как бы желая ей передать взглядом информацию: человек, которому этой ночью промыли желудок, должен был бы съесть что-нибудь вроде овсяной каши, а не начинать с коньяка.

Майка тоже была озадачена.

Вся бойкость ее характера вмиг куда-то подевалась.

Возможно, среди всех алкоголиков, виденных ею, этот был

самый профессиональный.

– Стой! – воскликнула вдруг она. – А если это – та бутылка, куда они подсыпали снотворное?

– Они подсыпали прямо в стаканы, в больнице сказали, – возразил Наследник, но на бутылку уставился с недоверием. Затем он стремительно встал, так покачнувшись, что Сережа выбросил вперед руки – ловить его, и, обретая равновесие, мотнул всем телом самым непотребным образом.

И исчез в спальне.

– Он сам ничего не понимает, – буркнул Сережа. – Сматываемся.

Майка прислушалась.

– Он там пьет! – громко прошептала она.

– Булькает? – спросил Сережа.

– Точно – пьет! Он же видит, что мы не хотим. И пьет, гад, в одиночку!

Тут хозяин ограбленной квартиры появился из спальни с двумя бутылками в руках. Одна была еще запечатанная, но в другой просматривалось около двух третей напитка.

– Главного они, между прочим, не нашли! – вдруг радостно сообщил он.

– Неприкосновенного запаса? – осведомился Сережа, имея в виду коньяк.

– Неприкосновенного запаса! – весело подтвердил Наследник. – Так выпьем же за мудрого дедушку, который таки знал, куда нужно прятать самые ценные вещи!

Сережа и Майка переглянулись.

Возможно, в спальне был настоящий тайник, который Сережа по неопытности просмотрел. Да и где сказано, что атлеты должны грамотно простукивать стены?

Наследник, которого алкоголь вывел из тоски по украденному имуществу, расплескал надежный коньяк по стакашкам, а подозрительный, изучив бутылку на свет и тяжко вздохнув, вылил с горшок с помирающим кактусом.

– Пусть вздремнет! Ну – вздрогнем?

Оборудовать тайник в старом доме несложно – это понимали даже тренер по культуризму и владелица салона красоты. Очень может быть, что в спальне имелся не только тайник, но еще и какой-нибудь запасной выход. И потому, в надежде на сведения, Сережа и Майка взялись за стакашки.

Наследник, естественно, вздрогнул первым. Пока он стоял, запрокинув голову, и мысленно сопровождал глоток по стенкам пищевода в желудок, причем скорчил при этом совершенно китайскую рожу, Майка отхлебнула чуточку и поставила

посудинку на стол. Ей как женщине это было простительно.

В своей компании Сережа не пил – все давно к этому привыкли и не возмущались. В чужих компаниях – находил выходы из положений. Ближайшим выходом оказалась пустая бутылка из-под сомнительного коньяка, стоящая на полу у его левой ноги. Сережа, как бы не замечая, что творит его левая рука, постарался перелить туда напиток.

– Так, значит, вы не видели, как Данка вышла из спальни? – снова начала безнадежный допрос Майка.

– А разве она вышла из спальни?

Наследник присел на край журнального столика, опасно покачнулся и задумался.

– Позвольте, что же было в спальне? О-о! А в спальне у нас было вот что…

Едва не рухнув, он вскочил и стал шарить по книжной полке.

Сережа тут же решил, что если на свет появится еще одна бутылка, он примет физические меры. Но Наследник достал всего-навсего альбом.

Это был странный альбом – ни одного человеческого лица не было на снимках, а сплошь многократно увеличенные камни, отшлифованные на разные лады.

– Вот, вот они… – Наследник нашел фото, на котором была внутренность шкатулки, поделенной на маленькие квадратные отсеки, и в каждом на темном фоне выделялся камень. По снимку трудно было определить масштаб и установить подлинную величину камней, а количество Сережа определил сразу – двенадцать штук.

– Вот что там было – и пропало! Клянусь дедом – за ними-то и приходили!

– А что это такое? – спросила Майка.

– Вы когда-нибудь слышали про моего деда? – вопросом же ответил Наследник. – Сейчас я вам покажу его!

Портрет деда оказался холстом площадью в квадратный метр, только не квадратным, а вертикально вытянутым. И именно холстом – антикварную раму грабители утащили. Почему они побрезговали дедом до такой степени, что потратили время на вырезание холста, Сережа понял сразу.

Портрет изображал матерого ветерана с таким количеством орденов, что поневоле вспомнился огромный портрет генсека Брежнева, который висел на торцовой стене институтского здания в годы Сережиной учебы. Портрет служил общим развлечением – всякий раз, как генсек сам себе давал очередной орден, неведомый художник удлинял его левое плечо – иначе награда не помещалась. Анатомический монстр в один прекрасный день

сгинул, а воспоминание всплыло при взгляде на орденоносного деда. Художнику, уместившему весь иконостас, тоже, видать, пришлось тяжко.

Махровый реализм выдавал и время создания портрета – пятидесятые годы.

– Дедушка… – ласково пробормотал внучек-алкоголик, которому сейчас было примерно столько же лет, сколько тогда – деду. Он держал портрет распяленным перед грудью, так что его длинное скорбное личико в седеющих локонах нависало над ветераном на какой-то ангельский манер, и это в целом создавало сюрреалистический эффект.

– Ну, дедушка, – согласился Сережа. – Воевал?

– До Берлина! Во был дед!

Сережа поглядел на ветерана с уважением. Однако было в обрюзгшей сытой физиономии нечто, уважению препятствовавшее. Должно быть, реалист-художник не поладил с заказчиком… или оказался чересчур реалистом?…

– Солидный дед, – подтвердила Майка.

Наследник молча разлил по стакашкам надежный коньяк.

– За здоровье… то бишь за упокой!

Пришлось выпить.

Сереже стало сразу тепло и хорошо. Это ощущение испугало его – он ведь пришел сюда не марочным коньяком наслаждаться, а по серьезному делу.

– Там, в спальне, тайник – большой? – сходу спросил он.

Наследник, еще сопровождавший какими-то внутренними рецепторами продвижение коньяка по пищеводу и его дальнейшие странствия по желудку, вскинул на атлета удивленные глаза.

– Большой! – уверенно заявил он. – И что изумительно – бабка о нем ни разу не догадалась! Всю спальню обшаривала – не нашла!

– Вот такой? – Сережа распростер руки, описав силуэт высокой женщины. Майка еле увернулась из-под тяжелой, пролетевшей мимо самого носа ладони.

– Поменьше, – сказал, подумав, Наследник.

– А выход оттуда есть? – задал следующий практический вопрос Сережа.

– Разумеется, есть! – Наследник даже обрадовался тому, как приятно течет беседа. – Прекрасный выход, час будешь смотреть – не увидишь!

– А куда ведет выход?

– Куда? Наружу!

Майка смотрела то на бывшего мужа, то на дедушкиного

внука. Что-то в допросе показалось ей странным. Но она молчала – не из благородных побуждений, впрочем, и не потому, что идеальная женщина, сконструированная Сережиным воображением, не должна вмешиваться в серьезные мужские разговоры. Нет, разумеется! Просто Майка чуяла, что вот-вот произойдет какая-то смешная ерунда, и давала ситуации возможность созреть. Если бы сейчас тюкнутый коньяком Сережа, мучительно соблюдающий серьезность на физиономии и лаконичность в речах, совершил ошибку! Да ей бы этой ошибки лет на десять хватило!

– Ах, вот как? Наружу? – уточнил Сережа, пытаясь умственным фломастером на умозрительной бумажке нарисовать загогулистый план квартиры.

Ему случалось в старых домах встречать самые диковинные планировки. Возможно, имелась в виду лестница черного хода. Или же та небольшая дверь на лестничной площадке рядом с большой, принадлежавшей Наследнику.

– Ес-тест-вен-но! – и Наследник резко кивнул, всей подвижной рожицей изобразив счастье взаимопонимания.

– А Данка могла им воспользоваться?

– Дануся? Если бы нашла? – и Наследник вдруг расхохотался во всю пасть. – Ну, я не знаю! Если бы захотела!…

Майка, будучи из троих самой трезвой, вдруг сообразила, что происходит. И ощутила подлинное блаженство – блаженство предвкушения!

– А давайте проверим! – предложила она. – Если я его найду – значит, и Данка могла его найти. Ну?

Сережа посмотрел на бывшую жену с подозрением. Уж больно разумно она вмешалась, несмотря на то, что женщина…

– Проверим! – сразу согласился Наследник.

Майка была впущена в ограбленную спальню.

Она окинула развороченное помещение испытующим взором. Бабка, стало быть, тайника не нашла. Если бабка была из тех, кто дошел до Берлина, значит, искала грамотно… Вывод – тайник торчит на видном месте.

Майка пошла по периметру комнаты, сразу отметая соблазн простукать стены и ободрать ковры.

Спальня у Наследника была впритык набита старой мебелью. Уже она одна составляла целое состояние. В старой мебели всегда есть тайнички… Нет! Нужно искать с другого конца!

Майка представила себе деда в последние годы его бурной жизни. Деда отяжелевшего, возможно, даже неспособного передвигаться без палки. Дед заползает в спальню на минуточку – а когда следом за ним врывается бабка, он уже пьян как

фортепьян – именно так тогда описывали превосходную степень опьянения. Значит, тайник – не под кроватью и не за ковром, не в недрах мебели и не в люстре! Блин – так где же?…

Подоконник?…

Трудно было предположить, что бабка не обследовала подоконника. Майка тем не менее отодвинула тяжелую портьеру, снабженную витыми золотистыми шнурами с преогромными кистями.

Тайника, понятное дело, не было, а окно смотрело на обшарпанную стену соседнего дома. Неудивительно, что портьера вечно была задернута – Майка тоже не стала бы терпеть такой пейзаж…

Однако ее заинтересовало устройство этого театрального занавеса.

Встав вплотную к портьере, Майка ухватила кисть и с силой потянула за шнур, глядя при этом вверх – туда, где должны были перемещаться кольца с прищепками. И прозевала самый ответственный момент.

Ей на голову быстро, но плавно опустилась подвешенная за горлышко бутылка.

Веревка была так хитро пропущена в кольца, что при их сдвигании бутылка ехала вниз. И более того – до последнего времени она там обитала не одна. Рядом опустились три пустые петли.

Очевидно, дед по дороге к Берлину заимел привычку пить из горла…

Изумленная Майка рукой задернула портьеру – и бутылка скрылась вверху бесследно.

Тогда Майка подтащила к окошку стул и изучила устройство более внимательно.

Хитрый дед использовал пространство между двумя штангами, одна из которых держала портьеру, а другая – собранный мелкими складками ламбрекен из той же ткани.

– Сюда! – крикнула Майка. – Я удавленницу нашла!

Не успела она усомниться в выборе слова – может, правильнее было бы назвать бутылку висельницей? – как в спальню ворвался Сережа.

– Где?! – рявкнул он.

Майка онемела, потрясенная его яростью, и закатила глаза, всем видом показывая – вон там, за ламбрекеном!

Сережа испытал огромное желание стукнуть себя кулаком по лбу. Надо же – обшаривая спальню, он ползал на карачках, как будто тайник не может быть выше уровня человеческого роста. И все клеилось одно к одному – Данка оказала грабителям

сопротивление, их было трое, она – одна, ее удавили, труп – вздернули повыше!…

Даже не подумав, зачем бы занятым кражей скотам тратить время на упрятывание трупа, да еще такое диковинное, Сережа оттолкнул Майку и рванул на себя портьеру.

И под влиянием марочного коньяка рванул во всю дурь.

Край толстой деревянной штанги сорвался со своего законного крюка, пролетел мимо Сережиного затылка и повис, покачиваясь. Портьера рухнула на отважного атлета более или менее удачно – накрыла его с головой и натянулась под тяжестью края штанги. Сережа окаменел, не понимая, что стряслось. И стоял, подобно задрапированному простыней памятнику накануне церемонии открытия, пока стенающий Наследник и помирающая со смеху Майка не приподняли штангу и не вывели его на свет Божий.

– А теперь полезай и зацепи ее, – распорядилась Майка. – Только не знаю, хватит ли одного стула. Гляди, какие тут высокие потолки.

Сережа задрал голову.

– Удавленница где? – нехорошим голосом спросил он.

– Да вон же болтается, – безмятежно отвечала Майка. – Ты чего?

– А выход? – еще не врубаясь, Сережа повернулся к Наследнику. – Выход наружу?

– Так это он и есть, – печально сказал Наследник. – Маечка все правильно нашла. Дернешь за шкур – оно и выходит наружу. Отпустишь – убирается вовнутрь.

Коньяк, принятый за упокой дедовой души, мешал Сереже осознать приключившуюся околесицу.

Ему был обещан большой тайник с выходом наружу.

Пространства между двумя штангами, повешенными с каким-то барским размахом, хватило бы, чтобы спрятать там и самого Сережу – боком он бы, пожалуй, протиснулся. Выход – если считать это выходом, был. И Данка могла воспользоваться тайником – в том случае, если ей, затаившейся с пневматическим пистолетом за кроватью, вдруг бы безумно захотелось хлебнуть коньяка… Все сходилось, черт возьми! А больше Наследник ведь ничего и не сказал.

Молча и с сердитым сопением Сережа навесил штангу.

Майка, понимая, что уж про это приключение Сереже лучше вообще никогда не напоминать, увела Наследника из спальни. А когда Сережа присоединился к ним, тот уже держал речи мистические.

– И если они посылали экспедиции в Тибет, если домогались

каких-то тайн от далай-ламы, то им наверняка была известна авестийская традиция! – разглагольствовал он. – Все началось с зороастризма! Все началось с Первичного неба, которое расколол Ангро-Майнью! И с того, что изначальная модель проявленного мира строится заново… А потом осколки древнего знания передавали из поколения в поколение, искажая кто во что горазд! Но это было не только знание! Нет!

Сережа замер в дверном проеме. Его поразило лицо Майки. Так она не смотрела даже на него, красавца-атлета, в тот миг, когда вымогала из него предложение руки и сердца. Нежность струилась потоком и водопадом! Стройная шейка вытянулась! Губки приоткрылись, как бы жаждая поцелуя! И все это творилось ради пьяного Наследника!

– Вот, вот! – Не ображая внимания на шейку и губки, Наследник, покопавшись в толстой книге, ткнул длинным пальцем в середину страницы. – Сейчас зачитаю.

Сережа присел на табурет рядом с Майкой и приготовился слушать – в такой здоровенной книжище наверняка было что-то полезное.

– Капитан повелел подать другой ларец, и, лишь только слуга его принес, сказал: «Вот диковинная забава, история коей такова. Как-то раз, странствуя по морям, я достиг острова Лангкави и попал в безветрие, так что паруса на корабле обвисли, пресная же вода была на исходе. Мы немало опечалились и хотели было послать лодку на остров за водой…»

Майка подтолкнула Сережу и сделала недоумевающую рожицу. Действительно – какое отношение к Данке мог иметь остров Лангкави?

Наследник меж тем вещал самозабвенно, наслаждаясь сказочными подробностями. Возможно, уже забыв начисто, ради чего он взял в руки книгу… Он едва не подпустил в голос слезы, когда отважного капитана, ослабевшего от жестокой жажды, сморил сон. И воспарил голосом в поднебесье, когда во сне явился некий почтенный старец, призывающий высадиться на острове, невзирая на гнусные погодные условия.

– «… и взойди на вершину горы, венчающей остров! Там ты увидишь ларец из слоновой кости. Возьми тот ларец, в нем сокрыт хрустальный ящичек, в ящичке – шкатулка из бирюзы, в ней же – сапфир, в коем обитают два павлина. Выйдя из сапфира, они станут с несказанным изяществом танцевать, распустив хвосты и распевая пантуны и селоки. Есть в той шкатулке и иной сапфир. Ежели положить его на позлащенное ложе – из него выйдет царевна, несравненной прелестью лика подобная четырнадцатидневной луне, сияющей в небесах».

Тут лишь Сережа понял, что Наследник читает начало какой-то восточной сказки, чуть ли не из «1001 ночи».

Время для сказок было самое подходящее!

– Там дальше всякие приключения, – вдруг сам себя прервал Наследник. – Но вот еще! «Тогда Исма Ятим взял меньший сапфир, положил его на золотой поднос, и из сапфира вышли два несказанно прекрасных павлина; другой же сапфир он опустил в хрустальный флакон, и тотчас тот сапфир зазвучал, и полилась из него музыка дивной красоты, в коей сменяли друг друга сто двенадцать ладов…»

Сережа и Майка переглянулись. Вроде бы в белой горячке мерещатся мыши и чертики, но уж никак не павлины. А что Наследник вполне мог допиться до белой горячки – они и не сомневались.

Нежность, озарившая Майконо лицо при упоминании об Авесте и зороастризме, уступала понемногу место скепсису. Она любила сказки – но, так сказать, сказки научные, а не фольклорные!

– Тогда царевна Мехран Лангкави так помыслила в сердце своем: «До каких пор мне скрываться в сапфире? Выйду-ка я из него и сыграю шутку с государем и государыней», – Наследник, увлекшись, заговорил от лица юной царевны тоненьким голоском. – Подумав так, она вышла из сапфира, подобная полной луне, и свет, озаривший лицо царевны, заиграл в самоцветах и драгоценных уборах государева терема…

Насколько Сережа понял, Мехран Лангкави принялась бродить по какому-то спящему гарему. Но ничего общего между гаремом и Данкой он, как ни тужился, найти не мог.

– Ну, дальше эротические подробности… – Наследник вдруг засмущался. – Вам ясно примитивное повторение изначальной схемы? Сапфир – в бирюзе, бирюза – в хрустале? Вам ясен путь распространения традиции?

– Ясен, ясен! – быстро сказала Майка. – Традиция прекрасная, но, знаете, нас время поджимает!

– Что – время? – спросил Наследник. – Что такое время по сравнению с вечностью? И которое время вы имеете в виду?

Он уставился на Сережу, которому сейчас было вовсе не до философии.

– У нас нет ни времени, ни вечности, – сказал Сережа, вставая с табурета.

– Да подождите же! – взвыл Наследник. – Вы ведь ничего не поняли! Сейчас я прочитаю еще один отрывок! И вам кое-что станет ясно!

Он протянул к полкам руку, причем она вытянулась

сантиметров на двадцать поболее, чем ей полагалось по человеческой анатомии, и цапнул еще одну книгу.

Майка тоже встала.

Ни нежности, ни скепсиса уже не было в ее глазах, а только паника.

– Флибустьеры были убеждены в необходимости борьбы с испанцами, так же, как и в том, что отбирать у них серебро и золото – справедливо! – провозгласил Наследник, и в его физиономии прорезалось нечто абордажное. – Руководствуясь такими моральными соображениями, действовал, например, Даниэль Монбар, прозванный Истребителем!

– Истребитель – это уже авиация, – возразил Сережа, пятясь к выходу.

Наследник заметил этот маневр. Но даже под градусом он понимал, что не с его слабыми силенками и хилыми ручонками удерживать атлета европейских кондиций. Поэтому он забубнил с отчаянием обреченного и скоростью пулемета.

– В годы учения в школе на юге Франции он познакомился с работами епископа Лас Касаса, защитника индейцев, а позднее прибыл на Тортугу, чтобы мстить испанским убийцам за смерть многих тысяч аборигенов Америки! С помощью французского губернатора Тортуги он снарядил корабль! Его не прельщали ни сладость добычи, ни свободная жизнь на море! Им руководила только жажда мести! Нападая на испанские корабли и поселения, он не щадил ни одного испанца!

– Вот и замечательно, – не вникая в смысл, а как бы реагируя на шум, отвечал Сережа. – Отступаем, отступаем…

Но Майка оказалась в неудобном положении – Наследник загораживал от нее выход. А гостиная была настолько заставлена, что пройти мимо него мог разве что таракан по стенке.

– Сереженька!… – взмолилась она.

Сережа протянул могучую руку, поднял за спинку тяжелый стул, вознес его чуть ли не к потолку и держал, пока Майка пробиралась мимо судорожно листающего книгу Наследника.

– … вспарывали живот, конец кишки прибивали к дереву, а затем начинали тыкать его горящим факелом под зад, заставляя бежать, разматывая внутренности… – донеслось до них. Очевидно, так Истребитель разделывался с испанцами.

Майка зажала рот – и по глазам Сережа понял, что ей сейчас сделается дурно. Он прижал к себе бывшую жену, шаг за шагом продвигаясь к двери в коридор.

– Ну, вот оно! – восторжествовал Наследник. – Три месяца спустя флибустьеры обнаружили наконец испанский корабль. Он оказался сильным противником, имея на борту сто тридцать

человек команды и тридцать одну пушку. В то время как большие корабли флибустьеров взяли испанца под обстрел, отряд из четырех каноэ подошел к противнику с противоположной стороны и овладел судном.

Сережа и Майка разом выпихнулись в дверь, благо Наследник смотрел не на них, а в книгу.

– Однако вместо ожидаемых золота и серебра на корабле оказались только бумага и железо. Были кое-какие ценности в каюте одного из пассажиров, но Монбар не присоединил их к общей подлежащей разделу добыче, а велел перенести к себе в каюту. Новое разочарование было настолько велико, что удерживать в повиновении флибустьеров он более не…

Тут на Майку вдруг накатил светский тон. Она не могла уйти просто так – ей нужно было удалиться, как принято в приличном обществе.

– Сережа! – громко прервала она флибустьерские страсти. – Нас время поджимает! Мне еще к стоматологу, потом в магазин, потом меня в центре американской косметики ждут, а у тебя же тренировка с этим, ну, с чемпионом!…

Ни одного слова правды в этой речи не было.

– Чемпион ждать не станет! – согласился Сережа, возясь с замком.

– Дослушайте же! – взмолился Наследник, высовываясь в коридор. – И вы все поймете… ик!…

Пока бедолага справлялся с икотой, Майка и Сережа оказались на лестнице.

– С командой немногим более трехсот человек Монбар в Гондурасском заливе тщетно выжидал добычу! – неслось им вслед. – Счастье покинуло его! В довершение бед корабль с полуголодной командой сел на мель! Вспыхнул бунт! Верные Монбару индейцы недолго продержались, защищая флагманский корабль! Флибустьеры ворвались на палубу…

А что натворили они на палубе – так в тот день и осталось тайной для Майки и Сережи. Они быстро сбежали с лестницы и опомнились уже во дворе, возле мусорного контейнера.

– Он точно спятил! – заявила Майка. – Сам он павлин и флибустьер!

Сережа поймал себя на том, что полностью согласен с бывшей женой. За четыре года этакое случалось не часто.

– И ни фига мы не узнали! – продолжала возмущенная Майка. – Почему ты не спросил у него телефон Убоища? Мы бы сразу отсюда поехали к нему! Должен же он знать, каких сволочей притащил к Наследнику!

– Его уже в милиции допрашивали, – безнадежно сказал

Сережа. Насколько он мог просчитать ситуацию, милицейский протокол так и останется без движения, зато Маркиз-Убоище долго будет страдать идиосинкразией ко всякого рода допросам.

Вдруг Майка уставилась на Сережу с ужасом.

– Сереженька!… На кого ты похож?!?

А на кого может быть похож человек, обрушивший на себя штангу с портьерой, паутина и пыль на которой копилась с дедушкиной смерти?

– Не смей! – завопила Майка, вцепившись Сереже в руку. Он как раз собирался сбить с себя пылищу ладонями.

– Еще хуже получится!

– Но не могу же я садиться в машину в таком виде! – возразил Сережа.

Майка вздохнула – до сих пор «гольфик» хоть изнутри был относительно чистым…

Вот стоят они, решая идиотскую проблему – развозить ли грязь по свитеру и джинсам, или по внутренностям «гольфика». И пока еще понятия не имеют, что Наследник-то был прав! Алкоголизм алкоголизмом, а след он нечаянно взял верный. Может, дед ему чего успел растолковать, может, озарение случилось.

И павлины с флибустьерами имеют-таки отношение к исчезновению Данки с пневматическим пистолетом.

Но прежде, чем это понять, они еще немало дров наломают…

Глава четвертая, лихая

Еще несколько дней прошло в поисках Данки.

Майка вышла даже на след Маркиза-Убоища. Сережа не удивился, узнав, что этот алкоголик работает в местной филармонии артистом разговорного жанра. Вид у него был уж слишком, не по-мужски, артистический. Один длинный плащ с шарфом по колено чего стоили…

Они отправились отыскивать Маркиза-Убоище, но его как раз услали на гастроли. И нетрудно было вообразить радость гастролера, который не без оснований предполагал, что допрос в милиции – еще колыбельная Моцарта по сравнению с той разборкой, которую может затеять Наследник.

Оставшись в полном неведении, как вышло, что филармоническая звезда вдруг привела домой к лучшему другу обыкновенных грабителей, Майка вернулась на полчаса к проблемам красоты и здоровья. И обнаружила, что за время ее отсутствия в салон были засланы агенты конкурирующей фирмы. Они переманили молодую массажистку и видели все флаконы на полках в подсобке! Флаконы Майка достала по большому знакомству, в них были совершенно чудодейственные средства, но инструкция к средствам была напечатана на языке иврит. Майка оплатила перевод, вместе с переводчицей сидела над каждой страницей, уточняя оттенки значений, и на тебе! Кто-то перехватил идею!

Устроив Сереже по этому поводу сцену с рыданиями, Майка потребовала немедленно доставить аппарат для сердоликотерапии. И умчалась на «гольфике» в неизвестном направлении.

Сережа отправился за аппаратом.

Народный умелец Виктор Иванович, которому он доверил изготовление из старого фена и резиновой трубки секретного медицинского орудия, раньше работал в том же конструкторском бюро, только не научным сотрудником, а чем-то средним между слесарем и электриком. И считался неплохим мастером по железу. Приходилось ему выполнять сложные задания, так что Сережин заказ умельца насмешил. Что делать – посмеялись вместе…

Сейчас он трудился в компьютерной фирме и занимался исключительно дорогостоящими и капризными принтерами.

Сережа обнаружил умельца не то чтобы между небом и землей, а между первым и вторым этажами на хрупком настиле, куда вела лестница из каких-то ажурных решеточек. Фирма, не

желая платить за аренду большой площади, увеличивала имеющуюся как могла, благо высокие потолки старого дома позволяли. Лестницу Виктор Иваныч сделал под интеллигентную фигуру – ориентируясь при этом на собственную, а сложения он был худощавого.

Не больно надеясь на тонкий настил, народный умелец все, что мог, привинтил к стенкам и приладил на кронштейны, в том числе и огромный письменный стол, обшарпанный, как будто его крысы обгрызли.

Сережа посмотрел на лесенку – и решил не испытывать судьбу. Он понял, что если не рухнет – так застрянет. Атлет снизу окликнул Виктора Ивановича – и тот все понял.

– Вот, – сказал Виктор Иванович. – Все как заказывали.

Он достал из верхнего ящика стола большой старый фен с насаженной на сопло черной резиновой трубкой восьми сантиметров в диаметре.

– Гляди, – приказал умелец. – Трубка снимается вот так.

– А где крепится камень?

– Элементарно.

Виктор Иванович сунул в трубку палец, подцепил и вытащил на поверхность что-то вроде миниатюрной клетки для тараканов. Она была изготовлена из двух кружков стальной сетки, расстояние между которыми регулировалось четырьмя болтами на гайках и шайбах, а также имела проволочную петлю для удобства вытаскивания. Присев на корточки, он показал тараканью клетку Сереже.

– И никаких винтиков! – обрадовался Сережа, который хорошо запомнил Майкины нелепые инструкции – сердолик, мол, нужно привинчивать.

– Вот именно, – согласился обрадованный его восторгом Виктор Иванович. – Твой камень заправляется между обеими сетками, а их задвигаешь в трубку вот досюда, у меня там ограничитель.

Он ткнул пальцем в трубку снаружи – и Сережа не мог не согласиться, что расстоянию в три сантиметра от черного отверстия место ограничителя соответствовало.

– А температура?

– Сделано. Не больше сорока. И вот, гляди, отсюда пойдет отработанный воздух.

– Понял.

Прибор, которому суждено было поднять Майкин салон на вершины славы, имел подозрительный самопальный вид, и Сережа осведомился – нельзя ли на эту технику надеть хоть какой кожушок, желательно со шкалами, циферблатами,

бездействующими кнопками, загорающимися лампочками и прочим техническим дизайном. Виктор Иванович подумал – и вытащил из стола полупрозрачную панельку от принтера со всякими английскими словами. Приложил – панелька оказалась длиннее ручки фена.

– Есть еще компас, – предложил он.

– Компас?… – Сережа вдруг подумал, что Майка, далекая от географии, этого предмета и не признает. – Валяй! И термометр – обязательно! Знаешь, такой длинный, как для ванны!

– Слушай, – засомневался вдруг умелец. – Это же выйдет вот такая дура!

Он показал руками. Сережа прямо-таки увидел в этих руках здоровенный отбойный молоток для асфальта. Наверно, и сам Виктор Иванович в этот миг его представил – руки умельца задрожали, как если бы он удерживал на весу вибрирующее от избытка силищи включенное орудие.

– Вот и прекрасно, – одобрил Сережа. – Чем больше – тем лучше. Знаешь что? Ее еще можно установить на штативе. Дай бумагу!

Он положил стопку листов на хлипкий настил и принялся рисовать, одновременно объясняя.

– Вот тут будет койка… ну, массажная кушетка… на ней – пациент… тут – штатив… тут – штанга…

Виктор Иванович следил за авторучкой, меняясь в лице: то уважение переходило в ужас, то ужас – в уважение.

– И все это – вокруг фитюльки весом в полкило? – наконец осведомился он.

Сережа понял, что увлекся.

– Ну, в общем, ты сам лучше знаешь, – туманно сказал он. То ли эти слова отменяли все фантазии напрочь, то ли Сережа всего лишь рассчитывал, что народный умелец загонит их в разумное русло – этого Виктор Иваныч сразу не понял.

Но за пятьдесят лет жизни и двадцать лет работы с научными сотрудниками он уверовал не столько в силу их разума, сколько в силу их склероза.

Виктор Иванович не сомневался в том, что, явившись за окончательным вариантом аппарата, Сережа и не вспомнит добрую половину своих сегодняшних инструкций.

И он оказался прав.

* * *

Майка меж тем носилась по городу как наскипидаренный кот.

Она вычислила врагов и плела интриги. Первым делом она побывала у всех знакомых журналистов и поменяла рекламу. Теперь она раскрывала ту коммерческую тайну, которую у нее все равно уже украли, и пускала в ход другую. На следующей неделе она открывала в салоне кабинет литотерапии! И раскидала по редакциям пресс-релиз, посвященный методу доктора Бадигиной. Особый упор делался на преследования, которым подверг Бадигину лично товарищ Сталин. Майка знала, за что непременно уцепится пресса. А про радиоактивность белых прожилок нагретого сердолика там упоминалось как бы вскользь, без единой цифирки. Уж больно прост в изготовлении был рекламируемый аппарат…

Попутно она узнала, что коллеги Данки в растерянности не побрезговали и милицией. Они дружно отнесли туда заявление о пропаже – и столь же дружно вынесли его оттуда. Им сказали, что молодую активную женщину разыскивать незачем – наверняка потеряла счет времени в чьей-нибудь постели. Поскольку маньяков в том месяце не обнаружилось, а последний выловленный специализировался на мальчиках, коллеги отбыли восвояси.

Еще Майка навестила несколько салонов красоты, с которыми поддерживала дипломатические отношения, поделилась печальной информацией и собрала полезную. Закончилось все это в ночном баре, откуда, вопреки традиции, она выбралась без Сережиной помощи.

Когда Майка оказалась дома, шел третий час ночи. Время для телефонных звонков неподходящее, и все же телефон, не отключенный на ночь, подал голос. Подумав, что это бывший муж так проявляет волнение и заботу, Майка сняла трубку.

– Это я, – сказал знакомый голос.

– Данка?!?

– Ну!

– Ты где? – воскликнула Майка.

– Не знаю!…

Голос был хоть и Данкин, но несколько жалобный.

– Как это – не знаешь?

– Это совершенно незнакомое место.

– Что за место?

– Контора какая-то. Мебель новая, копм, факс, все дела… И кухня!

– Какая еще кухня?

– Да говорят же тебе – я заперта в каком-то кабинете! – взорвалась Данка. – Я даже в окно выбраться не могу! Посмотрела вниз – так это по меньшей мере десятый этаж!

– Как ты туда попала?

– Понятия не имею! Майка, ты слышишь? Майка, мне страшно… Со мной что-то не то происходит…

– А что ты помнишь?

– Ничего…

– Так не бывает! – убежденно возразила Майка. – Пистолет при тебе?

– Знаешь – да…

– Ну так чего же тогда бояться?

Молчание было ответом.

– Данка! Данка! – завопила Майка. – Что там с тобой?

– Мне безумно страшно, – отвечала Данка. – Я не понимаю, что со мной! Майка, я, кажется, сошла с ума! Мне мерещится какая-то чушь!

– Какая именно?

– Мне кажется, будто за мной следит чудовище… Какое-то огненное чудовище со щупальцами и большой красной пастью… Оно разевает ее для меня… А щупальца – с белыми когтями!

– Так, – сказала Майка. – Это всем мерещится, кто сидит один в помещении. Дальше!

– Да нет же! Это – как удав и кролик! Оно тащит меня к себе! Оно меня в себя засосало…

Майка онемела.

– А потом выплюнуло? – вдруг сообразив, что в желудке у чудовища телефона нет и быть не может, обрадовалась она.

– Ну да!

Понемногу выяснились подробности.

Чудовище возникло в спальне Наследника, когда возмущенная Данка, прислушиваясь к голосам собутыльников, в том числе и к голосу Маркиза-Убоища, боялась пошевельнуться и, чтобы хоть чем-то себя занять, разглядывала сокровища на полках.

Она открыла старинную плоскую деревянную шкатулку с выпуклой крышкой, по которой петлял тонко вырезанный узор. Шкатулка оказалась изнутри поделенной на двенадцать отсеков, и в каждом на черном бархате лежал большой округлый отшлифованный камень. Были они разных цветов, а величиной – не меньше средней клубничины. Данка даже захотела вынуть один – и тут ощутила тревогу. Она не подносила камня поближе к глазам и не наклонялась, чтобы рассмотреть его поближе, она еще не настолько слепа, чтобы камень носом ощупывать, однако он затмил все – и полку, и шкатулку, и прочие камни. Данка вскрикнуть не успела – как рыже-розовое сияние, прорезавшееся в его глубине и стремительно разросшееся, закогтило ее белыми

шипами, всосало в себя, и с пистолетом вместе.

Что с ней делалось во внутренностях чудовища – она так и поняла. Оно на нее каким-то образом давило, парализовав тело и волю, но оставив в целости интеллект. Физической боли оно, впрочем, не причиняло. А ментальному насилию Данка сопротивлялась как могла – вплоть до чтения наизусть таблицы умножения. Чего чудовище от нее домогалось – было совершенно непонятно. Как оно выглядело – изнутри было не разобрать. Данка находилась как бы под оранжево-розовым куполом с белыми прожилками, что само по себе было не страшно и даже по-своему красиво, если бы только имелась возможность добровольно являться сюда и убираться отсюда.

Сколько длилось это ощущение подвешенности между сном и явью, Данка, разумеется, не знала. Она уже устала от таблицы умножения, уже махнула на себя рукой и решила полностью отдаться на волю чудовища, как свод вместе с белыми прожилками закружился, в непостижимой глубине прозвенела колокольчиками божественно прекрасная музыкальная фраза – и Данка очнулась сидящей не более не менее как на электрической кухонной плите.

– На чем? – переспросила ошарашенная Майка.

– На плите! С двумя конфорками!

Данка рухнула туда сверху, но с небольшой высоты, этак в полметра, так что ее голова и плечи оставались в неком ящике. При этом отлетела в сторону какая-то гремучая посуда. И все это свершилось в полной темноте.

Что любопытно – пистолет из руки она так и не выпустила.

Обиженная некорректным поведением чудовища, Данка ногами вперед стала сползать с плиты и уперлась в стену, причем стену упругую. Она изо всех сил нажала, а ноги у нее были спортивные. Стена распахнулась, и из полной темноты Данка попала в помещение, освещаемое лишь луной за оконным стеклом.

Это было уже кое-что.

Она выскочила из той конуры, где очнулась, и встала в оборонительную стойку. Но никто не нападал с воплями, она расслабилась, вдоль стены дошла до дверей, нашарила выключатель и включила свет.

Тут обнаружилось, что она стоит в кабинете какого-то средней руки босса. А та конура, где она раскидала посуду, на самом деле – кухня-шкаф. Данка видела что-то похожее в заграничных рекламных проспектах. В закрытом виде – встроенный в стену шкаф с дверцами темной полировки, в открытом сконцентрированная до минимума кухонька, причем

внизу – электрическая плита и узкий холодильник, верх которого – покрытый мрамором стол, а над ними – навесные посудные шкафы.

– Ты хочешь сказать, что тебя запихнули в навесной шкафчик? – переспросила ошарашенная Майка. – Там же полки!

Она сопоставила рост и фигуру Данки с внутренним пространством, поделенным полками.

– Я не знаю, куда меня запихнули! Но шкаф разломан вдребезги. И выглядит так, будто его дно продавлено изнутри чем-то тяжелым, – объективно описала ситуацию Данка. – Издали выглядит. Я к нему подойти боюсь…

Майка задумалась.

– Десятый этаж, говоришь?

– Похоже на то. И здание – административное, не перестроенная квартира. окна – во!

– В городе не так уж много десятиэтажных административных зданий! – Майка оживилась. – Немедленно включай компьютер! У них нам наверняка есть файлы с договорами и всякой документацией, где проставлено название фирмы!

– Включаю…

Какое-то время Данка шарила в компьютерных мозгах, а Майка терпеливо ждала.

– Ну вот! – раздался голос. – Так я и знала! Все на пароле! Взломать – не получается!

Майка выразилась так, что Сереже это бы не понравилось.

– Идея! – ее осенило, – Покопайся на столе! Там наверняка лежит какой-нибудь органайзер! Диктуй все, что найдешь!

И, не отнимая трубки от уха, засуетилась в поисках бумаги и авторучки.

Какое-то время Данка ожесточенно копалась в столе.

– Слушай, я ключ нашла!

– Какой ключ?

– С бирочкой! Шестнадцать – двадцать. Что бы это значило?

– Шестнадцатый этаж – вот что бы это значило! – Майка пришла в восторг от своей сообразительности. – И двадцатая комната! А ты в какой?

– Ты опупела? – обиделась Данка. – Я же изнутри, а табличка с номером снаружи!

– Ну так попробуй открыть дверь!

Судя по молчанию в трубке, Данка сделала попытку.

– Я же знала, что этот ключ от какой-то другой двери, – сообщила она. – Погоди…

И опять исчезла.

– Данка! Данка! – во всю глотку завопила Майка. – Что

случилось?!

– Я нашла ее, – примерно через минуту объявила Данка. – Я ее открыла. И знаешь, куда я попала?

– Ну?

– В бардак!

Когда административное, здание, куда мистическим образом угодила Данка, еще только проектировалось, в него собирались вселить крупные министерства и ведомства. Поэтому запланировали довольно много кабинетов, имевших большую приемную – для секретарши и очереди из посетителей. Пока здание достроили, министерства развалились. и его отдали фирмам – хоть и крупным, но не таким многолюдным. Иные президенты и генеральные директора посадили-таки секретарш в необъятные сараи. А иные пустили в ход фантазию.

В частности, хозяин того офиса, где очнулась на электрической плите Данка, замаскировал дверь в кабинет кухонным оборудованием, имевшим снаружи вид внушительного шкафа. Одна из трех дверок этого шкафа давала возможность проникнуть в тайное помещение, оборудованное для личной жизни. Наверно, у хозяина была ревнивая жена. А может, имелись иные причины.

Ключи от комнат съемщикам выдавались единого образца, с указанием номера комнаты и этажа. И тут хозяин прокололся – если бы он, соблюдая конспирацию, снял с ключа бирочку, вовеки бы Данка не сообразила взять ключ в руки.

– Ну и что мы имеем? – уныло спросила Данка. – Оттуда тоже никак не выйти.

Майка задумалась.

– Черт!… Есть! Немедленно позвони мне в салон!

– Зачем? Там же никого нет!

– Дура – там есть автоопределитель! Утром я узнаю, откуда ты звонила.

– Я не доживу до утра, – убежденно ответила Данка.

Майка забеспокоилась.

– Что с тобой? Дануська!…

– Мне опять страшно, – прошептала неуязвимая Данка. – Меня что-то тянет…

– Тресни как следует!

– Да нет же… Я должна вернуться туда, к плите…

– Немедленно позвони в салон! Слышишь – немедленно! – Майка вопила так, что, наверно, всех соседей перебудила. – Чтоб найти тебя по телефонному номеру!

– Сейчас… – обреченно пообещала Данка. – Сейчас позвоню. Меня зовет, понимаешь? Меня тянет… Я уже музыку слышу…

– Какую еще музыку? Звони давай!

А вот на этот вопль ответом были уже короткие гудки.

Майка настолько ошалела от странного разговора, что через пять минут принялась названивать в собственный салон, как будто автоматический определитель номеров мог ей внятно что-то сообщить.

Потом она позвонила Сереже. Но он настолько умаялся от беготни, что на ночь отключил телефон.

Майка пошла на кухню, приготовила себе чай и таращилась в ночное окно, пока он не остыл. Тогда она дала себе слово встать в семь утра и мчаться к Сереже.

Всякий раз, как Майка давала себе слово встать пораньше, этому принимались мешать стихийные бедствия. То она не могла заснуть до пяти утра из-за нервов, то всю ночь соседи смотрели шумные видики, то под окном сражались коты. На этот раз она вроде б и заснула без проблем, однако проснулась в девятом часу. Тут уж было не до Сережи – салон ждал ее руководящей руки.

И Майка понеслась в салон.

* * *

Зная город с рождения, нетрудно вычислить местоположение телефона по номеру. Данка успела-таки позвонить в салон. Майка вызвала Сережу, пересказала ночную беседу, особо подчеркивая шестнадцатый этаж, а Сережа немедленно установил единственную в том районе административную многоэтажку.

И заехала за ним Майка, и погрузила его в «гольфик», и повлекла к многоэтажке, хоть он и упирался. Майкина склонность к мистическим наукам лишала для него эту историю всякого правдоподобия.

Машину они в целях экономии оставили не на стоянке, а в переулке и подошли к искомой многоэтажке. Перед ней был ухоженный газон с дорожками из плит и художественной бронзовой загогулиной в два человеческих роста, а к высоким дверям от улицы вела асфальтированная дорожка. В нее вливалась другая – от платной автостоянки за зданием.

– Вот этот проклятый дом, – Майка задрала голову, чтобы увидеть самый верхний этаж массивного чудища из стекла и бетона.

– Ничего домик, – одобрил Сережа. – С ценным содержимым.

– Ага…

Вход охраняли ребятишки в камуфле, причем рожи носили даже более каменные, чем у Сережиных качков. Собственно, в них

даже не было особой нужды – дверь перекрывал штырь диковинной вертушки, который поворачивался, когда ребятишки давали отмашку кому-то, сидевшему в глубине вестибюля.

Понаблюдав, Сережа с Майкой выяснили вот что.

Во-первых, здесь действовала пропускная система, и пропуска были единого образца. Ребятишки в камуфле изучали их так дотошно, как это бывает в первые две недели после нововведения. Очевидно, администрация здания недавно расхлебывала кражу чего-то дорогостоящего.

Во-вторых, некоторые боссы предъявляли один пропуск – собственный, но проводили с собой гостей.

Сережа с Майкой притворялись, будто ведут деловой разговор, и Майка даже вынула из сумочка органайзер, как бы отыскивая в нем нужную информацию. Вдруг она замолчала – а на пикантном личике отразилась работа мысли.

– Ты чего? – забеспокоился Сережа. Когда у Майки сам собой приоткрывался рот, она собиралась родить безумную идею.

– Пятнадцать – семь – два… – выдержав паузу, прошептала Майка. – Стой… Семнадцать – восемь – два…

– Ты чего это? – не понял Сережа.

– Молчи… Статистика…

Вслед за буддизмом, реинкарнацией, кармической медициной и сердоликотерапией вполне естественно могла последовать статистика. Сережа замолчал. Майка развернула его так, чтобы из-за его широкого плеча наблюдать за входом.

– Так и знала. Семнадцать – девять – два… Двадцать – девять – два…

Майка отслеживала какие-то перемены у входа, но Сережа, хоть убей, не мог сообразить, к чему бы относились такие странные цифры.

– В общем так, – Майка приняла решение, как всегда, с необъяснимой стремительностью. – В разведку пойду я. А ты поедешь домой и будешь ждать моего звонка.

– Еще чего! – искренне возмутился Сережа. – Ты что, полагаешь, я тебя одну туда пущу?

– Почему же одну? – Майка улыбнулась так противно, что Сереже захотелось взять ее за шиворот и унести куда-нибудь подальше. – Вот сейчас пойду на автостоянку и кого-нибудь сниму…

– Через мой труп.

Всякий раз, когда на Майку накатывало амурное настроение, расхлебывать заваренную бывшей женой кашу приходилось Сереже. По старой, так сказать, дружбе. Как правило, хватало одного его молчаливого появления в броне стальных и

объемистых мускулов. Но раза два не обошлось без кулаков.

– Ты ничего не понимаешь, – эту фразу Сережа за четыре года их знакомства слышал примерно два раза в неделю, а за период семейной жизни – и того чаще. Фраза, как и полуоткрытый рот, служила обычно предисловием к очередной безумной идее, понять которую, кроме Майки, могла разве что Данка и еще две-три столь же эмансипированные подружки.

– Естественно, куда уж нам, – благоразумно согласился Сережа.

– Я, это… произвела… нет, вычислила… Господи, ну неужели тебе трудно подсказать, что делают со статистикой?

– Ее набирают, – неуверенно подсказал Сережа.

– И по статистике сейчас в эти ворота вошло двадцать человек с пропусками.

Сережа привычно ужаснулся – уж не представляет ли Майка статистику в виде расстеленной перед входом ковровой дорожки? Ляпсусы с ней случались еще и не такие.

– Из них девять человек провели с собой женщин, и всего двое – мужчин. Понял?

– Допустим.

– Значит, у меня больше шансов попасть туда, чем у тебя.

– Не уверен, – уже сообразив, в чем дело, но из чистого упрямства заявил Сережа. Соглашаться с женщиной в том случае, когда она нечаянно оказалась права, – мучительный процесс для мужчины.

– Понимаешь ли, я могу подойти к первому встречному дядечке и попросить его провести меня, а ты?

Сережа представил обезумевшие глаза дядечки. И далее – как тот сдает Сережу ребятишкам в камуфле. Со всеми вытекающими последствиями.

Увы – есть ситуации, когда бицепсы полуметрового обхвата срабатывают хуже прелестной взволнованной мордочки и узких коленок, обтянутых сверкающими колготками…

Сережа и Майка направились к автостоянке, где и приглядели дядечку за пятьдесят, с лысиной и более чем солидной комплекции. Ему-то Майка и кинулась наперерез.

Что она говорила жалобным голоском, заглядывая снизу вверх в глаза, расслышать было невозможно. Очевидно, плела ту ахинею, которая вызывает в мужчинах жалость к женскому скудоумию и потому действует безотказно. Дядечка подставил округленную руку, Майка быстренько взяла его под локоток – и Сереже оставалось лишь проводить взглядом странную парочку, исчезающую в недрах вестибюля.

Поскольку поиск нужного кабинета мог затянуться надолго,

Сережа не стал маячить возле крутого здания, а преспокойно двинулся в тренажерный зал.

Там он исправно отсидел до девяти часов вечера, убедился, что никто не пытается переночевать с подружкой в примыкающей к залу сауне (бывало, бывало, и пару раз – даже с Сережиного благословения…), и отправился домой – ждать звонка от Майки.

В два часа ночи Сережа понял, что звонка уже не будет. Никогда.

И сделалось ему того… муторно…

Уже и судьба Данки, все-таки вооруженной пистолетом, немало его беспокоила. Сережа был искренне убежден, что если женщина и способна совершить разумный поступок, то лишь подпихиваемая сильным мужчиной, да и то станет вовсю упираться. Так что он твердо знал – Данка, где бы она ни оказалась, натворит дел. А ведь ее он считал наиболее толковой из знакомых женщин – то есть, наиболее приблизившейся к мужскому образу и стилю мышления.

Майка же казалась ему очаровательным, пушистым, ищущим приключений и абсолютно беспомощным котенком.

Вот этот котенок и пропал…

Конечно, Майка могла честно забыть про свое обещание позвонить Сереже. Если бы она встретила в здании из стекла и бетона каких-то богатеньких знакомых, то понеслась бы с ними в дорогой ресторан, по дороге забивая им головы сердоликотерапией. А про Сережу вспомнила бы только наутро, лежа пластом и тоскуя о стакане минералки.

Сережа понимал, что и такой вариант возможен…

Но сумасбродка Майка отправилась искать фирму, связанную с какими-то антиквариатными ворами и грабителями. А чувство меры у нее отсутствовало. Как и чувство осторожности.

Решив, что сейчас, среди ночи, он все равно ничего не может предпринять, Сережа лег. Сперва сон не шел, потом снилась чушь собачья.

Подняло его ни свет ни заря – в шесть утра.

Похвалив себя за то, что мужественно принял порцию отдыха и теперь готов к активным действиям, Сережа позавтракал и поехал к Майке. Ключ от квартиры у него был. Если гипотетические богатые знакомцы и возили ее в ресторан, то сейчас наверняка доставили домой… хотя…

Прежде чем совать ключ в скважину, Сережа долго и безнадежно давил на кнопку звонка. Он дал возможному Майкиному любовнику время не только вскочить, но даже натянуть штаны и почистить зубы. Потом он вошел.

Ни любовника, ни Майки не было. Очевидно, она дома и не

появлялась.

Было около восьми часов утра.

Сережа оставил на всякий случай записку (насыщенную язвительной яростью, разумеется, хотя Майке этого и не оценить) и отправился к зданию, в которое столь опрометчиво отпустил бывшую жену с чужим толстым дядечкой.

Ребятишки в камуфле уже торчали у входа. Сережа подошел к ним.

– Привет, – сказал он, обращаясь к троим сразу. – Это вы тут вчера дежурили?

– Нет, мы с шести заступили, – отвечал черноволосый, с челкой и усиками, у которого в вырезе камуфли жизнерадостно светились полоски десантного тельника, ослепительно-белые и небесно-голубые.

Сережа знал, что ребята примут его за своего. Широченные плечи и бугры бицепсов с трицепсами, которым было тесно в рукавах курточки, служили лучшей верительной грамотой.

– Вот какое дело. Моя дура вчера сюда отправилась – и с концами, – грубовато сообщил Сережа.

– А к кому?

– Да есть там какая-то фирма, на шестнадцатом этаже. У нее там подружка

секретаршей. Она кого-то попросила ее провести, – принялся объяснять

Сережа простым и доступным языком. – Такого толстого дядечку.

Вдруг он сообразил, что у дядечки-то есть примета!

– Ездит на бэ-эм-вэшке цвета мокрого асфальта. С наворотами.

– Толстый, говоришь? – переспросил охранник. – Тю-у! Так это ж, наверно, Авантюра! Такой большой, толстый?

– Нет, не то чтоб большой… – тут Сережу снова озарило. Охранник был ему по плечо – стало быть, имел свое понятие о больших и маленьких.

– Вот такой, – показал рукой Сережа.

– Так она же все равно не к нему пошла, а к подружке, – здраво заметил другой охранник.

– Будь другом, пусти на полчаса! – попросил Сережа. – Никуда я не денусь, могу паспорт оставить. Найду подружку, спрошу.

– А чего там шариться? Вот сейчас к десяти все эти девчонки пойдут, им же всегда поспать разрешается, засечешь подружку на входе.

Разумно, ох, разумно рассуждали охранники.

Сережа умственно засуетился.

Он мог бы сказать, что не помнит подружки в лицо. Но в таком случае – как он собирается искать эту дуру на шестнадцатом этаже? Выходит, ему следует знать, в какой фирме она секретарствует? А откуда?…

Вдруг Сережа вспомнил – у них с Майкой был телефонный номер, по которому они, собственно, и нашли это мерзкое здание!

– Попробую-ка я позвонить наверх, – сказал он охранникам. – Может, она ко мне спустится.

И пошел к автоматам.

– Ал-ле-о-оу! – пропела дама. Может, и секретарша, кто, кроме них, поет в трубку такими противоестественными голосами?

– Добрый день, – сухо сказал Сережа. – Мне дала ваш телефон Дана.

Вранье претило доблестному атлету.

– Что за Дана? У нас такой нет, – ответил высокомерный голос.

– Она у вас не работает, – брякнул Сережа.

– Так с какой же стати она раздает наши телефоны?

Сережа не сразу нашелся, что ответить. И в отчаянии решил пойти ва-банк.

– Она была у вас позавчера вечером. Возможно, даже ночью, – сказал он. – Я ищу ее по срочному делу. И еще ее ищет… ее сестра.

Имелась в виду Майка.

– При чем тут мы? – удивилась дама в трубке.

– Ваша фирма – последнее место, где ее могли видеть, – на манер опытного детектива объяснил Сережа. – Вчера ее сестра пошла к вам, чтобы хоть что-то узнать. И до сих пор не вернулась.

– А-а… – протянул голос в трубке. – Подождите, я спрошу…

Сережа ждал не меньше двух минут.

– Такая маленькая, черненькая, с короткой стрижкой? – вдруг прорезался голос секретарши, или кто она там.

– Ну да! – обрадовался Сережа.

– А во что она была одета?

Сережа мучительно задумался.

– В костюм, – вызвав в памяти силуэт, неуверенно сказал он.

– В костюм… – повторил голос. – А вы откуда звоните?

– Из автомата у входа, – безмятежно признался Сережа.

– Подождите еще минутку у телефона, – велела дама. – Я попробую узнать.

Сережа отнял трубку от уха и приготовился ждать. При этом он повернулся к входу – решив почему-то, что эта дама спустится

за ним, чтобы взять его на шестнадцатый этаж, он вздумал увидеть ее первым, как будто от ее фигуры и прически хоть что-то зависело.

Вместо дамы из вестибюля вышли четверо молодых людей стандартного образца и направились прямиком к Сереже. Двигались они подозрительно – отсекая ему пути к отступлению. И тут же у телефонной будки затормозила иномарка, распахнулась задняя дверца, но никто оттуда не вылез.

Хорошо, что Сережа регулярно смотрел боевики. Хотя новорожденная мысль и не укладывалась в голове, однако уж больно догадка смахивала на правду.

Незримая дама выслала группу захвата.

Даже с Сережиными кулаками против четверых выходить не стоило.

Он оценил обстановку – при помощи машины поле боя отгородили от асфальтовой дорожки, по которой взад и вперед проносились торопливые бизнесмены. Если бы его тут повязали – ни одна живая душа этого бы даже не заметила.

Заорать во всю глотку?

Последствия непредсказуемы. Черт их знает, что у них в карманах за сюрпризы. Ишь, морды какие решительные…

Сережа одним прыжком оказался у машины, бросился боком на капот, поджал ноги и перекатился на другую сторону.

На капоте осталась вмятина. Если бы Сережа имел время и желание обернуться – ущерб, нанесенный врагу, его бы порадовал.

– Держи вора! – завопили вслед.

И Сережа помчался во всю прыть, как если бы он и впрямь был автомобильным вором, снося по дороге встречных и поперечных не хуже скоростного танка. Важнее всего было выскочить на асфальтированную дорожку – вряд ли по нему будут стрелять, слишком велик риск перебить кучу посторонних. И не простых посторонних – все эти люди трудятся в Высоком Бизнесе, у каждого – своя крыша, а столкновение крыш из-за такого идиотизма, как стрельба среди белого дня по неизвестной мишени, надо полагать, никому не нужно.

Судя по топоту за спиной, все четверо молодых людей стандартного образца понеслись следом.

Бегуном Сережа был неважным, да и откуда взяться хорошей дыхалке у человека, который ворочает железо? Поэтому он устремился к большому магазину готовой одежды, потому что вряд ли убийцы (или похитители?) рискнут затеять побоище в таком почтенном заведении.

Влетел он в магазин уже в последнюю секунду – рука самого

шустрого из четверки скользнула по его плечу.

И оказался Сережа в преогромном зале, чуть ли не в целый гектар. Хозяева магазина превратили его в лабиринт, изобретательно расставив длинные вешалки с юбками, блузками, кардиганами, пиджаками, платьями и много чем еще. Вешалки были по меньшей мере восьмиметровой длины и на колесиках, что позволяло менять интерьер чуть ли не ежедневно. Но был в этом и свой минус. Стоило посильнее толкнуть вешалку – как она ехала, не разбирая дороги и все снося на своем пути, поскольку вес имела неплохой и инерцию – соответственно.

Пронизав толпу, состоявшую исключительно из женщин, Сережа впилился в край вешалки. Очевидно, его вес был куда больше – вешалка набрала скорость и затеяла описать круг, центр которого совпадал с ее серединой, – диаметром стало быть, в восемь метров. А это и для бесконечного зала было немало. Задетая ею соседняя вешалка тоже тронулась с места – и под отчаянный визг все оборудование магазина пришло в движение! Кого-то затерло между мягкими, но способными придушить до смерти, плотно спрессованными разноцветными шубами, кто-то рухнул и схлопотал по неизвестным частям тела металлической опорой взбесившейся вешалки. Переполох начался изумительный.

Сережа, пытаясь затормозить и изменить направление, влетел в занавес из металлических пластин. Инерция потащила его юзом и боком, пластины, гибко соединенные, завернулись вокруг него сверкающим рулоном. И сразу общий гомон торгового зала был перекрыт уникальным по звучности визгом.

Этот великолепный занавес отделял от торгового зала одну из примерочных кабинок. Именно в ней две молодые женщины примеряли открытые вечерние платья из черного бархата, причем одна покупательница оказалась на виду у публики в трусиках и без бюстгальтера.

Сережа, к сожалению, всего этого великолепия не увидел. Он рванулся, поскользнулся на какой-то дряни, всем немалым весом навалился изнутри своего рулона на занавес – и сорвал его к чертовой бабушке! Правда, и сам рухнул с ним вместе.

Блистательный рулон, сметая все на своем пути все, что уцелело от вешалок, и постепенно распутываясь, покатился по залу. Сережа вскочил на ноги – и оказался лицом к лицу с погоней.

Преследователи, не надеясь обнаружить жертву в шевелящемся лабиринте и, соответственно, не рассчитав, подлетели чересчур близко. Первый рухнул, пораженный в челюсть прямым ударом правой, а второго Сережа достал левым хуком.

Удар же у него был такой, что не просто сотрясение – а даже ушиб мозга первому пострадавшему, рухнувшему на пол, были обеспечены. Второй же влетел задом в вешалку и медленно поехал в неизвестность. Из плотно висящих цветастых нарядов торчали лишь ноги в дорогих кроссовках.

– Тот, кто ударит и убежит, остается жив, чтобы драться завтра! – сказал сам себе Сережа. И, поскольку толпа перед ним в ужасе расступилась, выскочил из магазина, оставив двух уцелевших мерзавцев разбираться с администрацией.

Он в последнюю секунду влетел в троллейбус и сунул в компостер талончик.

– Извините… – услышал он за спиной старушечий нежный голосок. – Вы лицо поцарапали…

Никто, кроме очаровательной маленькой старушки, не осмелился обратиться к крутому, взъерошенному и мрачному качку, явно порешившему сейчас троих, а то и четверых врагов.

Сережа потрогал пальцем щеку – палец оказался в крови. Металлические пластины занавеса оказались с острыми кромками.

Он облизал палец, резким движением стер кровь, потом, глядя в стекло как в зеркало, дождался момента, когда троллейбус поехал вдоль темной стены и стало видно отражение.

Порез был заклеен талончиком.

И, надо полагать, не раз и не два рассказывали билетные контролеры родным и близким страшную историю о качке, который предъявил им окровавленный пробитый талон, ткнув пальцем в собственную щеку… С перепугу поверили на слово, отдирать и смотреть дырки – себе дороже выйдет.

В самых тяжких, какие только можно вообразить, размышлениях ехал Сережа в тренажерный зал. Мало того, что пропала способная постоять за себя Данка – так и Майка туда же…

К той минуте, когда он с большим опозданием прибыл к месту прохождения службы, Сережа оклемался настолько, что даже осмелился мыслить логически.

В этом деле мистика настолько переплелась с уголовщиной, что даже возник вопрос: а присутствует ли мистика вообще? Ведь про ахинею, которую Данка несла по телефону, Сережа знал с Майкиных слов. Майка же теряла чувство меры и реальности, едва вдали замельтешит что-то потустороннее. Да и сама она исчезла не столь мистически, сколь реалистически. Ляпнула на шестнадцатом этаже какую-то чушь – и все поняли, что она идет по следу похищенного антиквариата. А недостатка в исполнителях преступных акций эта фирма не испытывала.

Избавиться от такой свидетельницы, как Майка, могло бы и малое дитя. И, в отличие от Данки, ее-то вполне могли запихать в спортивную сумку большого размера.

Весь день Сережа корил и казнил себя за то, что отпустил бывшую жену черт знает куда и черт знает зачем. Толку от него в зале было аккурат на медный грош. На вопросы качающейся публики он отвечал невразумительно, сломанный тренажер даже не пытался починить, и в довершение бед, представив хрупкое, жалкое, связанное толстыми канатами тельце Майки, брошенное ради заметания следов на рельсы, шваркнул оземь маленькую штангу, даже не поглядев под ноги. А там лежала откатившаяся от стены большая штанга с крупными блинами. Гриф попал на гриф и погнулся. Сбежались качки – и долго дивились мягкости нынешних грифов. А Сережа молча хмурился, понимая, что проклятую железяку уже не выпрямить.

В горестном расположении духа побрел он домой.

К чести Сережиной, следует сказать, что ему и в голову не пришло обратиться в милицию. Результат мог быть только один – доблестная милиция на подносе преподнесла бы странного заявителя фирме с шестнадцатого этажа.

Однако следовало принимать меры. Хоть какие-то!

Сережа знал контингент своего зала неплохо, но не настолько, чтобы выделить самых крутых. Да и держался он с качками не так, чтобы вдруг полезть к ним с подозрительными вопросами.

Он уже был готов завтра сочинить себе день рождения, выставить по бутылке на рыло и даже выпить сто грамм самому, лишь бы в непринужденной обстановке хоть что-то выяснить про мистически-преступную фирму. С таковым настроением и лег спать.

Примерно в третьем часу ночи зазвонил телефон.

– Кого черт несет? – мрачно полюбопытствовал заспанный Сережа.

– Это я! – бодро отвечала Майка. – Ты насчет меня не беспокойся, со мной все в порядке. Я в безопасности! Ты даже не представляешь себе, как здесь замечательно!

– Где – замечательно?!?

– Это, ну… здесь!

– Где ты находишься? – грозно спросил Сережа. – Сиди там и не двигайся! Сейчас я поймаю такси и приеду за тобой!

В трубке раздался беззаботный смех.

– Над небом голубым есть город золотой с прозрачными воротами и ясною звездой!… – пропела Майка. – А в городе том сад, все травы да цветы…

– Допилась, – констатировал Сережа. – Сейчас я тебя оттуда заберу. Тебя все обыскались!

– Гуляют тут животные невиданной красы… – Майка допела строку и рассмеялась так блаженно, как не смеялась даже после самых блистательных минут близости с бывшим мужем. – Не надо меня забирать, заинька! Мне тут очень хорошо. И я не одна… Я заняла свое место, понимаешь? Было свободное место, оно ждало меня, мне открыли дверь – и вот я здесь. Камень – это дверь, понимаешь?

– Ничего я не понимаю, – отрубил Сережа. – Как тебя найти?

– Я звоню тебе, чтобы ты меня больше не искал! – твердо отвечала Майка. – Правда – не надо! Ты просто еще не знаешь, как это замечательно – занять наконец свое место среди равных. И как прекрасно – узнать наконец свое истинное имя! Сереженька, я много в жизни веселилась, но только теперь я поняла, что такое веселье духа… Прощай!

Долго Сережа слушал короткие гудки, пока в голову не пришла спасительная реалистическая мысль – Майку накачали наркотиками. Отродясь у нее не было ни слуха, ни голоса, и она даже после второй бутылки шампанского избегала вокальных экзерсисов. А теперь вдруг запела в трубку!

Вот сидит атлет, краса и гордость тренажерных залов, в глубоком раздумье. Пропала женщина – маленькая, хорошенькая, сумасбродная, иногда деловая до невозможности, иногда раскованная до безобразия, но и в том и в другом случае очень похожая на пушистого котенка, который шкодит с уморительно серьезной рожицей.

И что же теперь делать? Звонить в милицию?

А насчет камня, который – дверь, Майка, между прочим, сказала чистую правду. Она и вообще-то не врунишка, женщина редко врет из любви к искусству, как правило – от страха или от ею самой не осознаваемой комбинации страхов. Майка же никогда и ничего не боялась, а неугомонно и радостно двигалась вперед, уверенная, что уж такому-то обаятельному котенку все дорогу уступят. Другой вопрос – что за спиной у нее довольно долго маячила широкоплечая фигура ростом под метр девяносто. С таким тылом чего ж не попроказничать?

Так что же делать атлету, куда податься? Сидеть сложа руки он не может – это для мужчины неприлично.

Глава пятая, историческая

Легче верблюду пройти в игольное ушко, нежели атлету уверовать в мистику.

Сережа решительно не понимал, что происходит. Но если за Данку он волновался умеренно – все-таки вооружена и кучность у нее приличная, – то из-за Майки он чуть не спятил.

Ситуация осложнялась тем, что Сережа был наемной рабочей силой.

Он приходил в тренажерный зал к девяти утра не потому, что этого требовал культуризм, а потому, что за это деньги платили. Небольшие, правда, но все-таки…

Тем не менее денек вышел суматошный. После странного Майкиного звонка Сережа принялся трезвонить ей домой и в салон. В салоне ничего не понимали, а дома трубку, понятное дело, никто не брал. Тогда он, рассвирепев, оделся, выскочил на улицу и из автомата позвонил в подозрительную фирму на шестнадцатом этаже. У него хватило ума сообразить, что АОН зафиксирует номер тренажерного зала – и жди тогда визита мстителей за побоище в магазине.

Фирма молчала.

Сережа вернулся домой, сел на диван в позе роденовского мыслителя и стал вспоминать, куда можно в поисках Майки позвонить в такое время суток безнаказанно. И заснул одетый.

Проснулся он, что называется, впритык. Умчался из дому, не позавтракав, что было равносильно стихийному бедствию. Открыл зал, принял первых безумцев, которые прямиком из постели ложатся под штангу, и побежал к зданию из стекла и бетона. Поблизости в переулке остался «гольфик» – и Сережа не хотел, чтобы кто-то польстился на бесхозную машину.

Майка в компании не отказывалась от шампанского – и поэтому у Сережи всегда были запасные ключи от машины.

Он пригнал «гольфик» к залу, нашел ему пустое местечко во дворе и забрался в тренерскую. Плевать и начхать ему было на то, что безмозглый фанатик спорта Вася явился и выворачивает с корнем закрепленный аршинными болтами блочный тренажер. Сережа сел на телефон.

Когда он познакомился с Майкой, у нее, кроме Данки, были еще две подружки. Но они исхитрились выйти замуж более удачно, почему и пропали с Сережиного горизонта. В поисках Данки Майка их уже тормошила. Теперь принялся названивать Сережа в поисках Майки.

Позвонил он также в салон красоты «Майя». Салон в трепете

ждал хозяйку – без нее ничего не делалось.

Затем Сережа для очистки совести обзвонил больницы. Там ее тоже не было.

Оставались любовники.

За два года после развода их набралось какое-то разумное количество. Но Майка этих дел не афишировала – разве что для каких-то скрытых целей предъявляла Сережу во всеоружии мощных бицепсов.

Было у него записано два телефонных номера, насчет которых он не был уверен… Однако позвонил. Первый оказался квартирным – и хозяйка сказала, что въехала сюда полгода назад, кто жил раньше – хрен его знает. Второй молчал весь день до вечера. Вечером удалось выяснить, что хозяин последний раз видел Майку полтора года назад.

– Блин-н-н… – пробормотал Сережа вместо «спасибо».

Как только электронные часы выдали «20.45», он выставил из зала последних ошалевших фанатиков, запер все двери и сел в «гольфик». Оставалась последняя надежда – на кабаки. Майка заимела вредную привычку ужинать не дома, а в разнообразных заведениях.

Объездив шесть известных ему кабаков, притонов и вертепов, Сережа обнаружил, что бензина в баке почитай что не осталось. Он поехал на заправку и увидел там то, что презирал всей душой, – очередь.

До торчания в очередях он не унижался никогда.

Поэтому Сережу занесло леший знает куда – и он нашел-таки Богом забытую заправку без всякой очереди, а потом сообразил, что оказался в трех шагах от Данкиной квартиры. Она жила на восьмом этаже. Сережа задрал голову в надежде увидеть свет в ее окне и ничего не понял.

Час был поздний, окон светилось немного, и они так раскидались по стене стоящей боком к Сереже многоэтажки, что вычислить восьмой этаж он не сумел, хоть тресни.

Если бы Сережа не был так взбудоражен поисками Майки, вполне возможно, что он, заправившись, поехал бы домой. А тут ему вдруг втемяшилось заскочить на восьмой этаж. Ведь может же случиться такое, что две подружки пьют чай на кухне и перемывают кости всем бывшим и будущим избранникам?

Возможно, Сережино состояние в эту минуту следовало бы назвать безнадежной надеждой…

Площадки для лифта располагались между этажами. Сережа вышел – и сразу же услышал голос.

– Открой, Дануся! Я же знаю, что ты дома!

Голос был мужской и приятный.

Сережа затаился у двери лифта.

– Да открой же! – едва не стонал голос. – Я все понимаю, я – скотина, я – свинья! Говорят же тебе – я все понимаю!

И снова – пауза. Сережа понял, что страдалец жмет на кнопку звонка.

Вдруг его осенило! Он понял, кто причитает под Данкиной дверью!

Сережа выглянул – и, хотя на площадке было темно, опознал человеческий силуэт в широком плаще и даже еще один силуэт – большой дорожной сумки.

Маркиз-Убоище вернулся с гастролей и, не имея времени и средств на эротические маневры вокруг Данки, попросту приперся к ней на ночь глядя.

– Вот ты-то мне и нужен… – пробормотал Сережа и неторопливо взошел по ступенькам.

Маркиз-Убоище повернулся к нему и, естественно, не узнал. Зато обрадовался.

– Вы тоже сюда? – спросил он. – Она дома! Позвоните, будьте любезны, и окликните ее! Вам она откроет!

Эта грубая и примитивная военная хитрость Сереже не понравилась.

– А что же она вас не впускает? – осведомился он.

– А ваша жена никогда не выставляла ваши вещи за дверь? – горестно спросил Маркиз-Убоище. – Из-за сущей ерунды!

– Жена? – уточнил Сережа.

– Жена, жена! – подтвердил Маркиз-Убоище. – Пять лет как женаты! Говорят, четыре года – кризисный срок для брака…

Сережино терпение лопнуло.

И вранья-то вроде было немного – ну, не была пока Данка женой Маркиза-Убоища, он лишь собирался осчастливить ее этим званием, честно собирался! Однако Сережа взял артиста за грудки.

– Жена, говоришь? – с тихой яростью переспросил он.

– Да жена же! – взвыл перепуганный Маркиз-Убоище. – Затаилась – и молчит! Данка, Дануся!…

Вопль был тем более отчаянный, что Маркиз-Убоище взмыл в воздух.

Без особого труда Сережа приподнял его, проехав артистической спиной по стенке, и испытал жгучее желание размазать жертву по низкому потолку.

– Вы чего это? Вы чего? – заголосил артист, вцепившись атлету в плечи и пытаясь его брыкнуть.

– Я тебе покажу Данусю! – негромко, но впечатляюще произнес Сережа. – Я тебя сейчас убивать буду, но не сразу, а

понемногу.

И Маркиз-Убоище поверил.

Поскольку странновато допрашивать человека, которого держишь на весу, и адресовать ему вопросы снизу вверх, Сережа поставил артиста на пол – и напрасно. Не врубившись, с кем имеет дело, Маркиз-Убоище заехал ему кулаком в бок, норовя скинуть с лестницы.

Поступок был мужской, но идиотский.

Не такой требовался кулак, чтобы сдвинуть с места красу и гордость тренажерных залов.

Сережа пропустил этот жалкий удар, но как пропустил? В ту долю секунды, когда кулачишко артиста коснулся его бока и проскользнул в пустоту, Сережа качнулся вперед, вынося почти одновременно оба кулака, и левая рука нанесла резкий хук, а правая, чуть опоздав, приняла летящее тело артиста снизу и впечаталась в подреберье…

Маркиз-Убоище рухнул.

Сережа встал над ним, глядя вниз с большим презрением. И стоял две с половиной минуты – пока не понял, что кажется, перестарался. Хотя вроде и не очень старался.

Тогда он опустился на корточки и похлопал Маркиза-Убоище по щеке. Тот пробормотал что-то неприличное и пошевелился.

– Больной будет жить, – заметил Сережа. Это бормотанье вызвало в нем угрызение совести, нельзя так обращаться с ненакачанным, а Сережа, взбудораженный погоней за Майкой, шарахнул Маркиза-Убоище не слабо. Он вообще поставил за принцип проявлять гуманизм по отношению к женщинам, детям, старцам и задохликам.

Взяв свою жертву за плечи, Сережа усадил ее, прислонив спиной к Данкиной двери. И подумал, что если каким-то чудом Данка оказалась дома и подсматривает в глазок, то с нее причитается. Сама бы она, при всей своей силе и отваге, не могла так припечатать бывшего любовника.

– Которое? – внятно спросил вдруг Маркиз-Убоище.

– Что – которое?

– Ухо – которое?…

Сережа не сразу понял, что артист вычисляет пострадавшее ухо.

– Правое, – сориентировавшись, ответил он.

– Это хорошо… – загадочно заметил Маркиз-Убоище.

Много чего приходилось делать Сереже в последние дни, но вот пациента в сумасшедший дом он еще не доставлял.

– Могу добавить, – ласково предложил он.

– Ты кто такой? – поинтересовался Маркиз-Убоище. – Ты с

Данкой, что ли, живешь? Так бы сразу и сказал, а то намеки, намеки…

Сережа ушам не поверил – человек, схлопотавший хук и прямой под ребра, нашел в себе силы процитировать бородатый анекдот!

И тут в атлетическую душу вкралось подозрение – а так ли уж были правы подружки, костеря Маркиза-Убоище на все лады?

– Нет, я с Данкой не живу, – честно признался Сережа. И хотел было сказать, что она безвестно пропала – но промолчал. Стремительная мысль, стартовав с исчезновения Данки, понеслась галопом по причинам и следствиям – и, заржав, остановилась перед фактом: Маркиз-Убоище был наводчиком грабителей!

Сережа, уже совсем было настроившись на миролюбивый лад снова схватил артиста за грудки и поставил на ноги.

– Ты! – сказал он злобно. – Из-за тебя вся эта каша заварилась! Кого ты привел к Наследнику?!?

– Не знаю! – отчетливо отвечал Маркиз-Убоище. – Говорил ведь – не знаю!

– Когда говорил?

– Не знаю!

– Кому говорил?

– Не знаю!

– Сейчас в левое ухо схлопочешь, – спокойно предупредил Сережа. – Для симметрии!

– В левое – не надо! – не на шутку перепугался артист.

– Почему это – не надо? Очень даже надо!

– Левым я слышу!

Сережа помолчал. Должно быть, к концу бурного дня у него что-то сделалось с мозгами. Он прокрутил внутри все краткие диалоги с Маркизом-Убоищем и понял глубинный смысл его радости от удара в правое ухо. Оно и до Сережиной терапии было глухим…

С другой стороны, атлета тронуло доверие Маркиза-Убоища, без принудительных мер назвавшего ему свою ахиллесову пяту, – ведь хороший удар в левое ухо означал для артиста полную профнепригодность.

– Ты анатомический ляпсус, – проворчал Сережа, имея в виду, что пяте место на ноге, а отнюдь не на голове.

– Я вообще ляпсус, – подтвердил артист. – А ты Данке кто?

– Я – Данке? – Сережа задумался. Возникла нелепая фраза: «Я Данке – ляпсус!» и сразу же обрела смысл. Кем был Сережа в жизни сперва четырех, а теперь всего лишь двух подружек? Жилеткой для рыдания, агрегатом для передвижения шкафов,

консультантом по лишним сантиметрам на бедрах? Ведь это были даже не приятельские отношения – с приятелем женщины все же малость кокетничают… Назвать же их дружескими у самого Сережи язык бы не повернулся – он не верил в саму возможность дружбы между настоящим, уравновешенным, надежным, сильным мужчиной и взбалмошной, бестолковой, неподвластной логике женщиной.

Впрочем, друзей-мужчин у него тоже не было.

Когда Сережа переезжал на новую квартиру, он кинул клич – и пришли ворочать мебель полтора взвода качков. В тот день он был уверен, что окружен прекрасными друзьями.

А вот когда пропала Майка, он вдруг понял, что и на помощь позвать-то некого…

– А сам-то ты Данке кто?

– Я? Друг, – неожиданно заявил Маркиз-Убоище.

– Друг?… – Сережа ушам не поверил. – А ты знаешь, друг, что она из-за тебя в неприятности попала? Друг! Ты в дверь колотишься и вопишь, как драный кот, а мы ее чуть ли не с милицией четвертый день ищем! Друг! Ты мне еще не ответил, где этих ребятишек подобрал, которые Наследнику квартиру почистили! Друг, блин!

– Друг, блин… Вот именно… – вдруг артист поднял голову, и Сережа, невзирая на полумрак, увидел в его глазах свет надежды. – Слушай! Пусти переночевать! На одну только ночь! Я с гастролей приехал, деваться некуда! Ты далеко живешь?

– Далеко, – сказал ошарашенный Сережа.

– Сейчас такси словим! По дороге в круглосуточный заедем, бутылку возьмем!…

– Куда заедем? – осведомился Сережа, причем кулаки его сами собой сжались, а плечи расправились и нависли над собеседником как горные утесы. – И что возьмем?

– В круглосуточный заедем, сыра и колбасы к ужину возьмем.

Артист сориентировался мгновенно.

– Сыр и колбаса – это хорошо, – неторопливо и с угрозой произнес Сережа. – У меня в холодильнике как раз есть сыр и колбаса. Поэтому в круглосуточный мы не заедем.

– Жаль… Видишь ли…

– Ну, что я вижу?

– Есть вещи, которые всухую не объяснишь, – честно признался Маркиз-Убоище. – Историю с этим ограблением тоже на трезвую голову не понять.

По крайней мере, это было честно.

– А кто из нас должен быть нетрезвой головой? – осведомился Сережа.

– Ты! – уверенно заявил артист.

– Так. Я. Ладно… А когда я протрезвею, то перестану понимать?

Маркиз-Убоище задумался.

– А ты прав, – признался он. – Я вот тоже иногда, когда выпью, все понимаю, а утром – ну ни хрена! А вечером – концерт…

– Поехали, – решился Сережа. – Попробуем сперва без бутылки.

Так и получилось, что, горя желанием стереть Маркиза-Убоище в молекулы, Сережа оказал ему гостеприимство, покормил бутербродами, налил чая и даже постелил на раскладушке.

– Ты всегда пьешь такой чай? – спросил тот, глядя сквозь стакан на свет.

– Это не чай. От него только в сон потянет.

– Мы будем о кулинарии беседовать или о грабителях? – с тем Сережа выложил на стол два кулака, навесил над посудой широченные плечи и уставился в лицо противнику, всем видом говоря – я готов к приему информации.

– Давай я тебе сперва расскажу, откуда у Наследника эти камни, – предложил Маркиз-Убоище. – А то ты и вовсе ничего не поймешь. Их просто должны были спереть!

– Рассказывай, – Сережа посмотрел на стенные часы. – Шесть минут. А потом – про ограбление.

Часы показывали без шести полночь.

– Все очень просто, – сказал Маркиз-Убоище. – Валька тебе про деда рассказывал? Портрет показывал?

– Было такое.

– Валькин дед в войну дошел до Берлина.

– Это я уже слышал. Неоднократно.

– Но он не ногами дошел, а доехал с удобствами, – продолжал Маркиз-Убоище. – Потому что был он каким-то там полковым интендантом. Откуда у него при этом взялся иконостас – не знаю и знать не желаю. Это был не тот дед, чтобы подвиги совершать. А орденов с медалями нагреб – ну, ты же видел портрет! Когда его полк шел по Германии, дед прихватывал все, что плохо лежит. И он привез домой столько, что на всю жизнь хватило. Вон Наследник до сих пор пропить не может!

– Ясно. А камни?

– С камнями вышла вот какая ерунда, – рассказчик оживился. – Я же почему сказал про Берлин? Потому что там они и нашлись. Ты немного знаешь историю?

– Какую?

– Военную, конечно. Ну, хоть в кино видел? По телеку?

Сережа пожал плечами.

– Когда наши взяли Берлин, знаешь, кого они там обнаружили?

– Немцев, – безошибочно заявил Сережа.

– Тибетцев! – возразил Маркиз-Убоище. – Натуральных тибетцев! На подступах к Берлину после того, как там все проутюжила авиация, разведка наткнулась на дикое количество тибетцев. То есть их трупов. Их насчитали около тысячи, они были одеты в немецкую форму, но без знаков различия. Как тебе это?

– Никак, – отвечал Сережа. – Я только не могу понять, чем тибетский труп отличается от всякого иного.

– Я тоже не в курсе, – тут Маркиз-Убоище вдруг взялся за голову и тщательно ее ощупал неподалеку от пострадавшего уха. – Но они были. Это – факт. Я даже могу тебе объяснить, как они туда попали. Мы с Валькой как-то пили с одним мужичком, он приходил взглянуть на коллекции, ну и рассказал. Немцы в тридцатые и даже сороковые годы постоянно слали экспедиции на Тибет. Чтоб не соврать, до сорок третьего, а потом им стало не до экспедиций.

– Что за мужичок? – сразу вспомнив про грабителей, заинтересовался Сережа. – Откуда взялся?

– Да такой же безумец, как и дед, – тоже весь дом антиквариатом загромоздил. Он года через два после деда помер.

– Жаль…

– Слушай, а может, сгоняем в круглосуточный? – в голосе Маркиза-Убоища было подлинное отчаяние. – Я же говорил – всухую не пойдет!

– Обойдешься! – Сережа аккуратно, чтобы не побить стаканы о потолок, треснул кулаком по столу. – Вот тебе чай, пей и рассказывай.

– Там же все перепуталось… – пожаловался Маркиз-Убоище. – Я у себя в голове все понимаю, а до тебя донести не могу! Ты чуть что – про грабителей, а сперва нужно про камни!

– Валяй про камни. Только без ответвлений! Как они к деду попали?

– Да под Берлином же! Разведка напоролась на разбитые грузовики. А знаешь, что это были за грузовики?

Сережа понял, что придется позволить Маркиза-Убоищу наговорить лишнего.

– Не знаю.

– Когда Гитлер понял, что дело плохо, он знаешь что сказал? «Я хочу оставить богатое наследство для будущего великого

рейха, который придет к власти», – вот что он сказал. А наследство было – тысяча грузовиков с сокровищами. Там тебе и золото, и бриллианты, и всякие редкости. Эти самые грузовики из Берлина пошли на юг – в Австрию, в горы. Немцы, собственно, туда и отступили, а Берлин охраняли гитлерюгенд и тибетские трупы. А грузовики должны были прибыть в Аусзее, где для всего этого богатства уже срочно готовили тайники. И все это было в самом конце апреля – то есть, наши наступали бешено…

– С грузовиками ясно, – прервал исторический экскурс Сережа. – Но ведь все сокровища тогда сразу куда-то сдавали, или нет?

– Так полагалось. Но дед дружил с одним майором разведки. Я теперь так понимаю, что он майора прикармливал. Тогда-то он нам с Валькой рассказывал – прямо тебе «Три мушкетера» в постановке студии «Бордери-фильм»! Майор соблюдал осторожность, а дед имел свой транспорт и свои маленькие секреты. В общем, кое-что из разбитого грузовика ему привезли. И более того – он послал к майору своего ординарца чуть ли не с дырявым мешком из-под картошки. Или не ординарца – не помню, кто там ему по должности полагался. Тот – парень молодой, велено – действует. Загрузил все добро в мешок и преспокойно притащил в дедово расположение. Дед стал разбираться – отделять, так сказать, зерна от плевел.

Маркиз-Убоище сделал красивую паузу. Сережа грешным делом подумал сперва, что артист ждет от качка вопроса: «Блин, а это что за хренотень такая – пле-ве-лы?» Но оказалось, что таким образом он готовил собеседника к появлению на свет шкатулки с камнями.

– И достал дед из этого грязного мешка два золотых подсвечника, кожаный мешочек с золотыми гладкими кольцами, по виду – обручальными, какие-то серебряные штучки, осколки старого фарфора и деревянную шкатулку.

– Ту самую – уточнил Сережа.

– Ес-тест-вен-но!…

Где-то атлет уже слышал это словечко с такой же интонацией… Он задумался на миг, вспоминая, и проворонил какую-то малозначительную фразу.

– … но дед-то больше по солидным ценностям, а тут шкатулка, и в ней какие-то булыжки нестраненые… Он того ординарца возьми и спроси – мол, неужели так оно и было? Может, там что другое лежало? Высыпалось, когда грузовик накрылся, а потом сунули, что попало? Ординарец стал камни разглядывать. Да нет, говорит, мне эту шкатулку закрытой отдали, на маленький замочек, вот этот самый. Так вышло, что

ординарец камни увидел. А дед к нему привязался. Парень был простой и исполнительный. Опять же – если бы он проболтался, что дед на освобожденной территории золотые подсвечники коллекционировал, был бы деду трибунал и восемь, что ли, пуль в брюхо… Ну, дед и решил его повязать. Ты, говорит, про геологов рассказывал, помнишь? А ординарец перед самой войной с геологической партией рабочим ходил и очень ему это дело понравилось.

– А ты откуда знаешь? – удивился Сережа.

– Так я же встречал его потом у деда! Ты слушай дальше. Дед ему эту шкатулку вручил и говорит что-то вроде того – мол, изучай, а как война кончится – будешь знатным геологом! У парня глаза сразу загорелись. Он и без того к деду привязался, а тут – такой судьбоносный подарок! Своего добра у него было – один заплечный мешок, ну, шкатулка вместе с дедовым барахлом по Германии и ехала. А потом парень помог деду все это дело домой доставить, а сам к себе поехал, в деревню на Урале, а в какую – уже не у кого спрашивать. И шкатулку увез.

Маркиз-Убоище, услышав свист вскипевшего чайника, вскочил, достал из дорожной сумки банку с чаем и сам приготовил крутую заварку.

– Если не водка, так хоть чифирь, – объяснил он Сереже, с недоумением воззрившемуся на черный деготь в заварочнике. – Ты попробуй. Зэки были не дураки, когда сочинили чифирь.

– Тибетские трупы у нас уже были, дедушкины подсвечники были, – перечисли Сережа. – Зэков еще не было.

– Погоди, сейчас доберемся до трупов, – мрачно пообещал Маркиз-Убоище, обиженный, что его напиток не оценили. – Так вот, ординарец проболтался сколько-то у себя в деревне и действительно поехал учиться на геолога. Со шкатулкой подмышкой… Не поступил в институт, пошел работать, но не сдавался, летом ездил с партиями рабочим и от этой геологии расхворался. И какие-то несчастья у него начались – погорел, что ли. Денег взять негде. Он – к деду. А тогда дед был на взлете, и очень ему не хотелось, чтобы в городе пронюхали про его мародерство. Он этого бедного геолога подкормил чуток. Через несколько лет тот снова приезжает – тогда я его и видел, а было это… Ну, пятнадцать лет назад – уж точно! Опять у него полный вылет в трубу. Но приехал не с пустыми руками – привез камушки. Тут я, правда, не понял. То ли сам догадался привезти, то ли дед попросил – дед-то на старости лет ювелирным делом увлекся и Вальку заразил. Ну, уехал геолог с деньгами, а потом уж позвонила его вдова.

– Печально, – заметил Сережа.

– Печально, – согласился Маркиз-Убоище. – Но ты еще главного не знаешь. Пока эти камушки были у геолога, к деду приезжали их торговать. Мол, слыхали, что вывез в свое время интересную коллекцию полудрагоценных камней. А дед про ту шкатулку забыл напрочь! Показал свое каменное имущество, поклялся, что больше ни осколочка, и покупатель уехал не солоно хлебавши. А откуда он взялся – не скажу. Не знаю! И Валька, скорее всего, не знает. Года два назад у Вальки узнавали – не осталась ли после деда такая-то шкатулочка? Он не признался, почему – потом поймешь. А теперь подумай – что бы это значило?

– Кто-то шел по следу шкатулки? – предположил Сережа и снова обидел Маркиза-Убоище, полагавшего, видимо, что качку до этого ввек не додуматься.

– Вернемся теперь к тибетским трупам, – предложил артист, прихлебывая чифирь. – Как ты полагаешь, откуда они в Берлине взялись?

– Прибыли с Тибета.

– И прибыли еще в двадцатые годы. Каким-то образом в Берлине оказался тибетский монах, который вдруг полюбил нацистов. Он точно предсказал количество мест, которое национал-социалисты получили на выборах в рейхстаг. И туда стали перебираться другие монахи. Как ты думаешь, чем они там занимались?

– Молились своему тибетскому богу, – буркнул Сережа. В таких вещах он был не силен.

– Обучали нацистов оккультизму! – провозгласил Маркиз-Убоище. – Теперь понял? Обучали их тибетской йоге! И вообще всякой мистике! Ведь нацисты были помешаны на мистике! И на всякой древней символике! Вот возьмем свастику…

– Не надо брать свастику, – попросил Сережа. – Давай вернемся к шкатулке с камнями.

Попросил причем очень миролюбиво.

– Да ведь в этой шкатулке были какие-то мистические камни! – завопил Маркиз-Убоище. – Все еще не понимаешь? Если их вывозили в Австрию вместе с сокровищами – значит, это были особенные камни! Ты подумай – вот лежат в этих отделениях кусочек сердолика, кусочек оникса, кусочек аметиста, кусочек яшмы – это же по нашим временам дешевка! Их теперь из Индии пудами везут! Все – в виде кабошона…

– В виде чего?

– Кабошон – слово такое французское.

– Может, капюшон? – усомнился Сережа.

Маркиз-Убоище так на него глянул, как если бы атлет при всем честном народе сделал на паркете лужу…

– Ка-бо-шон! – произнес он взятно, да так, что соседи через два этажа услыхали. И изобразил руками сферу, словно футбольный мяч огладил.

– Вот так, только меньше, – объяснил он. – Если хочешь знать, как гранят камни, спроси Вальку, он тебе про все огранки растолкует, и про «Мазарини», и про «Перуцци», и про «голландскую розу», и про «антверпенскую розу», и про ступенчатую огранку, и про огранку клиньями. Дед хотел, чтобы он стал ювелиром, а у Вальки руки из задницы растут, он все больше почитать да полялякать… В общем, раньше почти все камни делали кабошонами, а с пятнадцатого, чтоб не соврать, века их стали гранить по-настоящему. Когда умудрились получить алмазный порошок для шлифовки. И те камни, что были в шкатулке – или очень старые, или их зачем-то сделали на старый лад. Понял, нет?

– Допустим, – буркнул Сережа. Он уже понял, что последовательно связался с двумя сумасшедшими алкоголиками. Вот теперь и этот про мистику заговорил…

Очень уж не любил Сережа, когда его уличали в некомпетентности. Даже когда дело касалось огранки мистических камней в пятнадцатом веке.

– Валька про камни столько книг собрал – загребись! – Маркиз-Убоище, чтобы увеличить эффект, помотал породистой головой. – А потом стал раскапывать всякие загадочные случаи, связанные с камнями. Вот, скажем, в сказках люди выходят из камней и возвращаются обратно…

– Он что, сказки читал? – вот уж это в Сережином представлении вовсе не вязалось с возрастом и лысиной Наследника.

– Сказка ложь, да в ней – намек! Кто сказал? То-то! – загадочно выразился Маркиз-Убоище. – Или, скажем, история Даниэля Монбара. Это уже семнадцатый век.

Тут филармонический артист подался вперед, цапнул стакан и, отбивая им по столу ритм, негромко, но устрашающе запел:

– Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза! В Флибустьерском дальнем синем море бригантина подымает паруса!…

Остатки чифиря вылетели из стакана и угодили Сереже в лицо. Он стал медленно подниматься со стула, всем видом показывая готовность выкинуть вокалиста за дверь. Но на Маркиза-Убоище снизошел флибустьерский дух.

– Капитан, обветренный, как скалы, вышел в море, не дождавшись дня! – грянул он, все больше входя в образ. – На прощанье подымай бокалы золотого крепкого вина!

Тут великое сомнение охватило Сережу. Он пальцем снял со щеки каплю жидкости, понюхал и лизнул.

Каким-то непостижимым образом Маркиз-Убоище исхитрился незаметно добыть из воздуха коньяк и плеснуть его себе в стакан. Вот это уже была настоящая мистика.

Песня продолжалась, а Сережа стоял в задумчивости. Ему уже было ясно, что толку он от артиста не добьется. И о том, где проклятый алкоголик подцепил на свою голову грабителей, не узнает никогда. Во всяком случае, этой ночью.

Маркиз-Убоище старательно и с эффектами допел песню до конца. Очевидно, он ждал аплодисментов, но Сережа безмолвно глядел на него, хмуря густые брови.

– Так вот, тайна исчезновения Даниэля Монбара, – совершенно будничным голосом сказал тогда артист. – Прозванного Истребителем за то, что истреблял испанцев. У него у единственного экипаж судна составляли индейцы.

– Истребитель – это уже авиация, – заметил Сережа и с ужасом вспомнил, что однажды он сказал такие слова.

– Он был почище авиации! – Маркиз-Убоище рассмеялся, показывая подозрительно ровные и белоснежные зубы. – Самый удачливый из флибустьеров, понимаешь? Он не брал добычи – все кидал за борт. И удача погубила его – к нему все стали набиваться в компаньоны. Самые крутые! Но ему ни с кем не надо было объединяться. Это была его ошибка… Вместе с одним… тьфу, склероз проклятый… ну, как же эту сволочь звали?…

– Неважно, – проворчал Сережа.

– Они обнаружили большой испанский корабль. С правого борта они обстреляли его, а с левого индейцы Монбара подошли на каноэ и захватили испанца! Все были уверены, что на борту золото и серебро. А там оказались бумага и железо! Та сволочь заявила, что делиться с Монбаром не намерена – мол, по его вине погнались за проклятым испанцем. Монбар поднялся на борт, присмотрел, чтобы всех пленников казнили, и в каюте одного пассажира нашел что-то такое, что велел перенести к себе на судно. Потом они вернулись на Тортугу, потом опять пошли вместе за добычей. Им не нужно было брать то железо, понимаешь? Удача их покинула.

– Понимаю, понимаю, – согласился Сережа.

– Они застряли в Гондурасском заливе, ждали добычи, а добычи не было! Продовольствие кончалось. Корабль Монбара в конце концов сел на мель. Другие капитаны обвиняли его в неудаче. Бунт начался как бы снизу, но это как-то подозрительно… Индейцы Монбара продержались недолго, флибустьеры ворвались на палубу его корабля – но Монбар не

вышел на палубу подраться в последний раз. Может, он даже и усмирил бы их – он был огромный, вроде тебя, и его уважали хотя бы за это. Но он пропал, сгинул! Индейцы полегли, и тогда флибустьеры взломали дверь его каюты. Монбара там не было. А на столе стояло знаешь что?

– Не знаю, – честно отвечал Сережа.

– Пустая деревянная шкатулка! Раскрытая шкатулка, а в ней – двенадцать камушков. Один флибустьер прибрал шкатулку к рукам и потом продал на Тортуге за гроши. Вот так и пропал Даниэль Монбар, мир праху его… Как ты думаешь, куда он девался?

– Ушел в камень, – отвечал Сережа, уверенный, что такого ответа ждет от него Маркиз-Убоище, и не желающий спорить с алкоголиком.

– Ты мне не веришь… – уже малость заплетаясь языком, – сказал тот. – Ты не веришь, что шкатулка с магическими камнями попала к немцам, а потом к Вальке! Ты вообще никому и ничему не веришь! Но где же тогда моя Данка и твоя Майка?

И тут Сережа вдруг осознал ситуацию…

Возможно, Маркиз-Убоище был прав и есть на свете вещи, которые действительно всухую не понять. Возможно, он так начифирился и наконьячился, что алкогольные флюиды образовали вокруг него некое поле, влияющее на окружающих. Иначе объяснить Сережино прозрение невозможно.

Вот ведь как случается на свете – живет себе атлет, технарь, положительная во всех отношениях личность, изрекающая исключительно правильные советы. Живет, живет – и сталкивается с чем-то, чего разумом не усвоить. И тут выясняется, что эта сверхправильная личность, невзирая на броню интеллекта и мышц, еще в состоянии просто-напросто взять – и поверить!

Свершилось – понял Сережа, что камни из выкраденной у Наследника шкатулки так кем-то обработаны, что обладают способностью засасывать в себя людей. Долго упирался – но все же понял.

И исходя из этого будет он теперь действовать!

Глава шестая, колдовская

Сережа, уверовавший в мистику, был еще опаснее Сережи, не верившего в мистику.

Он отнесся к делам потусторонним с той же методичностью, с какой составлял комплексы упражнений для качков. Ради хорошего и действенного комплекса он не ленился перерыть кипу журналов, в том числе и на английском языке. А когда дошло до мистики – он, выпроводив наутро плохо протрезвевшего Маркиза-Убоище, по дороге в зал заглянул в газетный киоск и набрал всевозможной рекламы. Он пометил все магические объявления и, впустив в зал первых фанатиков, сел на телефон.

Что его удивило – по магической части промышляли в основном женщины, да еще с диковинными именами. Попались ему там Астрабелла, Гитана, Наина, Калиостра, и, по природной своей язвительности, он морально приготовился на следующей странице увидеть Козаностру. Мало доверия внушали эти имена – однако уверовавший в мистику атлет понял также, что ведьма не может зваться по-человечески.

В этой жизни Сережа мирился со многим – с зимой, не позволявшей ходить по улице в футболке с короткими рукавами и демонстрировать бицепсы, с капризами водоснабжения, с мальчишками, которые вопили ему вслед из-за угла «Шварценеггер!!!», и с прочими стихийными бедствиями.

Но было бедствие, которое он не желал признавать и обходил не за три, а за четыре версты.

Называлось оно – толстые женщины.

Сережа понимал, что пресловутые пропорции 90-60-90 выдерживают даже не все знаменитые топ-модели. Но когда обмеры женщины давали 95-65-95 – он уже прикидывал, в каких местах ей следует сбросить лишний жир. А если получалось, Боже упаси, 100-70-100, – то это для него уже не называлось «женщиной».

Однако именно на такой контингент ему везло.

В тренажерный зал приходили восьмипудовые дамы и совершенно серьезно говорили тренеру, что хотят сбросить пять-шесть кило, этого им будет вполне достаточно. Все они были замужем, и у всех мужья категорически возражали против потери габаритов. Это Сережу приводило в недоумение, близкое к ступору.

Так вот, отправляясь на телефонные поиски ведьмы, Сережа, разумеется, представлял себе старую перечницу с иллюстраций к детским сказкам – тощую, носатую, горбатую и с клыками.

Помело в его воображении как бы приросло к ведьме, равным образом и ступа.

Но, с другой стороны, он понимал, что такую трухлявую старушенцию ему при необходимости не удастся выманить из ее логова на поиски приключений. Да и смотреть на нее было бы грустно. И, обзванивая по объявлениям потомственных ясновидящих, потомственных гадалок, потомственных прорицательниц и потомственных мастериц белой магии (среди объявлений затесалась и какая-то подозрительная «потомственная цыганка», но эту несуразицу он проигнорировал), Сережа обращал внимание еще и на голос. Старчески скрипучий ему напрочь не подходил.

А лучше бы наоборот – потому что, договорившись о встрече с приятным молодым голосом и позвонив в указанное время у дверей указанной квартиры, он был ошарашен.

Дверь открыла цветущая женщина – с румяными от природы щеками, со свежей белой кожей, с живыми черными глазами, с кубометром темно-каштановых кудрей с медной искрой и в черном балахоне на двадцать сантиметров выше колена. Но при том, что сложение ведьмы было пропорциональным, ее объемы еле уместились в дверном проеме.

– Вы – госпожа Лилиана? – кое-как справившись со ступором, спросил Сережа.

– А вы – Сергей Григорьевич?

Ведьма тоже была удивлена. Шварценеггеры редко интересуются магией.

Она пропустила его в прихожую и предложила шлепанцы. Этого добра у нее на полках под вешалкой было предостаточно и – всех размеров. Как ни странно, все шлепанцы были почти новые. Разуваясь, Сережа спиной чувствовал заинтересованный взгляд. И ему делалось не по себе.

Обычно он был очень осторожен. Не лез туда, где женщина, имеющая двадцать кило лишнего веса, получит возможность для решительных действий. А тут он, судя по всему, оказался наедине с довольно молодой и, похоже, темпераментной ведьмочкой. И если она не попытается соблазнить такого великолепного посетителя – значит, у нее какая-то неправильная сексуальная ориентация.

Госпожа Лилиана, однако, удержалась от грубых и пошлых попыток. Она усадила Сережу за журнальный столик, сама села напротив – и каким-то образом декольте, отмеченное гостем с самого порога, съежилось до приемлемых размеров, а балахон удлинился настолько, что прикрыл колени.

– Вам приходилось работать с камнями? – деловито начал

Сережа.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, смотреть в них… видеть, что в них… заряжать их… разряжать… Ну, что у вас положено с ними делать…

– Разумеется. Я могу подобрать соответствующий вашей натальной карте талисман или амулет, могу зарядить его, могу очистить.

– Соответствующий чему?

– Гороскопу, – при этом ведьма так посмотрела на него, что Сережа устыдился своей астрологической безграмотности. – В амулете, насколько я понимаю, нуждаетесь вы лично?

– Да нет, я не нуждаюсь, я ищу специалиста, который мог бы проанализировать, что ли…

– Просмотр ситуации?

– Нет, просмотр камня. Вернее, камней.

Сережа решил слишком рано не раскрывать карты. Если бы госпожа Лилиана оказалась специалисткой по каменной части, он бы начал выяснять, может ли она установить местонахождение человека, которого камушек засосал, и вынуть того человека оттуда, где он есть.

Но ведьма, очевидно, не поняла намеков.

– Может быть, вам нужен ювелир?

– Нет, мне нужна ведьма.

Госпожа Лилиана склонила голову набок, глядя на Сережу с неподдельным интересом.

– Скажите, а вы не ощущаете дискомфорта в моем присутствии? – вдруг спросила она.

Дискомфорт, разумеется, был – как и всякий раз, когда Сережа видел толстуху, но не мог сообщить ей об этом печальном обстоятельстве.

– Почему? Никакого дискомфорта, – соврал он.

– Так… – ведьма призадумалась, и вдруг Сереже стало ясно, что она разгадала его вранье. – Ну, хорошо. В чем состоит проблема?

Голос из бархатного сделался деловитым, и это Сережу обрадовало. Значит, покушение на бренную плоть ему пока не угрожало.

– Проблема в том, что много лет назад к нам в город попала коллекция старинных камней, и на днях ее украли…

– Вы хотите, чтобы я нашла вора? Желаете ли вы, чтобы я нашла его при помощи маятника, или по старинной методике – с использованием Псалтыря и решета?

– Вора-то мы и сами найдем, – буркнул Сережа. – Эта коллекция раньше принадлежала каким-то магам,

чернокнижникам, пиратам, немцам, черт знает кому! И они с ней чего-то намудрили. Это нарушает все законы физики, но… но…

– Если вы пришли на прием к ведьме, то, наверно, разочаровались в законах физики? – помогла она.

Сережа тяжко вздохнул. Только прирожденный и потомственный технарь осознал бы всю скорбь этого вздоха.

– Скажите – может ли камень затащить в себя человека? – напролом спросил он.

Ведьма широко раскрыла глаза.

– В камнях иногда обитают некие сущности… скажем, тонкого мира… – осторожно ответила она. – Вы хотите сказать, что камень втянул в себя чье-то астральное тело?

– Да нет же, физическое! Вместе с джинсами, курткой, кроссовками, спортивной сумкой и пневматическим пистолетом! А потом еще одно…

– Почему вдруг – с пневматическим пистолетом?

– Потому, что этой дуре втемяшилось устроить у себя дома тир, – объяснил Сережа. – Она сделала ловушку для пуль из старой жестяной хлебницы и тренировалась. А вторая дура пошла ее выручать в какую-то подозрительную фирму – и тоже пропала.

Госпожа Лилиана решительно встала из-за стола.

– Я не отказываюсь работать с теневыми структурами, – строго заявила она. – Но тут уж, извините, явная уголовщина. Пропавший киллер – это не по моей части!

– Да какой из нее киллер?! – прямо-таки взвыл Сережа. – Она просто дура, которая дала слово выйти замуж за первого встречного! А вторая…

– И поэтому ее засосал камень вместе с пневматическим пистолетом? – уточнила ведьма. – Красиво, но непонятно. И похоже, что вы обратились не по адресу.

Странные изменения произошли в ее внешности. Черный балахон обрел жесткие складки и налился металлическим блеском. Объем его уменьшился ровно вдвое. Румянец сошел со щек, от чего лицо сделалось тоньше и обрело суровость. Кубометр каштановых кудрей отлетел назад и как бы сам собой сплелся в узел. А на ногах в легкомысленных ажурных колготках обнаружились черные сапожки.

А голос-то, голос!

Это был жестяной голос испорченного автоответчика.

– Возможно, – сказал Сережа, вставая. – Извините, что побеспокоил. Я полагал, что раз вы представились специалистом по камням, то можете дать совет. Всего доброго.

Ведьма прищурилась.

– Я действительно специалист по камням, – уверенно

произнесла она. – Я – профессионал. Но не хочу иметь ничего общего с уголовщиной.

Сережа помолчал. В конце концов, по-своему госпожа Лилиана была права.

– А в чем заключается ваш профессионализм? – спросил он, уже основательно обдумывая каждое слово. – Что вы лично делаете с камнями?

– Я заряжаю их и разряжаю, я кодирую камни, я уничтожаю сущности черного мира, которые в них обитают, – немедленно отрапортовала ведьма. – Я считываю с камней прошлое.

– Имеется в виду – прошлое этих камней?

– Разумеется, – подтвердила ведьма. – Как вам, должно быть, известно, кристаллы имеют память. Я берусь, глядя на камень, рассказать, когда он был найден, когда был огранен, через какие руки прошел – при условии, что он достаточно долго находился в этих руках. Но что касается затягивания и поглощения физических тел – простите… Боюсь, что вас кто-то ввел в заблуждение.

– Значит, эта… сущность… она в камне жить может?

– И жить, и выходить из камня, и возвращаться в него сущность тонкого мира может. Да вы сядьте, – она сама опустилась на диванчик.

Розовый румянец вернулся на щеки, металлические складки стали бархатными, узел на макушке развернулся и распушился. И снова перед Сережей полулежала готовая ворковать пышная красавица.

Он сел. В конце концов, освещение ведьма наладила такое, что ее превращения могли быть оптическими чудесами, и не более.

– Я попробую поработать с вами, – задумчиво произнесла она. – Поскольку мне еще не приходилось извлекать из камня физическую сущность, денег с вас я за это не возьму. Ведь я не гарантирую результата.

– Да нет, я заплачу, – хмуро пообещал Сережа.

– По итогам, – прочитав на его правильной физиономии непреклонность, уточнила ведьма. – А теперь, пожалуйста, расскажите мне все с самого начала.

И Сережа вкратце описал, как он вместе с Данкой отправился вызволять бывшую жену и что из этого получилось.

– Так, так, очень любопытно… – бормотала ведьма в ходе рассказа, подбадривая Сережу, а когда он, пересказав последний безумный разговор с Майкой и флибустьерские байки Наследника с Маркизом-Убоищем, замолчал и выразительно развел руками, кивнула.

– Вот что я вам скажу… Возможно, все куда проще, чем вы считаете. Коллекция немецкого мага, разумеется, заинтересовала не ювелиров, а людей, которые занимаются оккультными науками. Это однозначно. Все остальные вещи грабители взяли, чтобы отвлечь внимание от шкатулки. И я допускаю, что один из них был вовсе не профессиональным вором, а человеком с определенными способностями. Возможно, вы просто находитесь под гипнозом.

– Я? Под гипнозом? – Сережа приподнялся, нависнув над журнальным столиком, как если бы неведомая оккультная сила вздернула его за шиворот. – Я?!?

– В этом нет ничего удивительного и ничего постыдного. Вы ведь читали про фокусы Вольфа Мессинга? А он их проделывал не с кем-нибудь, а с офицерами спецслужб. Он предъявлял им белую бумажку – а они видели пропуск, подписанный Сталиным. Вы ведь не имеете такой профессиональной закалки, как опытный контрразведчик?

Возразить было нечего, но не возражать Сережа не умел.

– Допустим, меня загипнотизировали, допустим, досталось и моей бывшей супруге. Но коллектив, в котором работает Дана, тоже загипнотизировали? Шестнадцать человек искали ее по всему городу! А потом еще коллектив салона! Тоже, пожалуй, человек восемь.

– Нет, с коллективами это проделать было бы сложно, – согласилась госпожа Лилиана. – Хотя возможно. А вот загипнотизировать Дану могли. Могли внушить ей, чтобы она вышла из дома, отправилась на вокзал и уехала куда-нибудь в Свердловск или Пермь. А для полного успеха сунули ей в карман деньги на билет. Потом что-то в том же духе проделали с вашей бывшей супругой. А ее, допустим, отослали на юг.

Сережа призадумался – звучало-то правдоподобно…

– Почему же тогда и тех алкоголиков, Наследника с Маркизом-Убоищем, не загипнотизировали? – вдруг сообразил он. – Почему их травили снотворным? Почему включили газ?

– Понятия не имею. Я предложила версию. Может быть, и газ-то включили они сами, находясь в состоянии гипноза.

– Сложно что-то.

– У вас есть более простое объяснение?

Ведьма опять поднялась с диванчика.

– Знаете что? Я могу проверить, нет ли на вас отрицательной энергетической подвески, – предложила она. – Гипноз на деле есть нарушение вашего защитного энергетического кокона и коррекция обменных процессов на молекулярном уровне. А это я берусь установить. Встаньте.

Озадаченный солидными терминами Сережа встал.

– Выйдите вот сюда, – ведьма вывела его на середину комнаты и выскользнула за портьеру.

Вернулась она через минуту в белом атласном балахоне, на ходу наматывая белую же чалму.

– Чтобы не нахвататься от вас… – туманно объяснила она и натянула белые перчатки.

– Мне раздеваться? – ошалело спросил Сережа.

– Да, пожалуй… – протянула она.

Когда Сережа скинул куртку, свитер и футболку, ведьма сказала «Достаточно» и подвинула на середину комнаты круглый табурет на ножке, из тех, что обычно используют пианисты, хотя как раз пианино поблизости и не было. Усадив Сережу спиной к себе, она принялась водить руками над головой и вдоль спины атлета, причем он явственно ощущал запах духов, а складки прохладного атласа касались его кожи.

Как и все сильные люди, Сережа был чересчур уверен в себе. А стоило бы забеспокоиться, стоило бы подумать про оборону! Сильные мужчины обычно твердо знают, что на все опасные случаи жизни им достаточно хмурого взгляда, пары кулаков да тройки борцовско-каратекских приемов. О защите на ином уровне они уже не волнуются. А напрасно…

И если за массивной мускулистой спиной атлета стоит деловито настроенная женщина, всего лишь бормочет, когти в ход не пускает и бюстом не прижимается – так это еще не значит, что он в полной безопасности!

– Так, так, так… – шептала ведьма. – О-о!… О-о-о!…

– Что такое? – осведомился Сережа.

– Да как вам сказать… – госпожа Лилиана произнесла эти четыре слова тоном онколога, который начинает знакомить нервную пациентку с результатами крайне отвратительного анализа.

Сережа забеспокоился.

Он вроде и понимал, что со здоровьем все в порядке, а тем не менее мистическая обстановка и озадаченный голос ведьмы смутили его.

И еще сработала общая неподготовленность по дамской части.

Сереже последнее время приходилось общаться с Майкой, Данкой и их подружками, особами веселыми, активными, решительными и органически неспособными изобразить роковую женщину. Госпожа Лилиана была дамой совсем иной породы – и ей не было нужды таскать в сумке пневматический пистолет, потому что при желании она могла окружить себя свитой мужчин,

владеющих обычными пистолетами. Технические приемы, которыми она пользовалась, в арсенал Майки с Данкой не входили, потому и оказались для Сережи как бы секретным и чрезвычайно действенным оружием. Да еще те ведьмовские способности, которыми Лилиана зарабатывала себе на кусок белого хлеба с черной икрой…

Руки в белых перчатках мелькнули перед глазами Сережи, пальцы замерли где-то на уровне бровей – и вдруг в переносице созрело какое-то плотное ядрышко, налилось тяжестью, возникло даже странное желание закрыть глаза…

Сережа читал в газетах про экстрасенсов. Он понаслышке знал, что вот так, мановением руки, можно поставить точный медицинский диагноз. И вздрогнул, вспомнив, что совсем недавно, зазевавшись, треснулся переносицей об открытую дверцу подвесного шкафа. Высветилось перед затуманившимся взором жуткое слово «опухоль»! А черт их знает, откуда они берутся в мозгу, злокачественные опухоли…

Случалось, что Сережа, ремонтируя в зале оборудование, ссаживал кожу на пальцах. И когда кто-то из толстушек, случайно оказавшись рядом, непременно рвался сделать перевязку, Сережа спрашивал трагическим голосом:

– Доктор, я буду жить?!.

Сейчас ему захотелось задать этот дурацкий вопрос всерьез.

– Вы ощутили тяжесть вот здесь? – вдруг спросила ведьма, едва коснувшись его бровей.

– Да.

– Ага…

И снова принялась она водить руками над головой атлета.

– Меня что, загипнотизировали? – Сережа вдруг вспомнил, ради чего затевалась вся эта процедура.

– Нет, успокойтесь, это не гипноз… – казалось бы, слова были успокоительные, но так и хотелось продолжить тем же озабоченным голосом: – Это гораздо хуже…

Пока Лилиана молчала, Сережа перебрал в памяти все известные ему смертельные болезни, какие только могут угнездиться под черепом, и дошел до психиатрических.

– Простите… – ведьма вложила в это единственное слово все сочувствие тысячи сестер милосердия. – Я не хотела бы выглядеть нетактичной…

– Да чего уж там, – сурово отвечал Сережа, не оборачиваясь. – Спрашивайте.

– Я еще раз прошу прощения… Вы ведь в разводе с женой?

– Да.

– И другого близкого человека у вас теперь нет?

Дело пахло чем-то скоропостижным и неисцелимым.

– Я сам себе близкий человек.

– Еще раз простите… Были ли у вас близкие люди в юности? Кроме бывшей жены?

– У меня живы родители, но я не хотел бы ничего им сообщать, – решительно заявил Сережа. – У них и без меня забот хватает.

– Еще один нескромный вопрос. Вы были женаты только один раз?

– Да.

– И прожили очень недолго?

– Не сошлись характерами.

– Но после развода остались друзьями, насколько я поняла?

– Разумеется.

Лилиана за спиной у Сережи громко вздохнула.

– У вас и сейчас нет постоянной женщины, – сказала она.

– Вот и замечательно, – отрубил Сережа. Ему не хотелось бы обременять кого бы то ни было своей неисцелимой хворобой.

– И не будет, поверьте мне…

Сережин рот непроизвольно, сам собой, раскрылся.

Он понял, что неисцелимая хвороба начнется с импотенции.

– Ладно, – опомнившись, сурово произнес он. – Невелика потеря.

– Напрасно вы так говорите. Я бы могла вам помочь.

– На астральном уровне? – кисло спросил Сережа. Поскольку Майка в свое время бурно увлекалась экстрасенсами, он наслушался достаточно, чтобы не слишком верить в чудесные исцеления.

– Зачем? – ведьма обошла табурет с сидящим Сережей и снова села на диванчик. – Если я скажу вам, что я у вас обнаружила, вам это покажется смешным. Все мужчины сперва острят и ехидничают. А на самом деле это – серьезное повреждение на энергетическом уровне. Та самая отрицательная подвеска, о которой писал профессор Савельев в связи с проблемой синдрома хронической усталости.

Страшное слово «импотенция» высветилось перед внутренним взором непобедимого атлета.

– Да, разумеется… – Сережа вложил в эти слова всю иронию героя, умирающего на поле брани с гордо поднятой головой.

– Я могу описать вам вашу будущую судьбу. Я вижу ее, как на ладони.

– Да чего уж там! Не надо!

И в самом деле – кому приятно слышать про свои будущие позорные отступления…

– Надо! Мне очень – понимаете, очень! – хочется вас вылечить. Так вот – сейчас вы и не догадываетесь, почему живете так, а не иначе.

– Не догадываюсь, – честно подтвердил Сережа.

– Вы только раз за разом отмечаете, что вами интересуются не те женщины, которых вы бы хотели… скажем так – видеть рядом с собой.

– Это точно! – Сережа даже развеселился.

И не догадался он присмотреться к лицу Лилианы, а зря. Первый пристрелочный выстрел оказался прямым попаданием, как впрочем, и второй.

– Даже ваша бывшая жена – не тот тип женщины, который вам в действительности нужен.

– Не тот.

– А вы подумайте – почему те женщины, которые могли бы составить ваше счастье, как бы обходят вас стороной?

Женщины, которая могла бы составить Сережино счастье, честно говоря, в природе не существовало. Как идеалом мужа в одесском анекдоте был слепоглухонемой капитан дальнего плавания, так Сережиным идеалом была восемнадцатилетняя красавица с фигурой топ-модели, интеллектом кандидата математических наук, остроумная и уверенная в себе, но в то же время согласная с каждым Сережиным словом и слепо выполняющая все его указания.

Однако Сережа честно подумал – и пришел к выводу, что да, действительно, – он никогда не встречал женщины, достойной составить его счастье. И в самом деле – почему?

– А годы идут, – продолжала ведьма, качая головой с таким видом, будто жить Сереже осталось недели полторы. – Идут годы-то… И с каждым годом шансов все меньше. Хуже того – желания изменить свою судьбу все меньше. Вокруг вас – словно аура, причем не обычная, а из ежовых иголок. И женщины, ощутив ее, даже близко к вам не подойдут. Я имею в виду тех женщин, которые представляют для вас интерес. Вы ведь умеете ставить барьер между собой и неприятным собеседником?

– Допустим.

– Вот точно такой же барьер вы, сами об этом не подозревая, держите между собой и достойными вас женщинами.

Ах, приятно слышать «достойные вас женщины»! Прямо волна благодарности в груди поднимается. Наконец-то нашелся умный человек и оценил плоды многолетних Сережиных трудов по лепке из себя гармоничной, физически и умственно совершенной личности!

Но, позвольте, откуда бы он мог взяться – барьер? Напротив –

когда Сережа идет по улице или входит в комнату, где сидят женщины, всем своим видом он показывает: вот явился настоящий мужчина. Он не унизится до пошлых комплиментов или, Боже упаси, букетиков, поскольку он – настоящий, из гранитной глыбы вытесанный. Но он не против того, чтобы принять ваше поклонение!…

Ведьма потому и зарабатывала на жизнь ведьмовством, что в каждой гранитной глыбе могла распознать слабинку. Не промахнулась госпожа Лилиана и на сей раз.

– Я человек посторонний, – продолжала она. – Я помогу вам – и после этого мы ни разу, скорее всего, и не встретимся, так что женского интереса у меня сейчас нет. Мне просто по-женски обидно – ведь есть же где-то для вас идеальная подруга, а вы с ней не найдете общего языка! Гляжу на вас, и обидно делается – чтобы такое добро, да зря пропадало!

– Так в чем же дело? – не выдержал Сережа.

– Скажите сперва – вы верите в сглаз и в порчу? Я имею в виду – невольно или с умыслом совершенную отрицательную энергетическую подвеску, которая вызывает затемнение в чакрах и, постоянно действуя, держит в биополе энергетический пробой?

– Как-как? – терминология прозвучала более чем внушительно…

– Все очень просто – личная вибрация биополя того, кто осуществил подвеску, сбивает нормальную частоту конусных воронок энергетических центров, они же чакры, а воронки спаренные и вращаются по часовой стрелке, – ведьма пальцем описала круг перед лицом клиента. – А сбой дает потерю скорости вибрации одной из спаренных воронок… Я понятно говорю?

Сперва Сережа решил было гордо назваться технарем, выпускником престижного вуза, чтобы Лилиана устыдилась и перестала громоздить термины. И тут же сообразил, что именно тогда ее и понесет в биополевые дебри на таком уровне, что понять будет вовсе невозможно, а кивать головой придется. Он решил сэкономить время.

– Не так чтоб очень. Нельзя ли попроще?

– Ну, сглаз – он и есть сглаз… Если по-научному – работа чакр вхолостую, когда поступающая из Космоса биоэнергия проходит через пробитую чакру, не задерживаясь, как через обычную дырку, и начинаются функциональные нарушения…

– Значит, вы полагаете, что меня сглазили? – торопливо задав вопрос, Сережа вдруг принялся перебирать в уме всех толстушек, которые прошли через его тренерские руки и удалились смертельно обиженные.

– Я бы назвала это своеобразным видом порчи. Сглаз получается неосознанно, а ваш случай – сознательное наведенное искажение вашей сексуально-эротической ауры, которое в просторечии называется «венец безбрачия», – голосом бесполого профессионала растолковала ведьма.

– Может, оно и неплохо – что безбрачия? – попробовал пошутить Сережа.

– Регистрации законного брака ваш венец, как видите, не помешал, – отпарировала Лилиана. – А во всем прочем он вам мешает. Так что решайте сами – нужен он вам ли не нужен.

Сережа задумался.

Ведьма рассуждала на редкость логично для женщины.

– Во сколько мне это обойдется?

Названная сумма была невелика – столько Сережа мог себе позволить.

– Что для этого нужно?

Ведьма призадумалась.

Если бы она имела дело с женщиной, да еще не юной, то сгоняла бы ее и в церковь за свечами двух видов, и на рынок за горохом определенного сорта, а потом горох оказался бы не тот, так что носительнице венца пришлось бы здорово побегать – и это способствовало бы росту уважения к будущей процедуре. А мужчина, да еще культурист, мог, выйдя из квартиры ведьмы за свечками, исчезнуть навеки.

– Все необходимое у меня, пожалуй, найдется… Но придется немного доплатить. Обычно я прошу клиентов принести на сеанс свечи, соль и иные предметы, но для вас сделаю исключение. Погодите, не одевайтесь!

Госпожа Лилиана принесла и разложила на столе все необходимое, зажгла высокие свечи и на них уставилась.

– Коптит… – недовольно буркнула она. – Это плохо.

Затем вскрыла пакет с солью грубого помола.

– Вы должны сами, своими руками, наскрести горсть соли.

Соль слежалась до состояния монолита, а ногти Сережа стриг коротко. Но отступать было некуда – горсть он наковырял.

Затем он пальцем размешивал эту соль в чашке с водой, затем ведьма вытирала ему лицо носовым платком, смоченным в растворе, а также совершала этим платком кругообразные движения в области Сережиного сердца, и все – под бормотание молитв и заговоров, из которых Сережа мог разобрать лишь отдельные слова. В частности, ведьма призывала дух четверга, а венец отправляла висеть в дремучие леса на сухих елках…

Кроме того, ведьма ходила вокруг Сережи по часовой стрелке, имея в руке зажженную свечу, и закапала ему желтым

воском все джинсы.

И, наконец, был принесен мешок гороха.

Сережа сам лично набрал три раза по четыре горсти, эти порции были увязаны каждая в особый полиэтиленовый мешочек, соленая вода налита в банку из-под кофе, и на прощание последовали особые инструкции.

Сережа должен был поставить оставшийся кусок большой свечи в стеклянную банку, а банку – у себя в спальне, зажечь свечу и уйти на пару часов. Водой полагалось смочить старую тряпку и выбросить за порог, чтобы какое-то время вытирать об нее ноги. Что касается гороха, то нужно было выбросить его на трех перекрестках, желательно в полночь.

Затем Сережа расплатился за процедуру и, обремененной свечкой в клочке газеты, банкой с водой и тремя мешками гороха, покинул квартиру ведьмы.

Настроение у него сделалось замечательное, легкость в движениях и в мыслях была необыкновенная.

Он поспешил домой и поставил свечку в баночку из-под майонеза. Посмотрев на свет старую половую тряпку, он понял, что вот случай избавиться от нее и завести новую. Сережа радостно выложил тряпку за порог и щедро полил ее соленой водой. Оставался горох.

Поскольку дело близилось к полуночи, Сережа в прекраснейшем расположении духа взял три мешка и вышел на улицу.

Вроде и невелики были мешочки, однако Сереже казалось, что все прохожие на них таращатся. И вообще никогда еще не было, чтобы в полночь по городу шастало столько бездельников! Избранный Сережей перекресток ни на минуту не оставался пустынным. Наконец выдалось несколько секунд – и Сережа, перебегая его по диагонали, торопливо попытался продрать ногтем зажатый в кулаке мешок. Разумеется, ничего не вышло.

Сережа зашел за угол, надорвал треклятый мешок, снова долго ждал отсутствия зрителей и перебежал перекресток по той же диагонали, но уже в другую сторону. Горох, брызнув в стороны, загрохотал, как приличная канонада. Озираясь по сторонам, Сережа рысцой удрал, и через пять минут та же канонада повторилась на другом перекрестке, а еще через полчаса – на третьем. Сережа, не питая любви к народным увеселениям, не знал, где и что в городе происходит, и решил опростать мешок возле концертного зала в самый момент выплеска тысячной толпы безумных фанатиков заезжей группы.

Гороховый треск отдавался в голове аккордами небывалой симфонии – если бы Сережа был композитором, то именно так он

воспел бы освобождение от пут, уз и кандалов.

Придя домой, он освидетельствовал банку из-под майонеза и с веселым злорадством обнаружил, что свеча прогорела, а банка треснула и дно у нее отвалилось, как и было предсказано. Ведьма приказала все, что останется от банки и свечи, срочно вынести из дому и закопать, но это было уж чересчур. Сережа открыл окно и прицельно запустил банку в открытый мусорный контейнер, здраво рассудив, что весь мусор оптом наверняка где-то закопают, да еще прикатают сверху бульдозером.

Когда он снимал куртку, из кармана выпрыгнуло несколько горошин. Сережа задумался – нужно ли их нести на перекресток и кидать вдогонку предыдущему гороху, или достаточно будет спровадить в мусорное ведро?

Словом, здорово его озадачила хитрая ведьма.

Прозрение наступило на третий день, когда Сережа, опять же ночью, чуть ли не приплясывая, вынес и выкинул половую тряпку. Стоило ей исчезнуть в контейнере, как в голове у атлета раздался вполне ощутимый щелчок.

И он осознал, что произошло.

Он потратил деньги и время, чтобы избавиться от венца безбрачия, который еще неизвестно, был ли, а на главные свои вопросы о Майке, Данке и камнях ответа не получил! Более того, занятый идиотской возней с горохом и тряпкой, он впал в нелепую эйфорию и как-то перестал беспокоиться о пропажах!

Ведьма оказалась профессионалкой высокого класса…

Глава седьмая, библейская

Целый день Сережа не вылезал из тренажерного зала, супернагрузками выбивая из себя магические наваждение. При одном воспоминании о том, как он ночью пересекал пустынные перекрестки, раскидывая идиотский горох, атлет краснел до ушей. А выбрасывание половой тряпки в глухую полночь? А блуждание со свечой? Позор, позор всей мускулистой половине рода человеческого! Позор несмываемый!

А самое ужасное – эта ведьма могла-таки снять с него пресловутый венец безбрачия… Значит, он автоматически становился легкой добычей для всякой дуры со стройными ногами, которую занесет к нему в зал скинуть два сантиметра с талии.

А дуры на Сережу клевали только так – стоило им увидеть широченные плечи и точеный профиль, как они, не задумываясь, начинали вокруг сексапильного тренера брачные танцы. Умная женщина, наоборот, сперва задала бы себе вопрос: а нужны ли человеку, имеющему такие бицепсы, еще и мозги? Дуры же перли напролом – да и с какой стати дуре в голову должна прийти мысль о мозгах?

Каменно-уголовная история с мистическим уклоном как бы застыла на мертвой точке. Поскольку Сережа более суток не звонил госпоже Лилиане, поставив на ней в панике жирный крест… Крест! Вот оно!

Сережа хлопнул себя по лбу. И хорошо еще, что в руке не случилось одного из тех шести десятикилограммовых блинов, которые он собрался навешивать на кривой гриф для прокачки своего знаменитого бицепса.

Был, был в городе человек, которому сам Бог велел заниматься мистикой и изгонять нечистую силу! С этим человеком Сережа сидел в школе за одной партой, поступил в один технический вуз, был распределен в один НИИ, и покинули они его тоже одновременно, поняв, что если им полгода не платили зарплаты, то и впредь не собираются. Сережа решил сделать из хобби профессию и нанялся тренером в тренажерный зал, а одноклассник Саша, оголодав, как выяснилось, до полного просветления, поступил в духовную семинарию. И по прошествии четырех, чтоб не соврать, лет сделался отцом Амвросием.

Сережа всю свою сознательную жизнь был атеистом. Даже Майке не удалось поколебать его, а она через что только не прошла – и через теософию, и через реинкарнации, и через буддизм. Последний оставил в семейном обиходе выражение:

«Свалился, как лотос на голову». К Сашиному выбору Сережа отнесся атеистически – лучше зарплата священника, чем вовсе никакой. Но, к огромному изумлению бывших коллег, Саша уверовал истинно и даже несколько безумно.

Выразилось это прежде всего в том, что бывший инженер-энергетик очень похорошел собой. Когда он ходил бритый и в очках, институтские дамы и девы его в упор не видели. А когда отрастил длинные локоны, и усы, и бородку, когда сменил жуткие очки на контактные линзы, то оказалось, что у него прекрасные черные бархатные глаза и лик совершенно ангельский.

Сережа не раз бывал в гостях у отца Амвросия, не раз лакомился грибным супом в крошечной, заставленной старой мебелью комнатке священничьего дома возле зеленой деревянной церковки на окраине. Хозяин потчевал его всевозможными историями о чудесах, случившихся не в ранние века христианства, а буквально на днях. Если бы Сережа прочитал про мироточивую икону в газете, то, как всякий технарь, заподозрил бы микроскопические дырочки в углах глаз и резервуарчики с маслом по ту сторону образа. Но отец Амвросий возбужденно рассказывал ему, как сам, приехав к монахиням в пустынь, видел тот дивный образ и нюхал миро, рассказывал с подробностями, так что Сережа уверовал не столько в Бога, это ему и в голову не приходило, но в те конкретные чудеса, к которым имел отношение отец Амвросий.

Образовалось, стало быть, в голове слово «крест» – и сразу стало ясно, что идти следовало не к ведьме по объявлению, а к профессионалу по части мистических недоразумений.

На следующий же день Сережа отправился к отцу Амвросию.

Зеленая церковка Рождества Богородицы стояла на окраине, окруженная деревянными домишками, возможно, еще дореволюционной постройки. Жило в них немалое количество бабок, сразу и навеки полюбивших нового священника, Круглогодичный грибной суп объяснялся именно этой любовью.

Сережа вошел в церковный двор, как всегда, испытав некоторое смущение. Он и понимал, что надо бы в таком месте перекреститься на наддверный образ, и стеснялся, все еще считая себя праведным атеистом. Дом священника стоял за церковью, дверь, как всегда, была не заперта, и в нем обнаружились лишь две бабки в пестрых платочках, которые, сидя за обеденным столом, зачем-то прилежно переписывали церковный календарь.

– Добрый день, – сказал Сережа. – Я к отцу Амвросию.

– Батюшка отошел, – пропела та старушенция, что сидела как раз напротив дверей.

– Как это – отошел? – Сережа ошалел. Помирать отцу Амвросию было вроде бы рано.

– Сошел со двора, – объяснила вторая старушка.

– Далеко сошел? – подлаживаясь под их речь, спросил Сережа.

– А неподалеку он! – сообщила бабка. – Вы по делу? Требу отслужить?

– Что – треба?

Сереже показалось, что старушка перешла на украиньску мову.

– Ну, помер кто у вас? Отпеть, выходит, нужно? Панихидку отслужить? Я запишу и деньги приму.

– Нет!… – поперхнувшись, выдавил Сережа. – Я не по делу!

И поразился тому, что его мужественная физиономия, физиономия киногероя, навеяла старушкам почему-то похоронные мысли.

– А зачем же?

– Повидать батюшку. Мы учились вместе… одноклассники…

Старушки переглянулись.

– Я провожу вас, – та, что предлагала панихиду, выбралась из-за стола. – Батюшка тут неподалечку. Вы мужчина основательный, ему поможете…

Сережа представил, как его вводят в мрачный и сырой склеп (змеи расползаются из-под ног, сова светит глазищами в дальнем углу и все тому подобное) и становят к боку свинцового гроба, который нужно тащить за узорную ручку, и тащить далеко…

Привели же его не в склеп, разумеется, а к распахнутым дверям большого соседского сарая.

– Батюшка, вы здесь? – позвала старушка.

– Здесь! – отозвался из глубины отец Амвросий.

– Ищут вас!

– Это я, батюшка! – подал голос Сережа. Покосился на заупокойную старушку и добавил: – Раб Божий Сергей!

– Серега! – отец Амвросий явно обрадовался. – Полезай сюда! Я ее, эту дуру, зацепил, а вытащить не могу!

Сережа поставил на землю спортивную сумку и шагнул в сарайный пыльный полумрак. Бабка осталась стеречь.

Отец Амвросий ковырялся в дальнем углу за какой-то дикой баррикадой из старой мебели, и невозможно было понять – как он туда проник? Сережа протиснулся между дощатой стеной и старым диваном. Теперь он оказался совсем близко к отцу Амвросию, но их разделяла пружинная сетка кровати.

– Вот же она, – тыча пальцем во мрак, заявил отец Амвросий. Его прекрасные кудри были в клочьях паутины.

– Кто – она?

– Купель! – возвышенно ответствовал батюшка и сразу же перешел на практический стиль: – Ты, Серега, просунь руку, я приподниму этот ящик, а ты постарайся его удержать. Тогда я ее дерну и вытащу!

Сережа опрометчиво сказал: «Ладно».

Он протянул руку и подвел ладонь под ящик, как было велено. Отец Амвросий вцепился в загадочную купель обеими руками и, упираясь, потащил ее. Очевидно, над купелью была какая-то сложная комбинация мебели с ящиками – сперва она сопротивлялась, а потом вдруг с грохотом развалилась, так что отец Амвросий ударился спиной о стену, а Сережа, чей увесистый ящик, лишившись подпорки с другой стороны, внезапно потяжелел раз этак в пять, одновременно попытался его удержать и навалился на кроватную сетку…

Все поползло, все поехало в сарае! Все загремело, все перекосилось, включая стены и крышу! Бабка снаружи заверещала не своим голосом.

Сережа выпустил ящик и воздел руки наподобие мраморного, или из чего он там, атланта. Воздел очень вовремя – под самым потолком сарая были полки из широких досок, и одна такая полка, уставленная трехлитровыми банками, сорвалась с гвоздей.

– Господи, спаси и сохрани! – откуда-то снизу донесся голос отца Амвросия. Впечатление было, будто он провалился в погреб.

– Сашка, ты жив?! – в изумлении утратив свою великолепную мужскую логику, завопил Сережа.

– Жив! – разумеется, отвечал батюшка. – Я купель вытащил!

– А ты – где?

– Я под диваном!

– Значит, теперь не только купель, но и тебя вытаскивать? – удерживая над головой полку с банками, спросил Сережа.

– Если тебе нетрудно… – с некоторым смущением позволил отец Амвросий.

Сережа накренил полку, чтобы банки сползли и по одной аккуратненько свалились на мебельный завал. Тут только выяснилось, как много их там было, и, к немалой Сережиной радости, – то, что все они стояли пустые. С большим трудом он выворотил кроватную раму и добрался до отца Амвросия.

Но тот вдруг отверг протянутую руку. Он отказался покидать сарай без купели.

Отец Амвросий был достаточно разумен, чтобы понять – в одиночку он ее никогда не вытащит, а во второй раз заманить Сережу в сарай ему не удастся.

Через полчаса, грязные, как болотные черти, но, в отличие от

болотных чертей, увенчаные паутиной, все трое оказались снаружи – Сережа, отец Амвросий и купель.

– Это – она? – спросил потрясенный Сережа.

– Да, – ответствовал батюшка, первым делом приглаживая кудри. И посмотрел на свою добычу с нежностью.

Неизвестно, что созерцал отец Амвросий просветленным умственным взором. Сережа же видел своими атеистическими глазами здоровенную рассохшуюся бадью, примерно до середины бедра отцу Амвросию, и такого объема, что запросто вместила бы два мешка картошки. Судя по запаху, последнее, что в ней хранили, была именно гнилая картошка или другой корнеплод – Сережа плохо ориентировался в ботанике.

Сейчас, вытащенная на свет Божий, бадья имела жалкий вид, с ее боков свисали ошметки масляной краски, обруча заржавели. Но отец Амвросий уже видел ее перед собою такой, какой он ее непременно сделает, – свежевыкрашенной, чистенькой, с сияющими обручами.

– Зачем тебе ЭТО? – выразительно поинтересовался Сережа.

– Я же говорю – купель!

И, видя в глазах былого коллеги полное непонимание, отец Амвросий объяснил более внятно:

– Буду крещать полным погружением! Понимаешь, всегда в православной церкви крестили полным погружением, раньше для этого даже крестильни строили. И это – правильно. А как крестят теперь – побрызгают, и довольно! – так это неправильно. Это нарушение. У нас с РПЦЗ еще и из-за этого непонимание…

– С кем?

– С русской православной церковью зарубежья. Они-то крестят по-старому, по-правильному, а мы – извратили обряд. Вот – буду крещать полным погружением…

– Сюда?… – ушам своим не поверил Сережа.

– А что? Видишь, большая, сюда взрослый человек поместится. Вот хотя бы ты…

– Я не помещусь! – твердо отвечал Сережа с таким видом, что отцу Амвросию стало ясно – живьем его туда и вправду не поместить.

– Вот раньше, еще до революции, всех грудными детишками крестили, и вполне хватало маленькой купели, – стал объяснять отец Амвросий. – А теперь в основном взрослые идут. И ведь спрашивают – а что, разве такое крещение действительно? Старушки меня достали! Хватит – буду крещать полным погружением!

Насчет старушек Сережа понял.

– Сашка, ты же умный человек! – проникновенно обратился

он. – А конопатить эту штуку тоже старушки будут? Ты посмотри, какие тут щели? Ведь вода перед началом обряда наливается?

– Ну?

– Так к нужному моменту там ни капли не останется, а ты будешь стоять по колено в воде! Это же не крещение будет, а я не знаю что!

Отец Амвросий нагнулся и засунул палец в щель. Вылез палец уже внутри бадьи.

– Допустим… – пробормотал священник. – Ну, тут мы что-нибудь придумаем…

– И скажи еще – вы ведь детишек крестите голенькими?

– Так положено.

– А если скажем, к тебе женщины придут? Тебе их голых придется туда засовывать и оттуда добывать? Сашка, это добром не кончится! Обязательно на тебя в епархию настучат!

– Тьфу ты… – отец Амвросий крепко задумался. – А как же в РПЦЗ? Они-то – полным погружением?

– Не знаю, – честно отвечал Сережа. – Давай я эту штуку обратно закину, и пойдем чиститься. Я к тебе по делу.

– Далеко не закидывай! – всполошился бывший энергетик, прочитав на лице бывшего электронщика суровый замысел. – Вот тут, у самых дверей поставь! У меня прихожанин есть, у него руки нужным концом вставлены, я ему покажу эту…

Отец Амвросий задумался на секунду. Как бы ему того ни хотелось, а добыча мало походила на истинную купель.

– … эту бадью, – честно выразился он. – Пошли, почистимся.

Сережа задвинул будущую купель подальше и пошел следом за красавцем-батюшкой к священничьему дому.

Там они наскоро привели себя в порядок.

– А грибной суп будет? – спросил Сережа.

– А ты хочешь?

– Только у тебя и балуюсь, – признался атлет.

– Слушай, съешь тогда мою порцию, – проникновенно попросил отец Амвросий. – Достали они меня! Я тоже сперва разохотился! Грибочки, понимаешь! А их же никакой склероз не берет!

– Грибочки?!

– Бабушек! Запомнили, что батюшка постненький супец уважает.

И бывший энергетик тяжко вздохнул.

Бабушки сервировали стол куда быстрее и грамотнее, чем вышколенный официант в дорогом ресторане. Сережа даже позавидовал однокласснику. Сам-то он держал дома колбасу с сыром, пакеты с молоком и банки протеиновых смесей, которым

сервировки не нужно, хватает емкости от миксера.

– Ну, выкладывай, что привело тебя ко мне, – с профессиональной благожелательностью обратился отец Амвросий к Сереже, когда бабушки убрали посуду и отбыли на кухню.

– Даже не знаю, как сказать… Ты в колдовство веришь?

– В колдовство? – на красивом лице священника изобразилось веселое изумление, но Сережа не склонен был к шуткам и на немой призыв к смеху не откликнулся.

– Ну, в мистику, – уточнил он. – В нечистую силу, если так тебе понятнее!

– Нечистая сила есть и смущает, – вполне серьезно отвечал отец Амвросий. – А что, завелась? В зале, небось?

– Если бы в зале – я бы ее грифом от штанги…

И Сережа вкратце поведал историю исчезновения бывшей жены и ее боевой подруги.

– Любопытно… – время от времени бормотал отец Амвросий.

– И это – тот случай, когда бритва Оккама не работает! – в полном отчаянии завершил Сережа свой рассказ. – Старик Оккам требовал не умножать количество сущностей сверх необходимого. А я перебрал все реальные варианты – и нигде Данку с Майкой не обнаружил! Значит, нужно расширить круг сущностей.

– Я вижу два пути, – подумав, сказал бывший энергетик. – Плохо в них то, что ни одним из этих путей ты не можешь пройти самостоятельно.

– Это почему же? – обиделся Сережа.

– На одном ты уже наследил. Тебя теперь даже с тремя пропусками на шестнадцатый этаж не пустят, – отрубил отец Амвросий. – А неплохо бы понять, что это за уголовная фирма такая… По второму же пути ты не можешь идти вследствие своей безграмотности.

Сережа онемел.

– Ты и в институте-то ничего, кроме специальной литературы, не читал, – безжалостно углубился в историю отец Амвросий. – А теперь читаешь журнал «Мускулы», а также «Сила и красота». Может быть, еще программу телепередач.

Сережу потрясла осведомленность красавца-батюшки.

В свое время он пытался приобщить одноклассника к миру железа – и потерпел крах. Мускулатура у того оказалась неподходящая – сила прибывала, а объем вроде бы даже убывал. А сейчас вдруг выясняется, что отец Амвросий, даже не просто священник, а иеромонах, следит за культуристической прессой!

Сережа высказал свое недоумение.

Оказалось – отец Амвросий извлек вышеупомянутые журналы

из стопки религиозной литературы на своем рабочем столе, когда искал материалы для проповеди, и очень удивился. Притащить их могли разве что бабушки, присматривавшие за порядком не только на кухне. Проведя следствие, отец Амвросий обнаружил, что приволок домой эту срамотищу он сам. Но – нечаянно. Он брал на время кое-какие книги у коллеги – молодого священника, служившего в такой же старой деревянной церковке, только на другом конце города. И, взяв их целой стопкой, прихватил еще и журналы. Коллега повинился – по вечерам он ходил в тренажерный зал. Тайно от прихожан, разумеется. После того, как пришлось выставлять из храма двух агрессивных алкоголиков, он осознал пользу мускулатуры.

– Но вернемся к твоей безграмотности, – продолжал красавец-батюшка, ласково глядя огромными бархатными глазищами, в чем заключалось особое, изощренное ехидство. – Я имею в виду тот факт, что ты совершенно не обратил внимания на фотографию шкатулки с камнями. Это ведь была цветная фотография?

– Ну и что? – не понял Сережа.

– Сколько в шкатулке было камней?

– Двенадцать.

– Вот! Если бы ты обратил внимание, в каком порядке лежали эти камни, это могло бы навести тебя на след…

– Мы можем поехать к тому алкоголику… ну, к Наследнику, – предложил Сережа. – Надеюсь, что больше грабители не приходили и альбом не сперли. Но при чем тут порядок камней?

Отец Амвросий встал из-за стола и снял с полки большую книгу в потертом кожаном переплете. Подержал, словно определяя вес, – и положил на место.

– Тут ты ничего не поймешь. Возьмем лучше синодальный перевод. Так для тебя вразумительнее…

Он положил перед Сережей маленькую Библию в пластиковом переплете. На обложке был золотой православный крест.

– Неисповедимы пути Господни, – так бывший энергетик прокомментировал неуверенной прикосновение к книге мощной руки бывшего электронщика.

– Ну и где тут смотреть? – осведомился несколько смущенный Сережа.

Отец Амвросий заглянул в оглавление и быстро нашел нужную страницу.

– Исход, глава двадцать восьмая, стих пятнадцатый, – нараспев произнес он. – Описание одежды иудейского первосвященника. Читаю – а ты слушай внимательно, не мелькнет

ли что знакомое. «Сделай наперсник судный искусною работою; сделай его такою же работою, как ефод; из золота, из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и из крученого виссона сделай его; он должен быть четырехугольный, двойной, в пядень длиною и в пядень шириною; и вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд – это один ряд; второй ряд: карбункул, сапфир и алмаз; третий ряд: яхонт, агат и аметист; четвертый ряд: хризолит, оникс и яспис; в золотых гнездах должны быть вставлены они.»

– Рубин, изумруд, яхонт… удивленно повторил Сережа. – Ты хочешь сказать, что в шкатулке были настоящие рубины и изумруды? Такой величины?

– А какой величины? Ты же видел камни только на фотографии!

Сережа представил себе снимок.

Действительно – если камушки были маленькие, то и шкатулке полагалось быть не больше его ладони. А между тем впечатление у Сережи сложилось, будто эта вещица покрупнее.

– Ты уверен, что там было именно двенадцать отделений, по три камня в ряду, и четыре ряда? – переспросил отец Амвросий.

– Уверен. Можно позвонить тому алкоголику… – Сережа вспомнил про бегство от Наследника и замялся. – Значит, у этого первосвященника на груди было что-то вроде квадрата, утыканного камнями?

– Вот именно, и какую-то особую роль играло расположение камней, – бывший энергетик взял бумагу, ручку, и, сверяясь с Библией, начертил большую схему наперсника.

– … хризолит, оникс, яспис… – бормотал он, вписывая в клеточки названия камней. – Яспис, надо полагать, яшма. Вот. Пойдешь к тому, как его… Наследнику. Уточнишь.

– А пядень – это сколько? – спросил Сережа.

– Пядень? Сними вон с той полки словарь Даля, том третий, и найди, – посоветовал отец Амвросий.

Слово отыскалось быстро, но объяснялось непонятно.

– Еще того не легче! – возмутился Сережа ненаучному описанию. – «Пяда, пядень – протяженье меж большого и указательного перстов, растянутых по плоскости; мера в четверть аршина». А теперь искать аршин?!

Отец Амвросий растопырил пальцы.

– Вот она, пядень. А аршин искать не надо – семьдесят один с половиной сантиметр. Вот и дели.

– Сам дели.

В хозяйстве священника имелся и калькулятор.

– Что же мы имеем? – задумчиво спросил сам себя отец

Амвросий. – Мы имеем пропавшую шкатулку, дно которой теоретически представляет квадрат со стороной около восемнадцати сантиметров и поделено на отсеки, каждый отсек являет собой прямоугольник, длиной в шесть сантиметров и шириной в четыре с половиной сантиметра… Была эта штука на снимке похожа на квадрат?

– Не помню, – проворчал Сережа. – Надо же – алмаз, рубин…

– Еще неизвестно, что тогда называли рубином, – заметил бывший энергетик. – Я где-то читал, что в какую-то королевскую корону была вделана большая красная каменюка, триста лет думали, что рубин, а оказалось что-то совсем другое и во много раз дешевле. Но с древних времен двенадцать камней, составленные особым образом, имеют какой-то смысл… погоди! У нас есть еще двенадцать камней!

– Где? – обрадовался атлет.

– В Апокалипсисе!

– Ни фига себе!

– Постыдился бы, – ответил на этот непосредственный возглас отец Амвросий. – Фиги в тренажерном зале поминай. Сейчас разберемся…

Он и в Апокалипсисе быстро нашел нужное место.

– «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет, – вполне буднично сообщил он Сереже о том, что случится после конца света. – И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба… стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу…»

Священник замолчал. Что-то тихонько пропело в Сережиной памяти, что-то звонко-нежное и атлету не подобающее. Пропело – и растаяло…

– К сожалению, дальше тебе будет неинтересно. А вот то, что касается тебя непосредственно: «Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое – яспис, второе – сапфир, третье – халкидон, четвертое – смарагд, пятое – сардоникс, шестое – сердолик, седьмое – хризолит, восьмое – берилл, девятое – топаз, десятое – хризопраз, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист».

– Двенадцатое – аметист… – повторил Сережа. – Но тут они не по рядам расставлены, а просто перечислены. Сашка! А это – те же камни? Смотри – тут ряд кончается яшмой, а тут – начинается!

Бывший энергетик и бывший электронщик стали, бормоча, тыкать авторучками в схему наперсника.

– Яшма – есть, сапфир – есть, смарагд?

– Изумруд по-старинному.

– Смарагд – есть, хризолит – есть!…

Списки камней совпадали частично.

– И что же это значит? – растерянно спросил Сережа.

– Одному Господу ведомо. Я думаю, следует посоветоваться с хозяином шкатулки. Он ведь что-то рассказывал о магических камнях?

– Ну, рассказывал… – согласился Сережа. – Да кто ж его слушал?

– Любопытно… – отец Амвросий задумался, возведя очи горе.

– Это вопросы потусторонние, – попытался вернуть его на грешную землю Сережа. – А есть еще и уголовная сторона дела. Эта проклятая фирма на шестнадцатом этаже…

– Ну, с ней-то как раз все очень просто, – усмехнулся красавец-батюшка. – Завтра схожу и разберусь.

– Кто ж тебя пустит?

– Пробьюсь! – и бывший энергетик так хитро усмехнулся бывшему электронщику, что тот заподозрил тайные знание какого-нибудь восточного единоборства.

– Знаешь, какие там на входе дубы? – не то спросил, не то предупредил Сережа. – Разве что у тебя есть пропуск…

– А зачем мне пропуск? – осведомился отец Амвросий. – Сами дверь откроют да еще под благословение подойдут.

Выяснилось – среди бизнесменов завелась новая мода: освящать помещения контор. Отец Амвросий крестил целое богатое семейство, отгрохавшее себе на окраине приличный особнячок и оказавшееся в числе его прихожан. Разговорились – и священника привезли через день на четырнадцатый этаж того самого здания. Пока он шел через вестибюль, пока ехал на лифте – его приметили. И к моменту окончания обряда выстроилась очередь.

– А за чем ты туда явишься? Предлог нужен. Повторить освящение, что ли?

– Господи! Ты еще будешь подсказывать иерею, за чем он должен обращаться к богатым людям! – отец Амвросий даже возмутился. – Да за пожертвованиями! В храме вон полы – как вспаханное поле! Того гляди, кто-нибудь ногу сломит!

– Ты будешь требовать у них деньги?!?

Это у Сережи в голове не укладывалось.

– Какие деньги? Кто тебе сказал, что я произнесу слово «деньги»? – красавец-батюшка пылал уж больно выразительным негодованием. – Когда речь идет о пожертвованиях, говорить нужно о покаянии и о его плодах. Каждый из них – грешник, в грехах нужно каяться, а бесплодное покаяние не в счет.

– Плоды покаяния… – повторил Сережа, глядя на бывшего

одноклассника даже с уважением. Никогда тот не умел решать финансовых вопросов, вечно его некстати скромность одолевала, будто в слове «деньги» было что-то неприличное, и гляди ж ты – нашлась формулировка, позволяющая изымать немалые суммы у бизнесменов красиво и чуть ли не божественно!

– Плодов, я полагаю, будет не густо, но ведь для нас главное – напасть на след твоей Майки, – отец Амвросий считал, что таким образом вернул ошарашенного Сережу на грешную землю, однако ж нет – у того в голове опять пропело светлым полудетским голоском и растаяло, а что это такое было – не разобрать.

– Подведем итоги наших переговоров, – видя, что с бывшим электронщиком творится что-то непонятное, сказал бывший энергетик. – Завтра я нанесу визит на четырнадцатый этаж. Вечером сиди дома и жди моего звонка. А сейчас извини – дела.

У Сережи тоже были дела – кончался его перерыв.

Они расстались – и до следующего вечера атлет ходил смурной, до такого состояния смурной, что, навешивая на штангу черные блины-тридцатки, забывал закреплять их замками, а потом удивлялся внезапному подъему сил. Замки-то в паре тянули пять кило, и без них штанга с привычным весом шла вверх с изумительной легкостью.

Кроме того, тщательно им заделанная дыра в стенке прохудилась, и оттуда поперли крысы. Одна до того обнаглела, что из душевой просочилась в тренерскую. Сережа запустил в нее кроссовкой, вроде бы попал, крыса исчезла, и он не сразу сообразил, что вредная тварь проскочила в неплотно прикрытую дверь, ведущую в зал.

Обозлясь, взял Сережа швабру и пошел выдворять посетительницу.

В зале, как на грех, как раз появились две очередные толстушки. Одна была еще ничего – уродство свое понимала и не высовывалась. Другая же вырядилась в красные штаны и красную же футболку. Футболка диковинно топорщилась – под ней был намотан толстый пояс для похудения. Сережа как-то заметил, что эту мерзость не следует наматывать на голое тело – возможно раздражение кожи от собственного пота. Толстушка послушалась и обвернулась широченным синим поясом поверх одежды. Подошла к зеркалу – и сказала, что это ужасно, неэстетично и очень ее полнит. Пояс вернулся под футболку, а Сережа постановил впредь с этой дурой только здороваться, да еще, пожалуй, говорить «спасибо», принимая месячную плату.

Вооружась шваброй, Сережа обходил по периметру зал, заглядывая во все углы и за все тренажеры. Так он добрался и до

«козла». Этим словом все, не сговариваясь, называли станок для прокачки спины и задницы. Возле него стояли толстушки и не сгоняли сало с задов, нет! Они уже не меньше десяти минут толковали, как сделать это, чтобы не наросли бицепсы… Почему-то все женщины в зале больше смерти боялись именно нарастить бицепсы, в простоте душевной полагая, что эти мышцы водятся на всех частях тела.

– Извините, – тыча шваброй за «козла», сказал Сережа отрешенным голосом. – Вы случайно не заметили – тут крыса не пробегала?…

И тут же, норовя вручную спасти слух от дикого визга, треснул себя по уху кулаком с зажатой в нем палкой от швабры.

Следующий день прошел не лучше.

Вечером, пораньше закрыв зал, Сережа помчался домой – ждать звонка от бывшего одноклассника.

Он видел, что отец Амвросий этим делом заинтересовался. И неудивительно – годы его покамест не таковы, чтобы находить тихую радость в ворковании умильных старушек. Хоть бывший энергетик и принял постриг, но чего-то увлекательного и ему ведь хочется…

Примерно в половине десятого телефон издал долгожданный звяк.

– Слушаю, – торопливо сказал Сережа. – Сашка?

– Это госпожа Лилиана, – официально представилась ведьма.

Сережа содрогнулся.

Всю жизнь он избегал деяний, вспомнить о которых было бы неловко, и надо же – нарвался! Да еще есть свидетель возни со свечкой и горохом!

– Чем могу быть полезен? – хмуро спросил он.

– Это я могу быть вам полезна, – сказала Лилиана. – Видите ли, ваш случай меня заинтересовал. Я посмотрела кое-какую литературу по оккультизму и по минералогии.

– Ну и что же? – с одной стороны, атлету сделалось интересно, а с другой – вполне оправданное недоверие проснулось в его мужественной и обросшей бицепсами душе.

– Я нашла заклинание, чтобы проникать в камень.

– Заклинание, чтобы проникать в камень?…

– Вот именно. И мне хотелось бы его опробовать в вашем присутствии.

Ведьма говорила строго и более чем деловито. Но Сережа знал, чем пахнет такая деловитость. Все толстушки, посещавшие тренажерный зал, начинали его соблазнять примерно так же – придумывали неимоверно для него выгодные совместные дела. И с совершенно незаинтересованным видом пытались ввязать его в

коммерческие авантюры.

– Я считаю, что такие эксперименты нужно ставить в присутствии объективных свидетелей, – не менее официально отвечал Сережа. – Предлагаю сделать так – я подберу людей, на которых можно положиться, свяжусь с вами, мы назначим место и время – и вы опробуете заклинание. Надеюсь, возражений нет?

– Возражений нет! – отчеканила ведьма, возможно, смертельно оскорбленная. И, к счастью, первая повесила трубку.

Сережа сделал то же самое.

Вот только заклинаний этой самозванки ему сейчас и недоставало!

И пошел на кухню заваривать чай.

В самую неподходящую минуту, когда кипяток только-только забил ключом, раздался очередной звяк. Сережа не сразу понял, что подал голос дверной звонок.

Не заварив чая, он помчался отворять.

Это могли оказаться последние непросвещенные алкоголики, а мог и отец Амвросий заявиться!

Но на пороге стоял филармонический артист со своей походной сумкой.

Тогда только Сережа понял, почему звяк был таким коротким и неуверенным.

Еще на прежней квартире он прикормил соседского кота. Тот пользовался уважением всей лестничной клетки и охотно заходил в гости, когда предлагали доесть жареную рыбку или котлету. Как-то ночью Сережу и Майку встревожил странный шум. Выглянув в прихожую, они увидели, что дергается дверная ручка. Сережа выглянул в глазок, никого не увидел и понял, что ночной гость прибыл на четвереньках. Решительно намерившись спустить незнакомого пьянчужку с лестницы, он рывком отворил дверь. На пороге стоял соседский кот, повесив голову и всем видом изображая смущение. Кот без слов говорил:

– Я понимаю, что явился в неприличное для джентльмена время, но мне решительно негде ночевать, господа…

Естественно, его впустили и благоустроили в кресле, но совестливый кот стянул на пол газету со столика и улегся на ней.

Вот кого вспомнил Сережа, глядя на горестного посетителя. Судя по всему, Маркиз-Убоище все еще не был принят законной супругой, а то место, где он перекантовался последние ночи, оказалось для него недоступно.

– Добрый вечер, это я, – печально сказал артист. – Больше некуда было…

Сережа незаметно принюхался.

Похоже, этот человек никогда не бывал абсолютно трезв.

Но, трезвый или пьяный, он сейчас Сереже тут не был нужен. Атлет, ожидая известий от бывшего одноклассника, совершенно упустил из виду, что и Маркиз-Убоище тоже мог бы кое-что порассказать про грабителей.

– Куда же тебя девать? – Сережа вздохнул – и тут его осенило. Он отцепил от своей связки ключ от Майкиной квартиры и протянул Маркизу-Убоищу.

– Это что? – осведомился тот.

– Это квартира моей бывшей жены. Там есть телефон. По крайней мере, будешь отвечать на звонки. Вдруг Данка объявится, или какие-нибудь сюрпризы…

– Она далеко?

– Не так чтоб очень. За полчаса доберешься.

– А я на тебя рассчитывал… – намекнул Маркиз-Убоище.

– В плане сыра или в плане колбасы? – холодно спросил Сережа. – Там что-нибудь валяется в холодильнике.

Телефон звякнул.

– Сашка? – крикнул Сережа в трубку, одновременно отмахиваясь рукой от Маркиза-Убоища. Такое движение во все времена и у всех племен означало примерно одно – закрой-ка дверь с той стороны. Но филармонический артист вдруг принялся выделывать руками выразительные пассы. Он сперва поднял кисти до уровня шеи и потряс ими с видом полнейшего отчаяния, а потом взял в правую руку воображаемое стило и принялся им скрести по ладони левой руки, ссутулившись зачем-то на манер канцелярской крысы.

– Серега? Ну, послал ты меня в разведку! – прекрасный бархатный голос выразил одновременно упрек и восхищение. – Слушай, разговор совершенно не телефонный. Но я с Божьей помощью кое-что узнал!

– Когда встречаемся? – Сережа даже в пору первой любви не мечтал о свидании так пылко.

– Завтра неплохо бы. Приезжай ко мне в храм.

– Есть. Заметано.

– Спокойной ночи, Серенький, – и отец Амвросий добавил проникновенно: – Храни тебя Господь.

Сережа до столкновения с мистикой был патентованным атеистом. А как он ни в чем не признавал точек зрения, которые отличались бы от его собственных, то и Господа в беседах с бывшим энергетиком вообще не поминал, как если бы его не было.

Должно быть, здорово потрясли атлета последние события, коли он в ответ на благословение отца Амвросия отвечал чуточку смущенно, но все же достаточно громко:

– И тебя.

Вот такие чудеса случаются порой с ошалевшими культуристами. А того, что Маркиз-Убоище торчит в дверях, мимически домогаясь адреса Майкиной квартиры, Сережа как бы не видит, то есть, взором объемлет, а разумом не улавливает.

Просвет в тучах обозначился!

Глава восьмая, стратегическая

С девяти утра до перерыва Сережа в зале извелся окончательно.

Он изначально сделал ошибку – решил, что в одиночестве скорее дождется встречи с отцом Амвросием, а качки якобы будут его раздражать. И потому засел в тренерской, как сыч в дупле. Благо студент Вадик присутствовал и за качками присматривал.

Но раздражало его главным образом сознание собственного бессилия.

Он был бессилен перед временем. Не более не менее. Плюс к тому – бессилен перед уголовной фирмой с шестнадцатого этажа и перед мистикой, которые общими усилиями куда-то упрятали Данку с Майкой.

Промучавшись часа этак полтора, Сережа осознал свою психологическую ошибку и вышел из тренерской.

В зале играла музыка, гремело железо, скрипели тренажеры – словом, жизнь продолжалась.

Качки занимались своим делом – растили массу. До чемпионата было еще далеко, никто не сушился, добиваясь мышечного рельефа сверхмалыми весами, никто не накручивал версты на велотренажере, напялив для пущего пота четыре шерстяных свитера, никто, раздевшись почти догола, не учился позировать перед огромным зеркалом. Глаз радовался при виде штанг, увешанных блинами в таком количестве, что грифы прогибались. А когда эти штанги не рывками, а плавно и равномерно вздымались ввысь, сопровождаемые резкими и громкими выдохами качков, Сережа понимал, что не зря живет на свете.

Вдруг в дальнем углу зала, там, где входная дверь, мелькнуло рыжее.

Это могла быть только бешеная прическа Данки.

В три прыжка Сережа одолел весь длинный зал.

Высокая рыжая девица пришла в гости к кому-то из качков. Красивая была девица, с ногами от шеи, и на личико тоже ничего, однако Сереже захотелось взять ее за шиворот и выкинуть из зала.

Целых две секунды он был уверен, что Данка вернулась, и на тебе!…

Он и не предполагал, что способен на такое острое разочарование.

А между тем Данка ему совершенно не нравилась. Все эти годы он ее то терпел, а то терпеть не желал. Она не вписывалась в

его представление о женщине.

Вот Майка – та была красивая, обаятельная, сумасбродно-беспомощная женщина, которая могла бы и пропасть, если бы не Сережина логика и физическая сила. Сам себе в этом не признаваясь, Сережа был ей искренне благодарен за то, что она постоянно дает ему повод проявлять истинно мужские качества: ум, решительность, способность взять на себя ответственность и так далее.

А Данка… Ну, какого мнения Сережа мог быть об этом олицетворенном упрямстве? Что он должен был думать о женщине, размахивающей пневматическим пистолетом? Ее попытка выйти замуж изначально вселила в Сережу тревогу. Он не представлял Данку замужней женщиной. Она была слишком самоуверенна, чтобы считаться с мнением мужчины. А Сережа был убежден, что в спорных случаях мужское мнение всегда надежнее женского.

Сережа неоднократно давал ей советы. И неоднократно убеждался, что это равноценно переноске воды в решете. А ведь советы были умные! Когда у Данки возникли проблемы с лишним весом, кто, как не Сережа, со знанием дела расписал ей прелесть маховых движений для ног во все стороны, по двести раз для каждой ноги за тренировку? Так нет же – она сказала, что не может целый день махать конечностями, и пошла на какую-то американскую аэробику. Оттуда принесла новость – задирать ноги уже не модно, а в Америке считают, что и вредно. Тысячу лет было не вредно, и вот вам, пожалуйста! Сережа сказал, что цыплят по осень считают, и точно – к осени Данка свои лишние килограммы сбросила. И это было для него в какой-то мере оскорбительно…

А вот теперь померещилась ему Данка – и он поскакал козликом к дверям!

Равным образом, не раз он объяснял ей принципы правильного питания. Не мог он спокойно видеть, как эта обезьяна целый день жует бананы! А оказалось, что для женщины они очень даже полезны, в них калий, а калорий на сто грамм всего восемьдесят восемь, меньше, чем в его любимом мороженом… Ну, можно ли простить такую информацию?

Конечно, Сережа сам себе объяснил, что волнуется за Данку с Майкой примерно одинаково, что совершенно так же он понесся бы встречать Майку, что в тот день, когда вся эта дребедень кончится и Данка вернется, он будет очень рад за нее…

Невзирая на то, что не он ей, а она ему объяснила как-то, чем проваленный удар в боксе отличается от фиксированного. Чтоб женщина мужчине такое объясняла! Сережа никогда боксом не

занимался, разве что грушу лупил, а Данка где-то нахваталась сведений, и нахваталась только для того, чтобы выделываться перед атлетом!

Словом, это было невыносимое создание. И ни разу не уступило оно Сереже даже в мелочи, ни разу не признало его умственного и физического превосходства!

Несколько озадаченный собственным порывом, вернулся Сережа в тренерскую и выложил на стол кипу старых журналов. Он давно уже собирался вывесить на стенке плакат с примерными рационами атлетов века – Серджио Оливы, Арнольда Шварцнеггера, Франка Зейна, Дориана Ятса и прочих Мистеров Олимпия. Настроившись на слова «белки», «жиры», «углеводы», «калории», а также вооружившись ножницами, сел он за поиск. И действительно – какое-то время безжалостно кромсал страницы. Потом он положил рядком вырезки – и тут обнаружилось, что перед ним – одна и та же публикация в пяти вариантах. Треклятые журналисты незатейливо передрали друг у друга рацион Шварцнеггера, поменяв местами отдельные фразы и снабдив разными фотоснимками.

Проворчав нечто, по стилю недостойное благовоспитанного атлета, Сережа сгреб со стола журналы и сунул их куда подальше. А тут оказалось, что время близится к долгожданному перерыву. Он выпроводил качков, переоделся, оставил запирать зал Вадика и понесся к отцу Амвросию.

Того почему-то на месте не оказалось. Бабульки, которых на сей раз в доме было целых три, пропели хором, что батюшка отошел, но к обеду обещал быть.

Но миновало время обеденное, остыл в кастрюле знаменитый грибной суп, заволновались бабки, а Сережа задумался. Того только недоставало, чтобы вслед за Данкой и Майкой в недрах проклятой уголовной фирмы сгинул отец Амвросий!

Когда перерыв был уже на исходе, а Сережа барабанил пальцами по письменному столу красавца-батюшки, что означало у атлета приступ бессильной ярости, послышался на дворе шум. Сережа выглянул в окно и увидел, как в церковный двор медленно въезжает бээмвэшка, волоча за собой на тросе старый белый «мерс». Машины встали, дверца «мерса» распахнулась и оттуда высунулась рука в широком черном рукаве.

Сережа глазам не поверил – за рулем старой развалины сидел отец Амвросий!

Бывший энергетик показал шоферу бээмвэшки, куда затаскивать «мерс». А к тому мгновению, когда истосковавшийся Сережа выскочил на крылечко, уже стоял возле своего спасителя, благодаря его не благостно, как полагалось бы священнику, а

несколько злобно.

Видно, водитель бээмвэшки был знакомым – похлопал батюшку по плечу, сказал что-то ободряющее. Но почудилось Сереже в этом ободрении нечто кладбищенское – так, расходясь после похорон, желают стойкости близким покойника…

Бээмвэшка развернулась и отбыла. Сережа устремился к бывшему однокласснику.

– Сашка, это что такое? – спросил он, тыча пальцем в белый «мерс». – Как это к тебе попало?

– Это? – с совершенно непозволительной иерею тихой ненавистью произнес бывший энергетик. – Это плод покаяния!

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался бывший электронщик. – Как это?…

– Как?…

Отец Амвросий тяжко вздохнул.

История изначально была какая-то купечески-дореволюционная.

В храм к отцу Амвросию повадился странный прихожанин – в малиновом пиджаке и бритоголовый. Был он настолько крупен, по описанию отца Амвросия, что Сережа даже заподозрил одного из своих качков.

Среди бабушек и тетенек, составлявших основной контингент богомольцев, этот дядя выделялся до такой степени, что бывший энергетик во время богослужения боялся на него глянуть – контраст мог вызвать приступ хохота в самую неподходящую минуту.

– И, понимаешь, повадился проповеди слушать, – продолжал отец Амвросий. – После литургии я старушек соберу и какую-нибудь цитату им растолковываю попроще. Старушки слушают, и этот среди них – торчит, как башня Вавилонская, прости Господи… Одно воскресенье, другое, третье, четвертое – достал он меня! Я Наталью Кирилловну, умная такая бабулька, уже спрашивал – как он себя ведет, подает ли милостыню? Она докладывает – ни грошика нищим у входа, хотя приезжает на заграничной машине, такой белой и длинной, а крестится в православном храме на католический лад! Представляешь – слева направо!

– Вот оболтус, – сочувственно заметил Сережа, хотя и не понял, в чем ошибка бизнесмена.

– Это значит – по сторонам даже не взглянет, как добрые люди крестятся. Гордыня! – провозгласил отец Амвросий. – Ладно, думаю, будешь ты у меня на людей смотреть! И в следующее воскресенье проповедь на тему «И принесите плоды покаяния»! Бабульки мои слезы утирали – так я им богатых

грешников разделал! Слушают – и на бизнесмена косятся. А он стоит нос задрав, словно бы его не касается. Однако дошло – сопеть стал. И по роже видно – какая-то в нем работа умственная совершается. Тут у него в кармане мобильник вякнул. Ты не поверишь – покраснел, схватился за карман и деру из храма! Потом я бабушек своих отпустил. Он меня на самой паперти подловил, смотрит в землю, чуть ли носком туфли не ковыряет, неловко ему… Хочу, говорит, принести плод покаяния. Ну, думаю, сто рублей на храм пожертвует от щедрот. Он – в карман. Тут мне стало нехорошо – сейчас, думаю, мобильник всучит, и благодари его за эту гадость! Он-то от нее избавится, а мне его счета оплачивать! А он ключи от машины мне протягивает…

– Красивый жест! – обрадовался Сережа.

– Я брать сперва не хотел – и, как оказалось, правильно не хотел. Но сделал ошибку, – признался отец Амвросий. – Я ему говорю – мол, вам машина самому нужна, вы же за нее бешеные деньги заплатили! А он вдруг обиделся – я, говорит, «форд» покупаю, а сколько стоит этот «мерс» – для меня не деньги! Завелся, чуть мне в ухо не заехал. Я, от греха подальше, и согласился. Только, говорю, чтобы дарственная, как положено. На следующий день привозят мне дарственную… И иду я, Серенький, разбираться с документами. И обнаруживаю, что этот «мерс» – семьдесят затертого года, а пробег у него – как будто на нем сам Моисей сорок лет по пустыне во главе своего народа ездил… И состояние соответствующее. Наверно, этот… этот…

Не найдя для бизнесмена подходящего слова, бывший энергетик тяжко вздохнул.

– Наверно, он уж и не знал, как от своего «мерса» избавиться! А мне куда его девать? Договорился – стали понемногу ремонтировать. Так мы этот драндулет и зовем – «плод покаяния»…

– У меня в зале ребята из автосервиса качаются, я тебе телефон запишу, – пообещал Сережа. – Дорого не возьмут, а то я с них дорого возьму…

Тут он вспомнил, зачем, собственно, пришел.

– Пошли, там твой супец давно остыл, – увлекая отца Амвросия в дом, сказал он. – И расскажешь наконец, что там у тебя на шестнадцатом этаже вышло!

– Бабуси ушли? – вполголоса осведомился красавец-батюшка.

– Ушли.

– Тогда – ну его, этот суп! У меня там пироги с капустой есть и кофе сварим.

Сережа требовал немедленного доклада – и отец Амвросий приступил к делу прямо у газовой плиты.

– Ну, прибыл я на шестнадцатый этаж и пошел себе по коридору, – эпически начал он, разогревая в джезве молотый кофе с сахарным песком. – Иду, все мне дорогу уступают, кое-кто под благословение подходит. А я на номера поглядываю. И вижу – девятнадцатая комната вроде есть, а за ней – двадцать первая. Значит, вход в двадцатую – девятнадцатую.

– Все соответствует! – воскликнул необычно взволнованный Сережа. Почему-то ему было трудно усидеть на устойчивом кухонном табурете, он ерзал и пытался зависнуть на сиденьем.

– Не вопи. Перекрестясь, вхожу. Навстречу мне из-за стола поднимается человек, здоровается. Я на него гляжу с изумлением. Извините, говорю, я, кажется, не туда попал. А он мне так радостно – кого ищете, батюшка? Ага, думаю, не бусурманин, понимает обращение.

Отец Амвросий негромко рассмеялся.

– И принялся я образ на стенке искать, на который бы перекреститься. Естественно не нашел. И говорю – у меня встреча назначена, только я, должно быть, этажи перепутал. Я в этом здании помещение для фирмы освящал, а им после этого Господь удачу послал, дела пошли на поправку, и мне с прибыли пожертвование обещано. Они мне сами позвонили, пригласили обсудить это дело. Благотворительность, говорю, дает налоговые льготы, и нужно все как следует с юристами обсудить, чтобы и церкви хватило, и бизнесменов не обидеть. А рассказываю я ему все это неторопливо, с достоинством. Налоговые льготы его, разумеется, и заинтересовали!

– Еще бы, – Сережа очень хотел встряхнуть бывшего одноклассника, чтобы тот бросил экономику и перешел к Майке. – Ну, а потом?

Отец Амвросий налил из чайника в джезву кипяченой воды. В джезве свирепо зашипело.

– Потом я ему намекнул, как это делается. Познакомились. Зовут его Николай Юрьевич. Очень приятный человек оказался, нас с тобой дет на десяточек постарше, твоего примерно роста, все время улыбается. Вот он меня усадил, попросил секретаршу Юленьку, она кофе принесла – все чин чином, и маленькие пирожки. От пирожков я отказался – среда, постный день. И предлагаю – раз уж я к вам попал, к такому приятному собеседнику, то вот вам образок на память, Николай-угодник, ваш личный заступник перед Господом, тем более, что вы без образов тут живете. Он, как и положено, устыдился. Погрязли, говорит. Слово за слово – спрашиваю, крещен ли. Крещен, говорит.

– Да что ты про божественное?… – Сережа уже изнемогал. – Ты про Майку!

– Дойдет с Божьей помощью и до Майки. Я его ругать не стал, пожалел. В храм пригласил. А после литургии, говорю, ко мне в гости, откушаем постного, как Бог велел. Тут и он разлетелся меня в гости приглашать. Купил, говорит, особнячок за городом, как раз бы и освятить. Машину за мной прислать обещал. Я ему – комплимент. Он мне – взаимно! В общем, был я сегодня у Николая Юрьевича в гостях. Особнячок ничего, построен в пятидесятые, потолки – во! Целая вилла.

– Да что ты про архитектуру?!?

– А стоит эта вилла в шести километрах за городской чертой, за каменной оградкой, которую бронебойным снарядиком не возьмешь, – невозмутимо продолжал бывший энергетик. – Перед ней – газончик в английском стиле, что за ней – не знаю, не заглядывал, а сбоку от нее новехонький бассейн. Не поверишь – искупаться захотелось. Уж не помню, когда в последний раз в бассейне плавал…

Сережина физиономия изобразила такое, что красавец-батюшка отстранился от него ладонью и даже на два шага отступил от плиты.

– Бассейн чуть ли не впритык к ограде… да, а над ней в три ряда колючая проволока, и не поручусь, что через нее ток не пропущен. У ворот охрана в будке, по территории тоже человечка два шастают. Стерегут, словом, на совесть. Привезли меня, ввели в дом. Встречает хозяйка – ну, скажу я тебе, таких только на всемирный конкурс красоты готовить. Зовут – Тамара Викторовна. Вот так – по отчеству. А сама Николая Юрьевича вдвое моложе. Извиняется – домик недавно куплен, ремонт не окончен. Предлагает свои последние приобретения посмотреть. Они с мужем антиквариатом интересуются…

– Ну, ну? – сдержанно затрепетал от волнения атлет.

– У них там комната, которую они называют «кабинет хозяина дома», на втором этаже, примыкает к столовой. Так это, Серенький, не кабинет, это – музей. Там от кабинета – только письменный стол вроде редута, и на том – всякая мелочь расставлена. Комната, чтобы гостей удивлять – вот, мол, хоть и новые русские, а не лаптем щи хлебаем… прости, Господи!…

– Сашка, ты когда-нибудь к делу перейдешь?

– Да перешел уж, – со вздохом сожаления, что не удержался, съязвил по адресу ближних своих, продолжал отец Амвросий. – Я совершил обряд – а тут уже и стол накрыт, и, гляжу, моему хозяину конвертик передают – для меня, значит, пожертвование. За столом – божественная беседа. Я им – про конец света, про Апокалипсис, чтобы твою любимую цитату ввернуть. И тут за стеной – вроде как выстрел.

– Где, во дворе?

– Да нет, в соседней комнате, – без лишнего волнения сказал отец Амвросий. – В кабинете хозяина дома. Я его как раз последним освящал. И явственное ощущение удара в дверь. С нами за столом сидел мальчик в штатском – так он сорвался и, веришь ли, чуть ли не из воздуха пушку достал. Дверь – на себя, сам – за дверь! Другой такой же красавец прыгнул, встал с пушкой враскоряку, нас с Николаем Юрьевичем собой прикрывает. А в кабинете-то пусто! Я говорю – может, что упало. Да нет, говорит Николай Юрьевич, не упало. А сам хмурый, недовольный. Вам, батюшка, – спрашивает, – ничего тут у нас странным не показалось? Ну, ничего этакого, потустороннего, у нас тут в воздухе не летает? Я говорю – позвольте мне в кабинет пройти, тогда скажу. Впустили… А там среди всей этой исторической мебели не повернуться. Вдоль стен – не полки, а настоящие шкафы с такой библиотекой – закачаешься…

Священник вовремя понял, что интерьера атлет может и не выдержать. Сережины кулаки сами собой сжимались и разжимались, а синих глаз не было уж видно под густыми бровями, что сошлись и нависли над ними, как два мохнатых утеса.

– Ладно, Бог с тобой, – сжалился он. – Вот, держи. Это тебе привет не знаю откуда.

На ладони у отца Амвросия лежал маленький золотисто-медного цвета шарик.

– Это что еще такое? – хмуро спросил Сережа.

– Ну, даже я – и то знаю! Пулька от пневматического пистолета!

– Что??? – Сережа попытался схватить шарик, но тот выскочил из пальцев и поскакал по полу.

– Если в пустом помещении кто-то стреляет из пневматического пистолета – что бы сие, по-твоему, означало? – спросил отец Амвросий.

Сережа уставился на него в надежде, что сам бывший энергетик на свой вопрос и ответит.

– То, что нам с тобой сигнал подают – мол, здесь я!

– Где ты это взял?

– У меня, как ты знаешь, контактные линзы, – объяснил отец Амвросий. – И вижу я с ними так, что иногда хочется потусклее, что ли. Пулька ударилась в дверь, срикошетила и оказалась у самого плинтуса. Оттуда она мне и подмигнула. Я минут пять по комнате бродил, траекторию рассчитывал. И что же из этого следует?

– Следует, что шкатулка – в этом особнячке, – Сережа

вздохнул и завершил мысль: – и что ее нужно оттуда вызволять. Камни, видимо, ненадолго выпускают Данку с Майкой. Если бы надолго – они бы и сами оттуда выбрались.

– Ты знаешь, сколько там охраны? – спросил отец Амвросий.

– Данка бы рискнула.

Тут Сережа все понял. Одна – Данка бы рискнула. Но выбираться, имея в руках идиотский пневматический пистолет, а за спиной – перепуганную Майку, она, скорее всего, не будет.

– Как же туда попасть? – задал он отцу Амвросию вопрос, но ответа не получил – коричневая пузырчатая шапка возникла над краем джезвы и кофе с шипом обрушился на свежевымытую плиту.

– Да ну тебя! – воскликнул отец Амвросий. – Будет мне теперь от бабушек!

– И поделом, – мстительно и зловредно заметил Сережа.

Хотя на самом деле ему было не до зловредности.

Он вообразил себе особняк размером примерно с Версаль, да еще окруженный торчащими через два шага часовыми. Где-то в недрах стоит на видном месте загадочная шкатулка. Зачем ее туда затащили, навсегда ли она там поселилась, или же поедет за границу – темное дело.

Он не стал дальше пытать бывшего одноклассника – тот, занятый мокрыми тряпками и хозяйственным порошком, ликвидировал кофейное извержение. А просто обещал позвонить, распрощался и поехал в зал. Ему не за то хозяин зала деньги платил, чтобы он за криминальными структурами гонялся, а за то, чтобы зальчик вовремя отпирал-запирал.

Однако мысли у Сережи в голове были – как бы это сказать?… Неподобающие возрасту мысли у него там были. Ему мерещился штурм беломраморной виллы, непременно с античными богинями в нишах, и какие-то крутые молодцы в камуфле, и сам он – с орудием на сгибе локтя, которое должно было бы смахивать на бластер из фантастических боевиков, но больше тянуло на древний пылесос… Однако не простой, а какой-то заковыристый.

Надо было как-то проникать в берлогу этого загадочного Николая Юрьевича…

Сережа недаром был технарем. Он разложил задачу на составляющие, отметил известные и неизвестные величины. То есть, подошел к мистике стратегически. И понял, что в одиночку он тут бессилен. В одиночку он в лучшем случае успеет вывернуть стойку ворот, пока его не пристрелят. Можно, конечно, увязаться за отцом Амвросием в качестве дьяка… или дьякона?… Кто из них был бюрократом семнадцатого века, а кто церковным

деятелем, Сережа попытался вспомнить – и не сумел. Прав был бывший энергетик, упрекнув в безграмотности бывшего электронщика. Грамотна же по мистической части была ведьма Лилиана – хоть и с придурью.

Сережа вспомнил горох – и тяжко вздохнул.

И тут же на ум ему пришло, что, увлекшись мистикой, он напрочь забыл о детективной стороне дела, и все еще не допрошен Маркиз-Убоище!

Приехав в зал, Сережа засел в тренерской и стал продумывать диспозицию.

Всю жизнь он был одиноким волком. Точнее говоря, сам себя сделал этим исполненным романтики образом. Он и в конструкторском бюро не любил работать в команде, а когда бюро приказало долго жить – прямо-таки расцвел в тренажерном зале. Там он был как бы мудрым отшельником на горной вершине, с высоты поучающим неразумных. А то, что вершина оказалась в сыром подвале, значения, естественно, не имело.

Теперь же он осознал – не миновать собирать воедино всех, кто имел отношение к магическим камням. И он предвидел, что эта публика разыграет басню «Лебедь, рак и щука». Но привыкший к повиновению спортсменов атлет полагал, что главное – найти разумные доводы, и странно будет, если они не дойдут до человеческого сознания. Опять же – раз он, почти супермен, не устоял перед хитрой Лилианой, которой, конечно же, плевать было на его семейное счастье, лишь бы оплатил обряд, то и Маркиз-Убоище расскажет ей, как на него вышли грабители, во всех подробностях.

Итак, он постановил пригласить на совещание Лилиану в качестве специалистки по магии и стратегии оболванивания, отца Амвросия в качестве специалиста по Библии и особняку, а также Маркиза-Убоище в качестве специалиста по преступникам.

Место встречи он выбрал поневоле – тренерскую при зале. С девяти утра до девяти вечера он должен был там присутствовать, за исключением перерыва с двенадцати до трех, который Сережа использовал для собственной тренировки и блаженства в маленькой сауне. Он настолько сросся с залом, что мысль встретиться на более нейтральной территории ему и в голову не пришла.

Не откладывая дела в долгий ящик, Сережа позвонил Лилиане, попозже вечером – на квартиру к Майке, где жил теперь филармонический артист, и послал гонца с запиской к отцу Амвросию. Один из качков жил неподалеку от церквушки.

Наступил день следующий и наступило время совещания.

Первым раньше срока заявился Маркиз-Убоище, и это сперва

показалось Сереже странно, однако как только Маркиз попросил двадцатку до послезавтра, все стало на свои места. В конструкторском бюро был свой алкоголик – и его повадки бюро изучило наизусть. Сережа сопоставил двадцатку с забегаловкой на углу и понял, в каком виде припрется через часок-другой Маркиз-Убоище, если только припрется вообще.

– Извини, друг, – сказал он сурово, поигрывая грудными мышцами. – В другой раз.

Маркиз-Убоище поразился тому, что мужчина отрастил себе грудь, шевеление которой так впечатляло даже сквозь свитер. Но, к счастью, промолчал.

– Садись, – Сережа показал на обитую дерматином скамью. – Можешь из этого сделать кресло. Подними спинку за тот край и установи упор.

Маркиз-Убоище сделал, как велели, и вальяжно уселся, развесив по обе стороны скамьи полы длинного серого плаща.

– На этой скамье вообще-то качают бицепс, трицепс и грудь, – намекнул Сережа, искренне надеясь, что Маркиз-Убоище задаст хоть из вежливости вопросик, а тогда уж удастся внушить тощему артисту необходимость тренировок.

Но тот поерзал, сполз чуть пониже и вынес вперед худую крупную руку подозрительно царственным жестом.

– Нам подобает лишь повелевать, но не просить, – хмуро сказал он. – Коль скоро мы не можем вас помирить, то назначаем встречу вам в Ковентри, в день Ламберта святого. Там спор, раздутый яростью речей, решится сталью копий и мечей!

Маркиз-Убоище вдруг резко выпрямился, откинул левой рукой складки серого плаща и оскалился, испустив негромкий, но удивительно злобный смешок.

– Раз не миритесь – тот пусть будет правым, чья доблесть победит в бою кровавом, – с непонятным Сереже ехидством продолжал он и вдруг сменил тот на благородно-возвышенный, без малейшей тени иронии: – Лорд-маршал, шлите свой отряд туда готовить все для Божьего суда!

– Сейчас, – отвечал за лорда-маршала Сережа. – Вот только шнурочки поглажу.

Маркиз-Убоище посмотрел на него именно так, как должен смотреть артист на качка – с сожалением.

И разве не достоин сожаления человек, завершающий пошлой фразой шекспировский текст?

В дверь тренерской постучали. Всунулась голова студента Вадика.

– Сергей Григорьевич, к вам пришли! – изобразив на роже благоговение, а в глазах – ужас, прошептал студент. И тут же

дверь распахнулась.

На пороге, при полном параде и с наперсным крестом, стоял отец Амвросий.

Такого явления тренажерный зал еще не знал.

Отец Амвросий оглядел стены, как бы в поисках образа, на который можно было бы перекреститься. но Сережа оклеил тренерскую чемпионами по культуризму за последние десять лет. Блики, искусно подловленные фотографами, а может, и наведенные потом, играли на бицепсах, квадрицепсах, рельефе брюшных прессов, яростно скалились закаменевшие от напряжения в момент позирования физиономии, имелось и некоторое количество обнаженных девиц – какая же тренерская без этого аксессуара?

Увидев стоящего, как монумент, священника, Маркиз-Убоище вскочил со стула и вытянулся по стойке смирно.

– Знакомьтесь, – Сережа сделал светский жест.

– Иеромонах Амвросий! – голос у красавца-батюшки был бархатно-звучен и благородно-звонок.

Маркиз-Убоище открыл рот и сразу же закрыл. Будучи артистом, он оценил гостя очень высоко.

Сережа скосил на него глаза. Нужно было назвать имя Маркиза-Убоища, но Сережа не знал имени! Ему до сих пор хватало клички.

– Ле… Леонид Борисович! – вымолвил наконец артист. Фамилию почему-то утаил. Впрочем, и отец Амвросий без нее обошелся.

– Садись, – Сережа показал отцу Амвросию на продавленный диван, имевший славную эротическую биографию.

Тот уселся и, обрамленный справа и слева голыми мускулистыми ляжками чемпионов, принял вид великомученика. Сережа посмотрел на него озадаченно.

– Пересядь, – вдруг сказал он отцу Амвросию. – Вот сюда.

И выволок из угла табурет, на котором обычно держал электрочайник.

– Ты в своем репертуаре, – заметил бывший энергетик. – А это что – двухпудовка?

После того, как неизвестный фанатик спер из зала двухпудовую гирю, Сережа стал прятать мелкие предметы. Диск-тридцатку в сумку запихнуть мудрено, гриф от штанги – тоже, а гирю сунул, ухватил разом ее чугунную ручку с ручками сумки – и привет! Поэтому в тренерской лежали на полу гантели от семи кило и выше, а также пояса из толстой кожи и крюки от блочных тренажеров.

Осталось дождаться Лилианы.

Зная женщин в принципе, Сережа не верил, что хоть одна из сотни может куда-то прийти вовремя. Разве что Данка явилась однажды на деловую встречу с ним в шестнадцать ноль-ноль, как и было условлено, однако не в четверг, а в пятницу… И атлет здраво рассудил, что если сидеть голодным в ожидании, то и до язвы желудка недалеко.

Не успел он включить электрочайник, как в дверь тренерской опять постучали.

На пороге возникла Лилиана.

И замерла, словно окаменев.

Сережа уставился на нее во все глаза. Впечатление было такое, будто ведьма обчистила даже не ювелирный магазин, а галантерейный киоск у вокзала. У нее на шее висели бусы всех цветов радуги и разнообразной длины, подвески в японском, китайском и индийском стиле, а также крест, мало чем поменьше наперсного креста отца Амвросия. Трудно было даже понять, есть под рядами бус хоть клочок ткани, или же ведьма нацепила их прямо так на голое тело.

Очевидно, чтобы все прохожие видели и оценили это великолепие, Лилиана ходила в расстегнутой черной кожаной куртке, утыканной блямбами из самоварного золота, отделанной кисточками, бахромками, аппликациями и фальшивыми бриллиантами.

Еще на ней была длинная юбка в складку – разумеется, черная, а из-под юбки выглядывала шнуровка черных полусапожек – и, естественно, шнурки были золотые, иначе ведьма бы и из дому не вышла.

– Добрый день, – произнесла Лилиана.

Старый табурет скрипнул. Сережа повернулся – и увидел, что отец Амвросий стремительно встал. Более того – уставился на ведьму в негодовании. И Лилиана тоже смотрела на него как-то странно.

Тут лишь Сережа осознал, что свел вместе идеологических врагов.

Разумеется, бывший энергетик, уверовав, должен был принять как руководство к действию библейскую цитату: «Ворожею убей». А ведьма наверняка полагала все священство стоящим по другую сторону баррикад. Увлеченный идеей совместного решения детективно-мистической задачи, Сережа по наивности вовсе упустил из виду это противостояние.

– Разрешите вас представить друг другу… – начал было он.

– Мы знакомы, – перебила Лилиана, глядя мимо отца Амвросия.

– Мы знакомы, – подтвердил тот, глядя мимо Лилианы.

И Сережа понял, что эта парочка не так давно сцепилась не на жизнь, а на смерть.

– Разрешите представиться – Леонид! – с тем Маркиз-Убоище оказался возле ведьмы и, несколько склонившись, сделал такой жест, какой все женщины старше десяти лет понимают однозначно. Он протянул руку на уровне груди и ладонью вверх.

Сережа не был женщиной старше десяти лет и удивился было такому приветствию, но Лилиана расцвела в улыбке и пожаловала артисту руку для поцелуя.

Тот долго искал местечко посреди разнообразных перстней и скатившихся с запястья на кисть браслетов.

– Филармонический артист! – продолжал он, совершив поцелуй. – Можно сказать, артист разговорного жанра! То, что на профессиональном языке зовется «конферансье»!

И заглядывал, мерзавец, при этом Лилиане в глаза, явственно давая ей понять, какая она роскошная и победительная женщина.

Шуршание шелкового облачения проплыло мимо Сережи к двери.

– Куда?… – он обернулся, шагнул и в последнюю минуту загородил дверь от бывшего энергетика.

– Пусти, Серый… – прошипел тот. – Я с этой ведьмой в одном помещении не останусь!…

И прошипел достаточно громко, чтобы ведьма услышала.

Возможно, она бы что-то этакое ответила. И припечатала бы красавца-батюшку крепко и сочно. Сережа и Маркиз-Убоище одновременно, уловив в ведьминых глазах нехороший огонек, кинулись между ней и отцом Амвросием, чтобы принять удар на себя.

Но тут раздался дикий и долгий рев.

Возможно, так ревел какой-нибудь диплодок в доисторическом лесу, когда ему в глотку впивался саблезубый тигр. Или же так голосил тиранозавр в момент наивысшего блаженства от слияния с тиранозаврихой. Человек исторгнуть эти звуки не мог – не то у него устройство глотки.

Вслед за воплем раздался страшный грохот.

– Господи Иисусе! – воскликнул отец Амвросий, крестясь, и одновременно Маркиз-Убоище брякнул нечто уж вовсе непотребное.

Лилиана же кинулась прочь из тренерской.

– Стойте! – крикнул Сережа. – Ничего страшного! Это Вася!

Но Лилиана уже выскочила в зал.

– Будь он неладен! – пожаловался Сережа филармоническому артисту и бывшему энергетику. – Сто раз ему говорил! Нет – орет, как резаный!

– Да кто орет-то? – возмутился отец Амвросий. – К тебе жильцы еще милицию не вызывали?

– Да Вася же… Он у нас суперкачок. Знаешь, как он однажды выразился?

И, пользуясь отсутствием Лилианы, Сережа процитировал:

– «Ничего что у меня почки больные, печенка сдохла и не стоит – зато я большой!»

– Господи, прости дурака, ибо не ведает, что творит, – горестно, но совершенно неканонически отвечал красавец-батюшка.

– Он, когда жмет больше двухсот, всегда орет, – продолжал Сережа. – Когда жим лежа – еще полбеды, у него хоть ребята штангу принимают. А когда жим вверх – он ее об пол бросает. Однажды с грифа замки соскочили, блины разбежались, хорошо, никто по ногам не схлопотал.

– Он дурак? – деловито спросил Маркиз-Убоище.

– Дурак, – подтвердил Сережа.

Вернулась несколько смущенная Лилиана.

– Я думала, там кому-то плохо, – объяснила она. – Они что, все так вопят?

– Избранные, – и Сережа, сообразив, что суперкачок Вася спас ему совещание, немедленно стал рассаживать гостей за столом переговоров.

Столик имел две длинные стороны и два торца – как раз по числу присутствующих.

Лилиану нельзя было сажать рядом с отцом Амвросием. Но Сережа и не хотел, чтобы возле нее оказался Маркиз-Убоище. Артист, поглядывая на ведьму, только что не облизывался плотоядно. Странно будет, если они, плюнув на совещание, не займутся вплотную друг другом. А как прикажете устраивать за одним столом четверых собеседников, чтобы один из них не контактировал с двумя? Эта геометрическая задачка решения не имеет!

И Сережа возвысился до вранья.

– Стол нельзя двигать, – сказал он. – Как стоит у стенки, так пусть и стоит, а то я его вообще никогда не починю.

Лилиану он усадил у одного торца, возле розетки и чайника – инстинктивно, потому что у него даже подсознание знало – женщину надо приставить к кормежке. Сам сел рядом, слева от нее, слева от себя поместил Маркиза-Убоище, за дальним же торцом столика сел отец Амвросий.

– Если тут пойдет речь о черной магии, то я удаляюсь, – звучно заявил красавец-батюшка.

– Если тут начнутся дешевые проповеди, то я удаляюсь, – уже

плотно сев, парировала ведьма.

Сережа кашлянул.

– Я собрал вас всех, чтобы вместе разработать план действий, – сказал он. – Все вы в курсе последних событий. Отец Амвросий отыскал шкатулку. Надо придумать, как забрать ее оттуда и вытащить из камней Майку и Данку. Звучит дико – но иначе не получается. Отец Амвросий, вот этот человек привел к Наследнику грабителей. Давайте-ка попробуем от него добиться, как он с ними познакомился, что он о них знает, и нет ли в этой информации ключика к особняку…

И тут такое началось!

Сперва Маркиз-Убоище клялся, что познакомился с одним из тех трех по пьяной лавочке, после репетиции, и паспорта не спрашивал, отец Амвросий пытался добиться от него словесных портретов, Лилиана требовала оставить ее с артистом наедине – уж она покопается в его подсознании! Все вопили одновременно – а инициатор этой склоки сидел молча, как огромный каменный фараон в Луксоре, все яснее понимая, что план действий придется составлять ему самому. И брать на себя ответственность – равным образом.

Потом заговорщики устали галдеть – и дело сдвинулось с мертвой точки. Как ни странно – к выгоде Маркиза-Убоища.

– Послушайте, а если его напоить? – сообразила ведьма. – Трезвый он действительно ни черта не вспомнит.

Что свидетельствовало о знании мужской психологии вообще и артистической – в частности.

Отец Амвросий встал.

– Если тут не только чернокнижие, но еще и пьянка, то мне оставаться неприлично, – заявил он.

Встал и Сережа.

– Пьянки не будет, – заявил он. – Под мою ответственность.

Пока бывший энергетик позволял бывшему электронщику себя уговорить, ведьма с артистом принялись шептаться – и, как оказалось позднее, прямо в тренерской перешли на «ты».

Отец Амвросий проследовал на свое место, сел и сделал скорбный лик. Всем видом он показывал – не корысти ради, а для вызволения двух женщин из когтей мистики спасением души жертвую…

Оглядев свое притихшее воинство, Сережа понял, что за бутылкой идти некому. Лилиану посылать – неприлично. Отца Амвросия – тем паче. Маркиза-Убоища – может не вернуться. Сам же он боялся оставить компанию без присмотра. Не передрались бы…

На басню «Лебедь, Рак и Щука» наложилась древняя

логическая задачка «Волк, коза и капуста».

И потому Сережа вышел в зал, подошел к студенту Вадику и попросил его срочно принести в тренерскую бутылку дешевого коньяка. Вадик, потрясенный явлением среди штанг и тренажеров красавца-батюшки, закивал и смылся прежде, чем Сережа выцарапал из кармана узких джинсов кошелек.

Лилиана оказалась права – алкоголь пробудил глубинные слои артистического подсознания.

– Вспомнил! – воскликнул филармонический артист после второй рюмки. – Мы на закрытом концерте познакомились! Помните, еще при советской власти были закрытые концерты для партии и правительства? Я впервые должен был вести! Он ко мне в буфет на репетиции подсел, поговорили! Он – гэбист! Я когда понял – даже коньяк пить не стал, капнул в кофе – для тонуса, говорю, – и фужер в стороночку!

– С чего ты взял, что он гэбист? – удивился Сережа.

– С чего? Да ты бы слышал, как он говорил! Он же со мной, как с тяжелобольным, говорил!

Сережа обвел взглядом присутствующих.

– Не понял! – помотал головой отец Амвросий.

– Зато я поняла. У них манера была такая – если человек им зачем-то нужен, разговаривают очень вежливо и сострадательно, – объяснила Лилиана.

Сережа посмотрел на нее с уважением. Сам он был человеком предельно законопослушным, но, поскольку пресса создала особый ореол вокруг страдальцев, побывавших в застенках КГБ, то и Сережи не миновало заблуждение сие. Как в семидесятые годы можно было составить батальон из тех уцелевших ветеранов, что несли с Лениным бревно на субботнике, так в начале девяностых вдруг выяснилось, что каждый болтун и бездельник остался в жизни у разбитого корыта исключительно благодаря происка КГБ.

Отец Амвросий же на Лилиану покосился. Да еще с неприличным для батюшки выражением лица – мол, знаем мы вас, не в первый раз, вчера вы были у нас – пропал самовар у нас…

– Ну, если ты пить не стал – значит, действительно… – Сережа покачал головой. – И вот, двадцать лет спустя, этот человек узнал тебя и опять подсел в буфете?

– Не двадцать… – филармонический артист углубился в вычисления. – Я тогда еще был в театре, а ушел я из театра в восемьдесят шестом, а концерт был года за два до ухода, точно, на восьмое марта… и это получается… получается…

Арифметика была для артиста мучительна. Он, потупив взор,

загибал пальцы, шевелил губами, потом возвел глаза к потолку – и рот его сам собой приоткрылся, а достойная аристократа физиономия изобразила недостойный аристократа ужас.

– Господи, неужели я такой старый?!?

– Старый – это еще полбеды, – философски заметила ведьма. – Можно быть старым мудрецом, старым профессором…

Ее голос набрал силу.

– … а ты – старый дурак! Ты можешь сказать, где эта сволочь тебя отыскала?!?

– В бутербродной! – неожиданно для самого себя выпалил Маркиз-Убоище.

Оказалось – в филармонии есть буфет, куда ходить не стоит, потому что там заседают дамы из администрации, а есть заведение за углом, где в меню три блюда – бутерброд с килькой, бутерброд с колбасой и водка. Что характерно – заведение процветает. И туда можно смотаться абсолютно незаметно.

Маркиз-Убоище как раз ставил на стойку блюдце со стопочкой и закуской, когда его окликнул пожилой мужичок самого что ни на есть обычного вида.

– У них вид всегда обычный, – вставила Лилиана.

Мужичок показал Маркизу-Убоищу зеленоватый край кружка колбасы, сам вернул эту мерзость буфетчице, стребовал качественную закусь, а потом, слово за слово, рассказал, что по заданию неких новых русских ищет не отдельные сокровища антиквариата, а полностью собранные коллекции, желательно в красивой витрине и под стеклом. Посмеялся над своими безграмотными заказчиками, намекнул – у артистов всегда самые неожиданные знакомства, да и сами они любят собирать ненужные вещицы, так, может, Маркиз-Убоище подскажет, к кому обратиться? Или даже сам выступит посредником?

– А тебе не показалось странным, что человек, имеющий дело с антиквариатом и драгоценными камнями, заходит перекусить в бутербродную? – спросил отец Амвросий.

– Ну и что? Я сам туда захожу, – невозмутимо отвечал филармонический артист. И, пока присутствующие ошалело переглядывались, налил себе еще коньяка.

– Мораль сей басни, – произнес Сережа. – В те незапамятные времена присматривали за Наследником… Кстати, откуда его дедушка на пенсию уходил? Из какой структуры?

– Из армии, – неуверенно отвечал Маркиз-Убоище. – Вон у него какой иконостас!

– Это – былые заслуги. Где-то знали, что квартира набита всякими интересными штучками, и отслеживали связи Наследника, – начитавшись в свое время соответствующих

журнальных статей, Сережа проповедовал не хуже любого журналиста. – Зачем-то именно теперь потребовалась шкатулка. Наследник целыми днями сидит дома, читает книги, смотрит видак и квасит. Его вылазки за продовольствием непредсказуемы. Но ведь он вынужден время от времени продавать что-то из наследства, иначе помрет от голода и жажды. Пока – все ясно.

– Неясно только, какое отношение к этому имеет фирма на шестнадцатом этаже, – заметил отец Амвросий. – Судя по тому, как ты изложил звонок Данки в пересказе Майки, кто-то принес туда шкатулку и спрятал в кухонном шкафу. Не в сейфе, не в столе, а в шкафу! Одно из двух – или этот человек не имел ключей от столов и сейфов, или он боялся кого-то, кто тоже имел эти ключи и мог сунуть в шкатулку любопытный нос…

– Может, ты еще скажешь, почему клерки этой фирмы пытались меня похитить прямо посреди улицы? – полюбопытствовал Сережа. – Между прочим, это не в традициях КГБ.

Отец Амвросий сказать не мог, зато вдруг вспомнил, что настали последние времена перед концом света. Если среди бела дня людей похищают, если чернокнижие расцвело махровым цветом – то уж недолго ждать осталось.

Тут же Лилиана вспомнила, что придумала заклинание для открывания камня! Надо полагать, из вредности, – красавца-батюшку от такой новости прямо передернуло.

И упустил Сережа власть из рук, поскольку ведьма засобиралась в гости к камневладельцу Наследнику – проверять свое изобретение, потребовала себе Маркиза-Убоище в сопровождающие лица, тот заартачился – ему вовсе не хотелось выслушивать горькие истины от старого приятеля, отец Амвросий принялся словесно громить заклинания, но в гости к Наследнику почему-то ему хотелось…

И, не составив никакого плана, договорились поехать в гости на следующий день.

Развиваются события! Нагнетается мистическая атмосфера!

Пока что многие события можно было еще объяснять реалистически. Но недолго продлится такое безобразие. Всего двадцать четыре… Нет, пожалуй двадцать шесть часов.

Глава девятая, ужасающая

Когда трое заговорщиков шумно вымелись из тренерской, четвертый остался сидеть в полном отупении от избыточного гвалта. Он не понял – согласились ли отец Амвросий и Лилиана временно терпеть друг друга, не понял также – отшила ведьма филармонического артиста, или все-таки обнадежила.

Лежало перед ним нечто реальное – план виллы, набросанный отцом Амвросием более-менее со знанием дела. Сережа задумался – кем же служил Сашка в то далекое время, когда еще приходилось служить в армии. Не разведчиком же… Всплыло в памяти диковинное слово «понтонер», вроде бы поминавшееся бывшим энергетиком, пока он еще не стал красавцем-батюшкой.

– Понтонер – это который с понтом? – сам себя спросил Сережа.

И отправился домой.

Оттуда он позвонил Наследнику, чтобы предупредить о многолюдном визите.

– Какие камни? – не понял Наследник. – Какая, к черту, магия? Послушай, старик, я еще не завтракал!

Времени было – три четверти десятого. И, разумеется, не утра…

– Вот мы и принесем завтрак, – пообещал Сережа. – Кстати, ваш друг тоже к вам собирался – который Леонид…

Атлет замолчал, давая Наследнику время и возможность выматериться.

– Скажите ему, чтобы коньяка принес, – поразмыслив, распорядился Наследник.

– А если с коньяком – так в гости можно? – уточнил на всякий случай Сережа.

– Ес-тест-вен-но!

Очевидно, словечко у Наследника с Маркизом-Убоищем было одно на двоих.

На следующий день Сережу разбудил телефонный звонок.

– Ты когда-нибудь заберешь этот свой агрегат? – спросил Виктор Иванович. – А то он у меня место занимает.

Сперва Сережа ужаснулся, вообразив, что народный умелец смастерил прибор доктора Бадигиной в полном соответствии с указаниями заказчика, то есть – совершенно необъятную хреновину. А потом резко затосковал, вспомнив, что нет больше Майки, которая так желала заполучить этот прибор, а появится ли в этом мире когда-нибудь – неизвестно.

– Заберу, – мрачно пообещал он.

– Сегодня, если сможешь, – попросил Виктор Иванович. – Я же говорю – принтеры ставить некуда.

Сережа хотел было напомнить, что именно этого-то умелец и не сказал ни разу, но всего-навсего вздохнул. Сказал, не сказал – какая теперь разница…

И он, дождавшись перерыва, прибыл на «гольфике», готовый принять и оплатить конструкцию любой величины, и с немалым риском забрался на антресоли, где хозяйничал Виктор Иванович, и получил нечто весьма и весьма элегантное. Более того – в стиле «ретро».

Старый фен вместе с резиновой насадкой был упрятан в продолговатый, цилиндрической формы, коричневый корпус от не менее старого пылесоса, но корпус вполне целый и с никелированными деталями. Виктор Иванович отодрал железные буквы, составлявшие название, а вместо них привинтил панельку с тумблерами, которыми можно было щелкать в полное свое удовольствие. Сделал он также окошечко для термометра и кое-какие иные прибамбасы, чтобы старый пылесос выглядел как можно более научно.

Орудие сердоликотерапии вызвало в Сережиной голове странные воспоминания. Вроде бы никогда он этой штуковины не видел, однако до боли знакома…

– То, что надо? – с надеждой спросил умелец. – Может работать и в автономном режиме – на батарейках. Я там поставил парочку, ненадолго хватит. Ну?

– То, что надо, – горестно отвечал заказчик, и умелец в толк не мог взять, почему Сережа, расплачиваясь, вздыхает, словно не прибор для сердоликотерапии, а гроб с телом любимой бабушки ему выдают. – Но у него такой вид, будто он – твой ровесник.

Народному умельцу прошлой осенью стукнуло пятьдесят.

– Все продумано, – ответил Виктор Иванович, усмехаясь. – Вы скажете, что это – личный аппарат доктора Бадигиной.

Сережа хмыкнул. В конце концов, ее эксперименты начались в тысяча девятьсот тридцать пятом году… а были ли тогда пылесосы?… И сразу же, как если бы вел беседу с Майкой, стал разрабатывать версию.

В Москве Евгении Бадигиной с ее аппаратом не повезло. Он прошел испытания в нейрохирургическом институте, в госпиталях, но споткнулся о наркомат здравоохранения, и после гнусных газетных публикаций сердоликотерапия из столицы исчезла. Объявилась она уже в годы войны и – аж в Омске. При огромной нехватке лекарств в эвакогоспиталях аппаратик пришелся кстати, эксперименты были продолжены, раны

заживали, ткани регенерировали и так далее. Весной сорок второго года в Омске были даже организованы курсы по изучению сердоликотерапии… Вот! Вот они-то и нужны! Выпускники курсов наверняка мастерили себе аппараты! И в военные годы, и позже… когда пылесосы уже водились…

Биография агрегата стала обрастать плотью, и Виктор Иванович совершенно не вовремя приволок на антресоли подходящую по размеру тару. Тут же прервался мысленный диалог с Майкой и временно отодвинутая в сторонку реальность подала свой гнусный голос, напомнив, что хозяйка прибора сгинула в неизвестном направлении.

А жаль – вот-вот Сережа услышал бы, да еще Майкиным голосом, на что так удивительно похож корпус от старого пылесоса. Воспоминание забилось в щель между извилинами – и поди его оттуда выковыряй…

Прибор засунули в коробку из-под компьютера, выломав ей кусок бока, и как следует обвязали веревкой, чтобы удобно было нести. Сережа попрощался с Виктором Ивановичем, положил приобретение в багажник «гольфика» и постарался о нем временно забыть.

Вечером, перед тем, как Сереже запирать зал, внезапно объявился отец Амвросий. В черной рясе, с наперсным крестом и при черном кейсе. Воплощенная элегантность!

Сережа содрогнулся – не иначе, пришел отказываться от сотрудничества с ведьмой!

Однако красавцу-батюшке было не до того. Плод покаяния еще не удалось поставить на колеса, к тому же в суете отец Амвросий не взял адреса Наследника, так что не было у бывшего энергетика другого выхода, кроме как уцепиться за бывшего электронщика.

Сережа хотел еще поменять трос в блочном тренажере. Всякий раз его удивляло – что надо делать с металлической веревкой, мало чем потоньше атлетического пальца, чтобы так ее излохматить? Зубами, что ли, грызть? Однако милые его сердцу качки исхитрялись загубить самый прочный трос за полтора месяца.

Пока Сережа обматывал нужные места изолентой, красавец-батюшка прямо в одеянии уселся качать спину.

– Когда-то я подтягивался семнадцать раз, – сообщил он потрясенному Сереже.

С этим атлету не раз уж приходилось сталкиваться. Сперва он радовался тому, что любой новичок на вопрос о подтягиваниях слету называл конкретную цифру – одиннадцать или, скажем, семь. Потом, убедившись, что цифра завышена по меньшей мере

втрое, ломал голову – откуда новичок ее вообще взял? И, наконец, доехало. Приходившие после длительного бездействия в тренажерный зал мужчины просто в свое время навеки запомнили цифру личного рекорда, а состоялся рекорд в десятом классе или же при прохождении срочной службы двадцать лет назад – помнить отказывались. Очевидно, слишком много цифр в голове не помещалось.

– Слезай, – сказал Сережа. – Времени мало. Нам еще нужно за протеином заехать.

Соевый протеин, сравнительно дешевый, продавали в другом тренажерном зале. Сережа запасся основательно и открыл багажник, чтобы поставить банки. Тут отец Амвросий обнаружил большую картонную коробку с компьютерной символикой.

– Зачем тебе это?

Сережа помрачнел. И всю дорогу до Наследника отец Амвросий по капле выжимал из него методику доктора Бадигиной и историю запертого в багажнике агрегата.

Сперва Сережа удивился тому, что священника заинтересовали технические подробности. Потом понял – нельзя, десять лет посвятив хоть какой, а науке, не затосковать о ней…

Когда подъехали к дому, где не то чтобы жил, а проспиртовывался Наследник, бывший энергетик полез в багажник за агрегатом.

– Вот вставим туда сердолик с белыми прожилками и посмотрим, как это получится! – сказал он. – Прямо наверху и посмотрим.

Сережа хотел было отнять у него пылесос, но последние события преподали ему основы дипломатии. Увлеченный конструкцией, красавец-батюшка ни словом не обмолвился о Лилиане и черной магии. Может быть, удастся их все же совместить без особых хлопот? Если каждому дать свою игрушку?

Но о своих игрушках ведьма, как выяснилось, заботилась сама.

Лилиана и Маркиз-Убоище прибыли вместе. И – под ручку. Маркиз-Убоище вышагивал гордо, он вел ведьму с таким достоинством, как полагалось бы вести королеву Марию-Антуанетту по паркетам Версаля. И улыбался, мерзавец, самым победным образом. Лилиана же нежно склоняла головку к его широкому плечу, всем видом показывая, что идет со своим мужчиной.

Изумляться времени не было. Ну, скорость, ну, решительная атака… ну, взаимопонимание…

Увидев парочку, отец Амвросий мигом вспомнил про идейные разногласия.

– Держи, – прошептал он Сереже, пытаясь вручить агрегат. – Я с этой… с этой!… Под одной крышей находиться не желаю!

– Ты Майке помочь хочешь? – шепотом же спросил Сережа. – Ну так и терпи! У нее не черная магия, у нее – приемы психологического манипулирования, понял?

– Магия, и богопротивная притом, – красавец-батюшка продолжал свои маневры. Поняв, что Сережа не раскрывает для пылесоса богатырских объятий, он приподнял мощную руку атлета и засунул агрегат ему под мышку.

– Она что-то такое вычитала про камни и заклинания. Пусть расскажет, где взяла информацию, а потом мы и сами справимся, – Сережа пустился на хитрости. – Она даже не ведьма, она просто самозванка. Делать ей нечего, вот магические книги и читает… А если ты сейчас уйдешь, то никогда не увидишь, как эта штука действует. Единственный в городе большой кусок сердолика с белыми прожилками – у Наследника. И покупать его я без Майки не буду.

– Ты бес-искуситель, – проворчал отец Амвросий. И прекратил возню с аппаратом доктора Бадигиной.

Когда входили в квартиру Наследника, обнаружилось, что на плече у Маркиза-Убоища висит большая пузатая сумка. Сережа успел позвонить ему и предупредить насчет завтрака с коньяком, но даже на пять персон там было что-то многовато, и неизвестно – за счет еды или за счет бутылок.

Пропустив в комнату хозяина дома и отца Амвросия с пылесосом, Лилиана задержала Сережу и Маркиза-Убоище в коридоре.

– Не нравится мне, что этот батюшка пришел. Он мне сильно мешает, – сказала ведьма. – У него биополе неподходящее.

– Он не будет мешать биополем, – пообещал Сережа, смутно представляя, как это вообще возможно.

– Я бы охотно обошлась без него, – напрямую сказала Лилиана. – Он мне очень не нравится. Никогда не доверяла мужчинам, которые пренебрегают женщинами. Вот увидите, он будет мешать. А у меня – заклинание. И я должна его опробовать в благоприятной обстановке.

– У вас – заклинание, а у него – схема расположения камней, которую надо проверить по фотографии, – сказал Сережа. – Может быть, именно он нашел ключ ко всей этой истории. И мы же договаривались прийти сюда все вместе.

– Что-то я не помню такого уговора, – заявила ведьма с наглостью красивой женщины, которой позволено все и даже более.

– Ли-леч-ка!… – произнес Маркиз-Убоище, вложив в имя

непонятный Сереже смысл.

– Ле-неч-ка! – отвечала ведьма, глядя на него не то чтобы сексуально, а скорее по-вампирски, как бы намечая на шее жертвы особо лакомое местечко.

Сережа решил, что нельзя оставлять их в коридоре вдвоем – Маркиз-Убоище шел в гости к Наследнику с явной неохотой, предвидя упреки, Лилиана тоже что-то взбунтовалась, они могли быстренько сговориться и удрать – чтобы продолжить так успешно начатое близкое знакомство.

Слов убеждения для подобных случаев он не имел. И потому перегородил собой коридор с таким видом, будто он – баррикада, и примерно с тем же выражением на лице. Сделать это было нетрудно – столько всякой дряни стояло вдоль обеих стен и висело чуток повыше.

Маркиз-Убоище, в котором от нежного голоска ведьмы взыграло ретивое, шагнул было к атлету – и увидел кулак.

Ничего был кулачок, размером этак с чайник. Сережа даже не размахивал им – просто предъявил. И тут же вспомнил филармонический артист о побоище перед дверью Данкиной квартиры.

Теперь, в отличие от того инцидента, Сережа знал его ахиллесову пяту. Это было правое ухо – потому Сереже и изготовил к бою левый кулак.

– Лилечка… – разведя выразительными руками, молвил филармонический артист.

– Ленечка! – строго сказала ведьма.

Не любил Сережа, ох как не любил этих невразумительных для постороннего человека диалогов. Будь его воля – запретил бы их законодательным порядком. Еще в бытность женатым человеком несколько раз отвечал он Майке на исполненные таинственного смысла обычные словечки не менее загадочно, а потом оказывалось, что все – наоборот.

– Пошли, что ли, – сказал атлет. – Мы же сюда за делом.

И, не хуже вышколенного швейцара, препроводил озадаченную его хмуростью парочку в комнату, где Наследник и отец Амвросий уже вовсю требушили доисторический пылесос.

Большой кусок розовато-оранжевого сердолика с необходимыми белыми прожилками лежал среди винтов и шайбочек.

– Ну, допустим, он поместится между этими решеточками, – говорил Наследник, – допустим, его будет обтекать струя горячего воздуха… И это – все, что требуется? Когда мне объясняла Маечка, все выглядело куда сложнее!

– Привет, – сказал Маркиз-Убоище, как бы небрежно и

властно, однако от двери не удаляясь.

Наследник поднял лысую голову.

– Ах, это ты? – спросил он. – Давай, заходи, будь как дома. Кого ты еще привел? И они пусть будут как дома! Пусть берут все, что им угодно! Пусть не стесняются!

– Он меня привел, – с тем Сережа, пропустив Лилиану, вошел в захламленную комнату. – Он раскаялся и больше не будет.

Когда такие слова говорит человек весом за центнер, с плечами, для которых узка дверь старинного дома, то стоит прислушаться.

– Мы напали на след грабителей, – продолжал Сережа. – Но милицию привлекать не только бесполезно, а даже вредно. Там люди богатые, у них все, что надо, прикормлено и куплено. Мы хотим понять, зачем им понадобилась шкатулка с камнями и что это вообще за камни такие?

Он посмотрел на отца Амвросия, как бы передавая ему инициативу, но красавец-батюшка чуть ли не ввинтился головой в корпус пылесоса, монтируя там решетки с заключенным промеж них целебным сердоликом.

На помощь пришла Лилиана.

– Это я настояла на том, чтобы мы все вместе вас навестили, – сказала она голосом, от которого тают гранитные стены. И улыбнулась именно так, как нужно, чтобы адресат улыбки вскочил со стула, предлагая срывающимся голосом все сразу – присесть, кофе, коньяк, закусить, музыку, руку и сердце.

Сережа в очередной раз подивился этому, а потом сообразил: ну да, Наследник – тощий и нескладный, ему как раз должны нравиться необъятные женщины.

Хитрая ведьма принялась всячески отвлекать хозяина дома от особы Маркиза-Убоища, причем не только языком действовала, но и руками. Как-то незаметно расчистила она пространство на столике, дала филармоническому артисту знак – и принялась доставать из подставленной сумки всякие странные вещи.

Она сдернула окаменевшую от пролитого на нее за десять лет кофе бессменную салфетку, сунула ее за кресло, а стол накрыла белым ковриком с каймой из знаков зодиака. Далее явились из сумки два больших подсвечника, каждый – всего на одну свечу, но свечу толстую, витую, художественную. Потом оттуда же была добыта большая хрустальная салатница, за ней – пластмассовая бутыль с прозрачной жидкостью, очевидно, водой, и еще какие-то мисочки, тряпочки, подставочки и фунтики.

Лилиана споро и со знанием дела сооружала походный магический алтарь.

Наконец она извлекла сушеный букет неведомой травы.

– Если не возражаете, я окурю помещение.

Тут лишь Сережа ужаснулся окончательно.

Занятый агрегатом, отец Амвросий не обращал внимания на затеи ведьмы, но в тот миг, когда он унюхает дым и поймет, что запахло черной магией, он поднимется, проклянет всех присутствующих и отбудет!

Но красавец-батюшка, собрав конструкцию и включив в сеть, почему-то взял ее наизготовку, нацелил в угол и нажал нужный тумблер.

Пылесос затрясся и завыл, словно собираясь взлететь.

Судя по всему, народный умелец в придачу к прочим впечатляющим ненужностям, вмонтировал в корпус мощный вентилятор от старого компьютера «Искра».

Отец Амвросий с воющим агрегатом в руках замер в позе покорителя далеких планет, атакующего летающую тарелку врага.

Тут только Сережа сообразил, что ему все это время напоминал древний пылесос в цилиндрическом корпусе из псевдокожи с никелированными ободками и прочими деталями. Он был безумно похож на примерещившийся бластер.

– Господи Иисусе, спаси и сохрани! – воскликнул красавец-батюшка в неподдельном ужасе. – И вот этой штукой вы собираетесь кого-то лечить? Да от нее заикаться начнешь!

Сережа подошел и сдвинул тумблер. Бешеный пылесос умолк и перестал вибрировать.

– Это Виктор Иваныч резвится, – объяснил он. – Ну, я ему порезвлюсь…

И бывший электронщик был прав. Народный умелец запихал вентилятор в корпус из чистого баловства.

Лилиана же, как будто и не было страшного воя, попросила у Наследника огонька. Тот поднес к букету зажигалку – и она отправилась по периметру комнаты, размахивая тлеющими ветками, бормоча и свободной рукой то ли бесов отгоняя, а то ли энергию из космоса загребая. Поскольку Майка интересовалась и тем, и другим, Сережа знал эти жесты, но уж больно они были похожи.

Наследник наблюдал за ведьмой с явно выраженной тревогой.

– А мы тут все от этого не уснем? – спросил он.

Тут лишь Сереже показалось подозрительным желание Лилианы попасть в гости к Наследнику. Уверовав в мистику, он еще не верил, что именно эта конкретная ведьма способна на что-то серьезное. И обещание заклясть камень вполне могло быть предлогом…

Отец Амвросий принюхался.

– Я же предупреждал, – проворчал он, кладя пылесос на стопку книг, так что черный резиновый раструб оказался вровень с магическим алтарем и даже глядел прямо на хрустальную салатницу. – Ну что же, поговорим о камнях. Нельзя ли попросить ту фотографию? Со шкатулкой…

Наследник предъявил снимок.

– Ага, ага! – забормотали, склонившись над ним, Сережа с отцом Амвросием. – Три на четыре – двенадцать! Красненький, желтенький, зелененький…

Отец Амвросий торопливо распахнул кейс и достал бумажки с цитатами.

– … и вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд – это один ряд; второй ряд: карбункул, сапфир и алмаз… – с трепетом произнес он. – Красненький – рубин, желтенький, наверно, топаз, а изумруд уж точно зеленый!

– Исход, глава двадцать восьмая, – сразу догадался Наследник. – Библия вон там, рядом с Кораном. Именно с ней я и сверялся. Но вы учтите, что древние иудеи могли принять гранат за рубин – во всяком случае, в «1001 ночи» арабы этим грешили. И я полагаю, что карбункул в данном случае – большой и качественный гранат. Даже пироп. Это самый ценный вид граната.

Слушая эту минералогическую лекцию краем уха, Сережа снял с полки тяжелую книгу, а отец Амвросий открыл ее на нужном месте.

– Второй ряд – красненький, синенький, прозрачный… У вас что – действительно был такой здоровенный алмаз? – отец Амвросий ткнул пальцем в фотоснимок.

Под пальцем был серовато-прозрачный кубик со сглаженными, как бы стесанными краями, настоящий кристалл алмаза в своем природном виде. Единственный из всех камней он был не отшлифован, прочие же отсвечивали сферическими поверхностями, причем одни кабошоны в основании имели круг, а другие – овал.

– Был, – сердито и вместе с тем язвительно отвечал Наследник. – Ну, третий ряд?

Маркиз-Убоище, пользуясь тем, что Лилиана занята алтарем, а прочие – камнями, достал из сумки обещанный коньяк и пошел на кухню мыть хрустальные стакашки.

– Яхонт, агат и аметист, – отвечал отец Амвросий.

– Ес-тест-вен-но, для вас все, что в писании, – непререкаемая истина! – вдруг воскликнул Наследник. – Яхонт!… А между прочим, вот этот, первый во втором ряду, – не карбункул! Видите,

он с лиловатым оттенком. Это рубин, и не очень-то качественный. И там, где по вашей схеме должен быть яхонт, у меня совершенно другой камень.

– Позвольте, позвольте! – возразил отец Амвросий. – Мы ведь имеем дело с переводом Библии со старославянского. Когда-то этот камень назывался яхонтом, а потом переводчики сохранили красивое слово… Я в одной книге посмотрел – так там вообще утверждается, будто гиацинт…

– Гиацинт? – переспросил Наследник. – Конечно, розовые гиацинты бывают, и даже красные, но я впервые слышу, чтобы гиацинт называли яхонтом. По материалам шестнадцатого и семнадцатого века такого, во всяком случае, не наблюдается.

– Яхонт – это изумруд, – авторитетно заявила Лилиана.

– Если яхонт червленый или червчатый – так это рубин, – возразил Наследник, – а если яхонт лазоревый – так это сапфир. Но с рубином тогда тоже было темное дело. Всякий красный камень автоматически зачисляли в рубины. Даже карнеол, не говоря уж о гранате.

– Рубил – это лал, – не сдавалась ведьма.

– Да, в шестнадцатом веке лал считали рубином, – терпеливо поправил Наследник. – А недавно, лет полтораста назад, обнаружилось, что имеется еще такой камушек – благородная шпинель. Так это и есть бадахшанский лал.

– По-моему, тут та же проблема, что и всюду, – вмешался Сережа. – Или люди называют одинаковые вещи разными именами, или называют разные вещи одинаковыми именами. Конечно, любопытно знать, как красные камушки назывались при царе Горохе, но ведь это роли не играет и нам не поможет. Даже если я буду знать, как тогда называли…

Он задумался, но ни одно каменное название в голову, как на грех, не лезло.

– Аметист, – подсказал отец Амвросий.

– А аметист в шестнадцатом веке назывался «вареник», – с непонятным ехидством отвечал Наследник. И сам же первый рассмеялся.

А-ме-тист!…

Слово Сереже было известно – оно поминалось и в списке камней, украшавших наперсник первосвященника, и в списке драгоценных оснований города в Апокалипсисе. Но как бы не имело плоти. А сейчас Сережа увидел выделенный костлявым перстом Наследника лиловатый камень с белыми прожилками, третий в третьем ряду.

А когда слово обретает плоть, пусть даже каменную, происходят удивительные вещи.

– Нельзя ли сейчас собрать из того, что у вас осталось в коллекциях, такую же схему? – спросил отец Амвросий.

Наследник потянулся за приготовленной заранее коробкой – и увидел выставленные на краешке походного алтаря стакашки с коньяком, пять штук, по числу присутствующих. Ес-тест-вен-но, он сразу цапнул тот, что к нему поближе.

– Ну, за успех нашего безнадежного дела!

Сережа с отцом Амвросием переглянулись – одному не то чтоб запрещал, а не советовал пить спортивный режим, другому – религиозный. Однако оба взяли стакашки и пригубили. Маркиз-Убоище для смелости выпил все, Наследник – равным образом. Лилиана отведала коньяка и высказалась в том смысле, что он по органолептическим качествам приближается к знаменитому «Ахтамару». Сережу заинтересовало незнакомое словцо. Атлет покосился на отца Амвросия – и красавец-батюшка, поняв, шепнул ему на ухо, вложив в ответ все презренье, допустимое для лица его профессии:

– Кло-по-мор…

Вслед за чем он демонстративно вернулся к аппарату доктора Бадигиной.

– Ну, давайте пробовать ваше заклинание, – сказал ведьме Сережа. – Какой камушек возьмем?

Сделал он это с умыслом – чтобы заставить наследника повытаскивать наконец подходящие камни.

– Это должен быть один из двенадцати, – потребовал отец Амвросий. – Попробуем воссоздать шкатулку хоть в какой-то мере. Лично я уже не сомневаюсь, что расположение камней копировало наперсник первосвященника. Хотелось бы еще понять, какой в этом смысл.

– Если отвлечься от путаницы с названиями… – проворчал Наследник и выволок из-под большого художественного альбома плоскую застекленную коробку. – Тут у меня кое-что есть…

Первым он достал камень красивый, но какой-то подозрительный, весь усыпанный искорками, а в основе своей – красновато-коричневый.

– Это – не то, – сказал он. – Это – авантюрин.

– Хорошее название, – одобрил Сережа. – Как раз для нас…

Потом на алтарь лег удивительной красоты пятнистый камушек. По серому фону были точно акварелью нарисованы красноватые овалы с желтенькой каймой, и что-то зеленое в них тоже просвечивало.

– Яшма. Она в списке есть, – и Наследник вынул светло-серый камушек с черными полосками. Когда Сережа принял его из костлявых пальцев, оказалось, что с края камня – светлая клякса,

окруженная концентрическими кругами, и не кругами даже, поскольку они повторяли ее причудливую форму, а замкнутыми линиями разной толщины.

– Агат, – и Наследник полез за следующим камнем.

– Агат должен быть черным, – возразила Лилиана и продекламировала возвышенно: – «О, – воскликнул витязь, – солнце, чьи ресницы из агата!»

– В средние века его умели так варить в меду, что он делался черным, – объяснил Наследник. – Янтарь тоже варили, но он от этого краснел. Древние римляне такой янтарь ценили выше золота.

– Кулинары, блин, – неожиданно прокомментировал Маркиз-Убоище. Пока все были заняты камнями, он, ес-тест-вен-но, занялся коньяком.

Наследник выложил на алтарь несколько камней, пытаясь соблюсти их положение в пропавшей шкатулке. Недоставало алмаза, рубина, сапфира, изумруда – самых дорогих.

– Может быть, проделаем это с яшмой? – спросила Лилиана.

– Последняя в списке наперсника и первая в списке Апокалипсиса, – напомнил отец Амвросий. – Что-то в этом совпадении есть…

Тут же он вспомнил, что не положено батюшкам с ведьмами общаться, и ухватился за пылесос.

Лилиана взяла камень, огладила его кончиками пальцев и согрела в ладонях.

– У меня с ним есть контакт, – сообщила она.

– Тихо, – Сережа сказал это так внушительно, что и Маркиз-Убоище, занятый бутылкой коньяка, и Наследник с коробкой, и отец Амвросий с пылесосным корпусом, и даже сама Лилиана несколько съежились. – Процесс начинается.

Общее молчание длилось, пока Лилиана не положила яшму на алтарь.

– А кто будет туда входить? – тихо спросила она, обводя взглядом всех присутствующих.

Сережа окаменел.

Он считал себя единственным мужчиной в этой компании – стало быть, первая попытка принадлежала ему. Разумеется, он сомневался в силе самодельного заклинания, – но что, если оно возьмет да и сработает? От этих камней всего можно ожидать…

Маркиз-Убоище замер с бутылкой в руке. Тонкое, благородной лепки лицо изобразило решимость и отвагу – именно такие, какими они должны выглядеть на сцене. Филармонический артист не хотел показаться трусом своей ведьмочке, но и охоты экспериментировать у него тоже не было.

Отец же Амвросий развалился в продавленном кресле, придерживая изящной бледной рукой аппарат доктора Бадигиной и с большим интересом озирая присутствующих.

– Вот этого я и ожидал, – весело признался красавец-батюшка. – Ну-ну, посмотрим, посмотрим…

Лилиана метнула в него огненный взор такого качества, против которого нужно выходить даже не с огнетушителем, а с брандспойтом.

– Есть в этом помещении хоть один мужчина? – звонко спросила она, глядя при этом на Маркиза-Убоище.

Вопрос был тот самый, которого подспудно требовал Сережа. Вот только отвечать «да» ему совершенно не хотелось.

– Лилечка… – Маркиз-Убоище лихорадочно искал формулировку, позволяющую и мужчиной остаться, и от мистического эксперимента отвертеться. – Лилечка, но я же пьян в сосиску!… Камень меня просто не впустит!

В подтверждение тезиса филармонический артист приник к коньячному горлышку и совершил удивительного объема глоток. Сережа мог бы поклясться, что сквозь горлышко серебристо-серого свитера видел, как ушел во внутренности артиста шар размером с хорошее яблоко.

– Возможно, – сказала Лилиана голосом, предвещающим бурю. – И не только камень…

– А, собственно, почему? – осведомился Наследник, забирая у Маркиза-Убоища бутылку и готовясь к такому же мощному глотку. – Возможно, это даже поможет!

Он отхлебнул коньяка, фыркнул на лошадиный манер и продолжал объяснение.

– Вот бывает же, что пьяный падает из окна. Трезвый шею сломает, а пьяный синяка не набьет! Потому что он рас-слаб-лен! Давай-ка я попробую…

– А вы не слишком ли расслаблены? – спросил Сережа.

– В самый раз. Лилечка, что там нужно сделать? Я готов!

– Ну-ну… – раздалось из кресла.

Сережа осознал, что сейчас разворачивается незримый миру поединок между отцом Амвросием и Лилианой.

Ведьма чуть не зашипела от злости.

– Садитесь вот сюда, – она приставила к походному алтарю табуретку. – И сосредоточьтесь на своих ощущениях.

Затем Лилиана приступила к магическим действиям.

Она зажгла правую свечку правой рукой, а левую – левой. Налила в салатницу воды из бутылки. Поставила сбоку мисочку и насыпала в нее крупной соли – не иначе, от того самого монолита, который совсем недавно грыз Сережа.

Взяв в обе руки кусок яшмы, Лилиана поднесла его к самым губам и забормотала невнятно.

Сережа покосился на отца Амвросия – и оказалось, что тот тоже беззвучно бормочет.

Поединок продолжался.

Нашептав на яшму, Лилиана положила ее в салатницу, встала за спиной у Наследника и над его сутулыми плечами простерла руки над камнем.

– Лягу, благословясь, встану, перекрестясь, – звучно произнесла она. – Выйду из дверей в двери, из ворот в ворота, погляжу в чистое поле – едет из чистого поля святой Егорий на белом коне, везет на плече вострую саблю, сечет и рубит он по серому камню, не течет кровь из того серого камня! Святой Егорий, пробей своей святой саблей серый камень!

Но с яшмой в салатнице ничего не сделалось.

– Сталь ты крепкая, не затупись, Богородица, заступись! Сила сабле покорись, серый камень, отворись!

Казалось, что на такой решительный призыв и святой Егорий давно откликнулся, и камень непременно должен отозваться. Однако ж лежал он себе в хрустальной салатнице, не шелохнувшись.

– Господи, спаси и сохрани нас, грешных, – негромко произнес отец Амвросий.

Обескураженная Лилиана вытащила камень из воды.

– А это настоящая яшма? – с огромным недоверием спросила она.

– Настоящая, – отвечал Наследник. – У меня все тут настоящее, и агаты, и ониксы, и авантюрины…

– Авантюрина в списке нет, – заметил Сережа.

– Наверно, в Палестине его не знали, – Наследник взял красивый камень двумя пальцами, полюбовался и неожиданно положил в салатницу. – И в Европе тоже. Думаете, почему его назвали авантюрином? В самом начале восемнадцатого века в Италии случайно изготовили удивительное стекло – в него по недосмотру попали медные опилки. Вот оно и есть настоящий авантюрин! А потом из Индии привезли камень, похожий на то стекло – мутный кварц с чешуйками слюды или жильберита. Это был темно-зеленый авантюрин, а если включения содержат гетит – то он вот такой, красноватый… Но сперва его называли индийским жадом…

Наследник задумался, шевеля мокрый камень длинным пальцем.

– Хороший камушек, что-то в нем такое есть… – произнес он. – Приятный…

Тут Маркиз-Убоище вдруг вспомнил, что Лилиане буквально пять минут назад требовался мужчина.

Филармонический артист подошел к ней и обнял.

– Ничего, успокойся, все на свете ерунда, – говорило это объятие. – Не вышло в этот раз – выйдет в другой.

Ведьма сбросила с плеча артистическую руку!

Темно-каштановые волосы на голове у нее зашевелились и обрели привычную для Лилианы форму кубометра.

Она ухватила Наследника за плечи с такой силой и решимостью, что он едва не ткнулся носом в салатницу.

И тут Сережа понял, что ведьмы прощают алкоголизм, но не прощают сочувствия.

– Ароам, Арогул, Арогам, Исайя! – призвала Лилиана так яростно, что отец Амвросий попытался вскочить из кресла. Несомненно, это были имена духов, начиналась пресловутая черная магия, и потерпеть это безобразие красавец-батюшка не мог.

Он бы вскочил и сделал что-нибудь, положенное ему по чину, да только продавленное кресло не пускало. Ища опоры, отец Амвросий ухватился за лежащий на стопке книг пылесос и сдвинул тумблер.

Агрегат затрепетал и завыл, струя радиоактивного воздуха ударила в руку Наследника, нависшую над салатницей.

– Кровь красная, земля черная, вода цвета не имеет! – Лилиана пятерней треснула сверху по руке Наследника, так что обе руки вместе шлепнулись в салатницу. – Так и ты, камень, не имей своей воли на этот час! Отворись!

Ровный гул прилетел издалека. Алтарь задрожал примерно так же, как пылесос под рукой отца Амвросия. Рыжеватое сияние встало над салатницей и расширилось, образовав подвешенный в воздухе плоский игольчатый круг. Лилиана, не соображая, что творит, надавила на руку Наследника – и обе руки погрузились в посудину по локоть.

Этого быть никак не могло!

Еще не понимая происходящего, но уже охваченная ужасом, Лилиана отскочила, тряся мокрыми пальцами. Наследник же сунул в испускающую рыжее сияние салатницу и другую руку. А затем, прижав подбородок, чтобы не мешал, – и голову.

То, что было под алтарем, затягивало его, сперва неторопливо, затем – быстрее. На прощание Наследник брыкнул ногами – и старые клетчатые шлепанцы взвились под самый потолок.

Сережа протянул к пяткам Наследника руки уже тогда, когда хватать было нечего. И тут же на гул, заполнивший всю его

атлетическую голову, наложилось нечто острейшее, наипронзительнейшее, от чего эта голова изнутри пошла трещинами.

Но не граната взорвалась у Сережи в голове – это всего лишь визжала потрясенная ведьма.

Ошеломленный атлет повернулся к ней – и увидел такую апокалиптическую картину.

Отшатнувшись от алтаря и вопя, что есть мочи, Лилиана поскользнулась, не удержалась – и рухнула в кресло, прямо на колени к отцу Амвросию. Не соображая, кто под ней, она ухватилась за красавца-батюшку, как утопающему положено хвататься за соломинку, и с тем же успехом – ничего не изменилось, галлюцинация не прекратилась, Наследник на табурете не обнаружился.

Но все на свете имеет свой конец – постоянный или временный. Кончился и воздух в легких у ведьмы. Она замолчала.

И в неожиданно блаженной тишине раздался удивленный голос Маркиза-Убоища:

– Во, блин!

Филармонический артист, которому под коньяк и магия была нипочем, подошел к алтарю и сунул руку в салатницу. Достав из воды авантюрин, он оглядел камень со всех сторон, понюхал и попробовал на зуб.

Тут опять что-то изменилось в комнате. Сережа завертел головой – не начинаются ли новые ужасные события. Но это всего лишь перестал тихо выть агрегат доктора Бадигиной.

– Этого не может быть, – произнес отец Амвросий, спихивая с колен Лилиану. – Это померещилось… попущением Божьим… сгинь, рассыпься… это против второго закона термодинамики… Да отпусти ты мою руку!…

Высвободив десницу, за которую цеплялась ведьма, бывший энергетик торопливо перекрестился.

Вспомнив, очевидно, что и она – не какой-нибудь нехристь, перекрестилась и Лилиана.

– Это было? – в отчаянии спросила она. – Или мне показалось?

В голове у Сережи проснулось воспоминание.

– Говорят, у каких-то камней бывает такая радиация, что лишает памяти, – сказал он. – Наверно, мы просто не помним, что было в последние пять минут… А он вышел на кухню сварить кофе…

Тут взгляд атлета упал на магический алтарь.

Один из взлетевших клетчатых шлепанцев приземлился аккурат между подсвечниками и лежал там, исполненный

неведомого, но страшного смысла.

Мистика, господа! Самая что ни на есть! Реалистические гипотезы провалились с треском! Обещанное – свершилось!

Но, ес-тест-вен-но, это лишь начало потусторонних похождений.

Так что поосторожней с теми камушками, что продаются по бросовой цене и называются «индийской бижутерией». Заглядишься в такой вот камушек – и начнется, и начнется… И выглянет из камушка…

А кто выглянет-то!…

Но для того, чтобы приобрести необходимый камень, Сереже еще созреть надо. Ничего, ничего, недолго уж осталось…

Глава десятая, экспериментальная

– Могут ли так уплотниться молекулы человеческого тела, чтобы въехать в камень? – спросил бывший энергетик. – И что для этого требуется?

– Если смотреть с молекулярной или атомной точки зрения, то человек есть ходячее облако из элементарных частиц, – отвечал бывший электронщик. – Но если их сбить в ком – возможно, ком будет крупнее этого чертова авантюрина…

– Не поминай нечистую силу всуе, – одернул одноклассника отец Амвросий. – Все это очень похоже на ее пакости. Что там выкликала твоя ведьма? Она же демонов призывала, не иначе.

– По-твоему, Данка тоже призывала демонов, когда исчезла? – спросил Сережа. – Да она и слов-то таких не знает!

– А Майка?

Вот как раз за бывшую супругу Сережа поручиться и не мог. Майкина голова вечно была набита всякой псевдонаучной и псевдомистической ахинеей.

Одноклассники сидели в столовой священничьего дома и заедали теории неизменным грибным супом.

– Вот десять лет назад я бы этот камушек отправил на анализ куда следует, – размечтался отец Амвросий. – Ведь состав авантюрина известен – это минерал группы полевых шпатов и кварца, а блестки в нем – либо оксиды и гидрооксиды железа, либо слюда, либо самородная медь…

– Где ты химии нахватался? – удивился Сережа.

И отец Амвросий предъявил открытую на нужной странице книгу про камни, позаимствованную в тот бурный вечер из библиотеки сгинувшего Наследника.

– Так вот, – продолжал красавец-батюшка, – в доброе старое время, когда в этой стране еще финансировали науку, мы бы нашли возможность сделать анализ камушка на высшем уровне! И если молекулы Наследника туда проникли – их бы нам сосчитали и пронумеровали!

Сережа покачал головой. И издал совершенно атлетический вздох.

– Наследник сам пытался докопаться до тайны камней, – сказал он. – Нужно перешерстить все его имущество – может, записи сохранились, закладки в книгах… Не бывает так, чтобы дорога – в один конец. Должен быть способ выйти из камня.

– Этот твой алкоголик роется сейчас в средневековой восточной литературе, – сообщил отец Амвросий. – Ищет сказку про царевну-из-сапфира. И в 1001 ночи тоже, говорит, есть какие-

то намеки. Я снова главы из Исхода перечитал – оказывается, на камнях еще что-то написано было. Может, это играет роль? У арабов на сердоликовых талисманах обязательно цитату из Корана писали…

– Писали? Чем? – усомнился бывший электронщик.

Но бывший энергетик хорошо похозяйничал в библиотеке Наследника. Он достал еще одну книгу, открыл заложенное газетным клочком место и прочитал:

– Раствор поташа смешивался с нашатырем, этой жидкостью наносили тексты-заклинания на сердолик и нагревали его. Написанное в виде эмалевидных белых знаков четко пропечатывалось на камне. Таким образом избегали дорогостоящих граверных работ…

Отец Амвросий задумался.

– Слушай! – воскликнул он. – Эврика! Нужно начертать на этом проклятом авантюрине честной крест! Может, тогда он отпустит Наследника!

– Не надо, – возразил Сережа. – Все эти выкрутасы на порядок старше христианства. Может, у тех, кто заварил эту каменную кашу, крест обозначал что-то этакое… для нас неподходящее…

– А любопытно – кто бы мог ее заварить…

И бывшие технари задумались.

Сказать, что они были не сильны в истории, значило польстить обоим. Отец Амвросий хоть набрался знаний в духовной семинарии, но для него главным источником сведений была Библия и комментарии к ней. Сережа и того не имел.

Каменные же затеи начались, надо полагать, еще в допотопные времена.

Доев суп, Сережа взял минералогическую книгу и принялся ее листать, останавливаясь на самом занятном.

– Галит… – вдруг произнес он. – Соль! Надо же, как она по-научному называется…

И вдруг замер.

Идея, зародившись в мозгу атлета, стремительно обретала очертания и даже замаячило на горизонте практическое применение.

– Растворимый кристалл! – воскликнул Сережа.

Отец Амвросий уставился на него с тревогой.

– Растворимый кристалл! – и атлет принялся трясти за плечи красавца-батюшку, как в годы золотой юности. – Не понял? Десантный кристалл!

– Господи, спаси и сохрани раба Божия Сергия! – отвечал на это отец Амвросий. – Ибо разумом скорбен и… и…

– Десантный кристалл! – возглашал между тем Сережа. – Вот

как мы добудем шкатулку!

Он стал копаться в бумагах на столе священника.

– Ну, вот же он! Смотри – вот особняк, вот ограда, а вот – бассейн!

Отец Амвросий вытянул шею и увидел план виллы Николая Юрьевича, откуда он вынес пулю от пневматического пистолета.

– Ну, бассейн?

– Он же почти у ограды, – несколько успокоившись, стал вразумлять одноклассника Сережа. – Если заклинание этой ведьмы таки действует, я могу войти в кристалл, потом этот кристалл будет переброшен через ограду в бассейн, растворится – и мне не останется ничего другого, как принять прежний образ облака из элементарных частиц и вылезть на поверхность. Остальное – дело техники!

– Погоди, погоди! – отец Амвросий тоже загорелся идеей. – Ведь в кристалл можно войти с оружием! Взяла же Данка с собой пистолет! Ты проникнешь ночью на территорию особняка, войдешь, возьмешь шкатулку…

При этом красавец-батюшка взволнованно черкал план, изображая тонким красным фломастером Сережин маршрут. Вдруг фломастер застыл в воздухе.

– А как ты оттуда выйдешь?…

– Я же говорю – кристалл растворится…

Сообразив, что имел в виду отец Амвросий, Сережа замолчал. И молчал довольно долго.

– Сделаем так, – сказал он решительно. – Я возьму с собой все оружие, какое только удастся купить, и побольше гранат. Ты на машине будешь ждать меня поблизости. Скорее всего, этот дом – на сигнализации. Я подниму переполох и со шкатулкой пробьюсь во двор.

Стремительно разработанный план свидетельствовал о том, как вредно атлетам смотреть заграничные боевики.

– А как ты сиганешь через колючую проволоку? – осведомился бывший энергетик. – В виде молекулярного облака?

– Пока я буду разносить особняк гранатами, ты с обычной удочкой подойдешь к ограде и перекинешь леску с крючком на ту сторону, – подумав, распорядился Сережа. – Им там будет не до того, чтобы еще за каменным забором присматривать. На крючке будет что-нибудь вроде авоськи. Я суну туда шкатулку…

– … и залезешь сам…

– Без Лилианы не обойтись, – вдруг заявил Сережа. – Понадобится еще один кристалл – чтобы я ушел в него. И тогда ты просто-напросто вытащишь нас всех удочкой. И – ходу!

– Хватит с меня черной магии! – вдруг заорал отец

Амвросий. – В грех я из-за вас впал! Теперь не замолю! Вот наложат на меня из-за этой ведьмы епитимью!…

– Кто наложит?

– Владыка!

– А откуда он узнает?

– А исповедь?!.

– Исповедь? – Сережа знал, что бывший энергетик уверовал, но не до такой же степени, чтобы ради благого дела не соврать… – Но тебя же за сумасшедшего примут.

– За бесноватого, – поправил отец Амвросий. – И за одержимого. Чего доброго, в обитель к старцам отправят, на покаяние, и чтобы они меня там отчитывали… пока из меня нечистая сила не выйдет…

Он пригорюнился.

– Ну, так что же ты решил? – спросил Сережа.

– Не надо было тебе с этой ведьмой связываться, – отвечал отец Амвросий. Другого ответа на свой вопрос атлет не дождался. Ну что же…

– Так, – сказал Сережа. – Ладно. Я твои убеждения уважаю. Но мне нужно Майку вытаскивать. Значит, без Лилианы я обойтись не могу. Извини, что напрасно потревожил.

– Да чего уж там… – буркнул отец Амвросий.

Сережа пошел на кухню, молча вымыл за собой тарелку, поставил ее на полку, хотел было вернуться, чтобы попрощаться с одноклассником – но махнул рукой и вышел из священничьего дома.

Когда он добрался до тренажерного зала, качки уже торчали на пороге. Сережа впустил их, напомнил, что пора платить за следующий месяц, и забрался в тренерскую.

Со стен на него смотрели великолепные атлеты с такими мощными мышцами, что, соберись они все вместе – особняк Николая Юрьевича по камушку бы раскидали.

Но знал, увы, Сережа, что будет на самом деле, если всю эту публику собрать в одном помещении. Атлеты начнут вспоминать былые чемпионаты и разругаются в пух и прах, вспоминая, кого и как засудили, кого незаслуженно вывели в финал, и кто занял почетное пятое место в своей весовой категории, потому что и всего-то участников набралось пять рыл… А драться не станут, нет! Чего им личики-то портить? Даже на уровне города многопудовые мужички плели вокруг соревнований бешеные интриги, а что же на уровне Европы деется?!?

Так что надежда была лишь на себя самого.

Сережа еще раз методически продумал ту идею, которую сгоряча выложил отцу Амвросию по мере ее поступления в

разгоряченную минералогией голову. Ничего противоестественного в идее не было – при условии, что Лилиана сумеет заклясть два кристалла поочередно. Тут Сережа сообразил, что не только десантный кристалл, но и возвратный кристалл должен быть растворимым…

Им с отцом Амвросием в свое время повезло с преподавательницей физики и не повезло с преподавательницей химии. Поэтому Сережа не знал ничего подходящего, кроме галита.

Он снял трубку и набрал номер ведьмы.

Откликнулся, как и следовало ожидать, Маркиз-Убоище.

– Как она там? – спросил Сережа.

– Как-как! В церковь бегала, святой воды и свечек принесла, теперь вон очищается… – проворчал филармонический артист. – Перепугалась же до полусмерти. А ты?

– Не до полусмерти, – тем же тоном отвечал атлет. – Слушай, встретиться надо.

– Не надо, – сказал Маркиз-Убоище. – Мы ничего сделать не можем.

– Но ведь ей же удалось раскрыть камень! Погоди, не клади трубку, у меня идея!

– Вон и у Наследника идеи были… – похоронным голосом напомнил филармонический артист. – А где он теперь? Все, с меня мистики хватит! А что еще будет, когда обнаружится, что Наследник исчез? Ведь я же последний его видел!

– Ты? – Сережа хотел было напомнить артисту обстоятельства, но тот перебил.

– Меня соседи знают! – заорал он. – И еще то ограбление! Все одно к одному! Сперва я грабителей привел, потом он вообще исчез!…

Сережа бросил трубку первым.

Положение было безвыходным.

Из совещаний с отцом Амвросием вытекало, что судьба шкатулки непредсказуема. С одной стороны, могла быть какая-то связь между давними покупателями, еще к деду приходившими за шкатулкой, и фирмой на шестнадцатом этаже. С другой стороны – кто их там разберет! С одной стороны – трое грабителей, главарь которых так ловко уболтал Маркиза-Убоище, что он сам привел их к Наследнику, могли быть посланцами фирмы. А с другой – на кой ляд в Большом Бизнесе магические камни? Конкурентов в них, что ли, сажать? Так по нашим временам пристрелить конкурента – не такое уж дорогое удовольствие. И незачем для этого с мистикой связываться…

Был еще и такой вариант – заграничные маги попросили

Николая Юрьевича о содействии. Но в таком случае – почему шкатулка до сих пор у него дома?

А ведь Данка очень хочет оттуда выбраться! Она дважды звала на помощь – по телефону и в тот день, когда отца Амвросия угощали в особняке. Майка же сообщила, что ей безумно хорошо, и сгинула…

Если камень может затащить в себя алкоголика, то почему бы ему не проделать это с женщиной, одурманенной наркотиками?

Думал Сережа, думал, а потом вышел в зал и прямиком, стягивая с себя на ходу футболку, направился к большому зеркалу. Встал, напрягая грудную мышцу, – вроде ничего. Повернулся в профиль, демонстрируя сам себе напряженный бицепс, – тоже неплохо.

– Во, блин!… – услышал он за спиной. Новички восхищались тренером.

А сам тренер повесил голову и побрел обратно в свой закуток.

Только один путь оставила ему судьба, только один!

Сережа не мог осуществить свой план без Лилианы. Ведьма находилась под влиянием временно протрезвевшего Маркиза-Убоища. Филармонический артист, конечно, артистичен… Но, если поставить его рядом с Сережей, он явно проигрывает – и по комплекции, и по рельефу мышц. Да и просто по физической силе, не говоря уж о силовой выносливости.

Ведьма связалась с Маркизом-Убоищем только потому, что он начал активно к ней приставать. И, возможно, потому, что осознавала свою ущербность – не с такими формами соблазнять атлетов… Но если атлет явится к ней с конкретным намерением – она же не станет держаться за Маркиза-Убоище!

Таким образом удастся избавиться от влияния перепуганного артиста и пустить в ход свое собственное влияние.

Приняв это удивительное решение, Сережа как-то не подумал о свечке, тряпке и разбросанном на трех ночных перекрестках горохе. Вспомнил он о навеки утраченном венце безбрачия уже когда подъехал на Майкином «гольфике» к дому Лилианы и искал, где бы припарковаться.

И стало ему жутко!

Тем более, что ехал он к Лилиане отнюдь не с пустыми руками, а купил завернутые в целлофановую кружевную юбочку розы. Такого с ним уже четыре года не случалось…

Сережа не питал матримониальных намерений. При одной мысли о законном браке его кулаки сами собой сжимались. Но эти розы… Должен ли мужчина, идущий просто-напросто совращать женщину, вооружаться таким многообещающим

букетом?

Если бы Сережа не был атлетом, он сунул бы розы в мусорник и дал деру. Но у него было особое понятие об атлетизме. Человек, перетаскивающий за тренировку несколько тонн железа, не может отступать, хоть тресни! Человек в броне накачанных мышц не имеет права на страх. И так далее.

Поэтому Сережа выставил перед собой букет, как, возможно, его далекий пещерный предок при встрече с саблезубым тигром выставлял перед собой дубину, и двинулся вверх по лестнице.

Лилиана жила на пятом этаже. Когда Сережа приближался к третьему, он услышал шаги. Кто-то бежал по лестнице, и, судя по тому, что не налетел на атлета, не сверху вниз, а снизу вверх.

Ес-тест-вен-но… тьфу, до чего же прилипчивым оказалось разбитое на выразительные слога словечко!… Так вот, естественно, Сережа на эту побежку не обратил никакого внимания. Мало ли кто и зачем по лестницам носится. Тем более, что ждал его подлинный сюрприз.

Он уже заносил ногу на последнюю ступеньку, когда дверь Лилианиной квартиры распахнулась и оттуда вылетела большая дорожная сумка. Она была запущена слабой и неумелой рукой – даже по лестнице не прокувыркалась, а шлепнулась в двух шагах от двери.

Вслед за сумкой выскочил человек – и тут же дверь захлопнулась.

Узнать человека было затруднительно – сперва Сережа даже подумал, что ему раскроили голову и наружу посыпались мозги. Но странные это были мозги, какого-то свекольного цвета с белыми кляксами, и они именно сыпались, а человек обеими руками их еще и стряхивал.

Сережа пригляделся…

– Хорош, – неодобрительно сказал он.

– А, это ты? – удивился Маркиз-Убоище. – Ну, ты – вовремя!

Он вытер благородную физиономию и облизал руку.

– Майонез? – уже сообразив, что это за мозги такие, спросил Сережа.

– Ну!… – Маркиз-Убоище вычесал пятерней из густых волос кусок селедки, взял его двумя пальцами, как бы собираясь съесть, но поморщился и выкинул в лестничный пролет.

Сережа мог бы поклясться – «селедку под шубой» Лилиана изготовила в той самой салатнице, куда лила заряженную воду и клала заговоренные камни.

Вдруг дверь приоткрылась, на лестничную площадку вылетел поношенный мужской башмак немалого размера, после чего дверь с треском захлопнулась.

Маркиз-Убоище уставился на обувку в недоумении.

– Это не мой! – заявил он. – Я такого фасона не ношу!

– И ног у тебя, кажется, две штуки, – отметил Сережа.

Сообразив, что произошло, филармонический артист кинулся требушить сумку. И извлек из нее довольно элегантную мужскую туфлю, опять же – всего одну.

Сережа посмотрел на ноги артиста – и увидел разномастные шлепанцы…

Маркиз-Убоище позвонил в дверь – и, разумеется, ему не открыли. Тогда он заговорил мощным, звучным, хорошо поставленным и запросто пронизывающим межэтажные перекрытия голосом.

– Я уйду! – вещал он. – Я охотно уйду! Я не собираюсь обременять! Но мне не в чем уйти! Я не могу в разных! Я прошу вернуть мою обувь!

– Отойдите от двери! – голос ведьмы тоже был звучен, хотя и в другой октаве. – На пять шагов!

– Я свалюсь с лестницы! – оценив пространство, пообещал Маркиз-Убоище.

– Тем лучше!

Проконтролировав в глазок, как бывший избранник выполнил распоряжение, Лилиана снова приоткрыла дверь и выбросила почти новую кроссовку.

– У нее богатая биография, – прокомментировал Сережа. – Попытайся еще. Может, через полчасика образуется пара.

– Помойка тут образуется… – проворчал филармонический артист. – Ну, что такого я ей сказал???

– Давай-ка сделаем паузу, – предложил атлет. – Как будто ты смирился и ушел. А я позвоню, словно только что явился.

– А если она тебя видела в глазок?

– Ну, наверно, она бы мне что-нибудь сказала. Давай-ка забирайся этажом выше и посиди там пять минут.

Маркиз-Убоище подхватил сумку – и тут лишь осознал, что в руках у Сережи не гриф от штанги или тренажера, а букет роз.

– Так это из-за тебя? – в полнейшем изумлении спросил он. – Ну, ты даешь! Не женщина, а эстафетная палочка!

Сережа сдвинул густые брови и переложил букет в левую руку. Все-таки бить ему привычнее было правой.

– Ты допросишься, – негромко сказал он.

Маркиз-Убоище расхохотался.

– А я-то голову ломаю – чего она про тебя проповедует?! Принимайте согласно описи!

Филармонический артист был в состоянии близком к истерике. Вроде бы и издевался над дурацкой ситуацией, но с не

менее дурацким подлинным надрывом. Сережа стал надвигаться на него, по опыту зная, что и этого должно хватить.

– Только не в ухо! – с тем Маркиз-Убоище, бросив сумку, и порскнул вверх по лестнице.

Он преодолел пролет в четыре прыжка – но за поворотом увидел нечто такое, от чего вскрикнул радостно:

– Во, блин!

И стал, выплясывая на площадке между этажами, раскланиваться в подлинном стиле семнадцатого века, по «Основам сценического движения» профессора Коха.

Что-то черное мелькнуло вверху за перилами. Маркиз-Убоище стал задом спускаться с лестницы, метя ступеньки перьями воображаемой шляпы.

– Добро пожаловать, ваше преосвященство! – выделывался он. – Дожили до светлого дня!

И Сережа понял, кто там прятался на шестом этаже – при наперсном кресте и при кейсе…

Отец Амвросий неторопливо спускался. Уж чему обучили в семинарии бывшего энергетика – так это блюсти достоинство. Увидев Сережу с букетом, он остолбенел.

– Вот и встретились, – сказал Сережа.

Отец Амвросий смотрел на розы, приоткрыв рот. Сережа удивился этому взгляду, отнес руку с цветами в сторону и внимательно изучил их – не помялись ли, не сломались ли? Розы-то были целы, а вот Сереже стало неловко. Он вообразил, что сейчас отчебучит взбудораженный событиями и, увы, относительно трезвый артист. И окаменел, зная – если Маркиз-Убоище выскажется во фривольном стиле, рука сама долетит до единственного здорового уха, так что лучше затормозиться до предела.

Красавец-батюшка решительно не понимал, что тут творится, но попытался взять власть в свои пастырские руки. Хотя паства была – врагу такой не пожелаешь…

– Ну, раз уж мы все сюда прибыли, то предлагаю войти в дом, – имея в виду квартиру ведьмы, произнес он и нажал кнопку звонка.

К большому Сережиному удивлению, замок скрежетнул.

И тут временно окаменевший атлет впал в настоящую панику. Возможно, виной тому был бывший одноклассник, смотревший на атлета с букетом, как на привидение. А возможно – и ошалевший от изгнания филармонический артист.

Сережа шагнул к отцу Амвросию и всучил ему букет. И даже не в ладонь, как полагалось бы, а приподнял левую руку красавца-батюшки и сунул цветы ему подмышку.

Лилиана выглянула – и первым делом увидела отца Амвросия, стоящего навытяжку, как перед высоким воинским начальством, с воинственно торчащими розами.

– Господи! – произнесла ведьма. – У меня глюк!

Она хотела было захлопнуть дверь – но Сережа не позволил.

– Это не глюк, – сказал он более или менее спокойно. – Ты можешь впустить нас с батюшкой? А вот этого – не обязательно.

И он показал на Маркиза-Убоище.

– Вас с батюшкой всегда рада видеть, – металлическим голосом отвечала ведьма. – А что – разве тут еще кто-то есть?

– Я прошу вернуть мою обувь, – властно, как король из шекспировской трагедии, потребовал филармонический артист. – И ноги моей тут больше не будет!

– Ес-тест-вен-но! – скопировав словечко с удивительной точностью, парировала Лилиана. – В городе еще много дур с жилплощадью!

– При чем тут жилплощадь? – не слишком убедительно возразил Маркиз-Убоище. – Я только хочу забрать свою обувь…

И сделал было шаг вперед.

Лилиана стояла в дверях с выражением лица «через мой труп».

Вся эта склока на лестнице Сереже очень не нравилась.

– Послушайте, – обратился он к ведьме. – Дайте ему возможность взять свое имущество – а об остальном не беспокойтесь. Как по-вашему – могу я выставить незваного гостя?

– Под вашу ответственность, – кинув на артиста взгляд, достойный пантеры, сказала Лилиана. И отступила вглубь квартиры, давая Сереже с отцом Амвросием возможность войти.

Красавец-батюшка вынул из-под мышки розы и держал их перед собой примерно так, как дохлую крысу над помойным ведром.

– Не через порог! – удержала его Лилиана и приняла цветы, когда он уже оказался в прихожей. – Вот уж чего не ожидала…

– Я тоже, – на сей раз пламенный взгляд метал отец Амвросий, но Сережа устоял и даже не задымился.

Последним вошел Маркиз-Убоище.

– Всякую ненужную обувь я держу вот тут, под вешалкой, – сказала Лилиана атлету так, будто именно ему предстояло, опустившись на четвереньки, копаться в немалой куче тапок, ботинок, кроссовок и сапог. Затем она повернулась и проследовала в комнату, Сережа с отцом Амвросием – за ней.

На два голоса они рассказали ведьме об идее десантного кристалла.

– Но я сама не понимаю, как это у меня получилось, –

призналась Лилиана.

– Никто не понимает, – утешил ее Сережа. – Мы воссоздадим те условия, которые были тогда. Главное – достать растворимый кристалл. Вот даже наш батюшка понял, что этого не миновать…

– Гореть мне из-за тебя в аду… – проворчал отец Амвросий. – В геенне огненной… И тебе, кстати, тоже.

Лилиану он по-джентльменски от этого избавил.

– Но раз ты сюда заявился – значит, ты не против геенны? – на всякий случай уточнил Сережа. Отец Амвросий промолчал.

– Так вот, – продолжал атлет. – Кто из присутствующих хоть что-то смыслит в химии?

Ответа он не дождался.

– Я имею в виду не науку химию, а ту дрянь, которую изучают в школе, – Сережа предельно смягчил требования, но и тут услышал лишь три вздоха.

Третий шел от двери. Сережа повернул голову и – увидел в щели удлиненное, благородное, выразительное лицо Маркиза-Убоища.

– Ну неужели нам совсем нечего вспомнить? Неужели никто не пробовал сам вырастить кристалл? – на Сережу накатило красноречие. – Ведь чуть ли не всякая жидкость годится для производства кристаллов! Ведь всякая жидкость – раствор чего-нибудь химического! Только нужно извлечь из нее воду!

– Всякая? – убедившись, что его уже не гонят прочь, осведомился филармонический артист.

– Даже водка! – увесисто брякнул Сережа. Хотя как раз насчет водки он и не был уверен… Видывал круглые таблетки сухого спирта для спиртовки, но считать ли их кристаллом?…

– Главным образом водка, – добавила Лилиана. – Ладно. Задачу мы поняли. Требуется растворимый кристалл, который можно обработать заклинанием и поместить туда десантника. Что касается меня – я сделаю все, что в моих силах!

И посмотрела мрачно-торжественно на филармонического артиста, которых явно пытался отговорить ее от кристаллически-магических авантюр.

– Я тоже, – сказал раскаявшийся алкоголик. – Чтобы на меня не вешали дохлых собак.

Видимо, дохлые собаки фигурировали в той крутой разборке, которая привела к увенчанию Маркиза-Убоища полной салатницей «селедки под шубой».

– Положи душу свою за други своя, – цитатой завершил военный совет отец Амвросий.

Трое экспериментаторов спустились на улицу и стали прощаться.

– Ты бы не мог подбросить меня до квартиры твоей супруги? – спросил Маркиз-Убоище, показывая одной рукой – на тяжелую сумку, а другой – на «гольфик».

– Сперва – меня к храму, – попросил отец Амвросий. – Опоздаю вот к литургии – позора не оберусь.

И Сережа исправно развез боевых соратников.

Встретились, как и договаривались, через три дня в тренерской.

Ни одна физиономия не светилась оптимизмом.

– Ну так что же мы имеем? – пасмурно спросил Сережа.

Ответа не было.

Отец Амвросий потупился, а Лилиана возвела огромные очи к потолку. Маркиз-Убоище развел в стороны огромные выразительные кисти рук и испустил длительный высокохудожественный вздох.

– Сашка! – обратился Сережа к батюшке. – Что у тебя?

– Я пробовал вырастить соляной кристалл, – хмуро ответствовал тот. – И более не буду. Ибо пастве моей сего не понять.

– Кристалла не понять? – уточнил Сережа.

– Его самого.

Примерно полчаса бывший электронщик при помощи ведьмы и артиста добивался правды от бывшего энергетика. И выяснилось вот что.

Отец Амвросий и в бытность Сашкой отличался безалаберностью. Это была обычная и безвредная безалаберность холостяка, которая даже умиляет его подруг, являясь как бы немым сигналом: «В этом хозяйстве срочно требуется женщина!». То есть, к мытью посуды Сашка приступал, когда ни одной чистой чашки и тарелки уже не оставалось. Не замечал грязи на газовой плите и на окнах, не замечал пыли на книжных полках и так далее.

Когда он сделался не просто священником, а иеромонахом, ситуация изменилась к лучшему. Красавец-батюшка стал любимцем всего прихода, и на кухне в выделенном ему служебном домике у церкви царил безупречный порядок. Богомольные старушки с тряпками гонялись за каждой пылинкой, и отец Амвросий даже подозревал, что не только за право варить ему постные щи, но и за право мыть тарелку велась изощренная борьба.

Когда встал вопрос об изготовлении десантного кристалла, отец Амвросий купил два кило соли и приступил к экспериментам. Соль требовалось сперва растворить, а раствор – максимально очистить от примесей. И задолго до того, как в

банку с перенасыщенным раствором была погружена ниточка с затравкой, все свободные кастрюли выстроились на плите в ряд, покрытые соляным инеем. Стол, подоконник, холодильник – все искрилось нежной соляной коркой. Богомольные старушки, придя утром к батюшке на кухню с кошелками, изумились чрезвычайно.

Какими доводами Сашка внушил им, что нечистая сила тут ни при чем, Сережа уточнять не стал. Довольно было и того, что кристалла нужного размера не получилось. Бывшему энергетику не удалось до необходимой степени очистить раствор. И все, что он смог предъявить, была жалкая тощая друза, самый крупный кристаллик на которой был длиной в два миллиметра.

Лилиана вздохнула, глядя в спичечный коробок с унылой друзой.

– Обидно, – сказала она. – Соль – хоть безопасная…

Сережа насторожился. От ведьмы-самоучки всего можно было ожидать.

– А вы из чего выращивали? – строго спросил он.

Ведьма горестно махнула рукой. И вздох испустила тяжкий – как если бы всех родных похоронила. Но, в отличие от Маркиза-Убоища, краткий.

– Да уж нашла из чего… – с этими словами она раскрыла сумочку и достала из бумажки великолепный ярко-синий кристалл, имевший в сечении форму скошенного креста, с ровными сверкающими гранями. Величиной он был не меньше чем с куриное яйцо.

Из кристалла торчала темная палочка, послужившая затравкой.

– Вот это да! – восхитился Сережа. – Что же вы молчите?… То, что нужно!…

– Не трожь! – рявкнула ведьма. И бережно завернула сокровище в бумажку.

История этого кристалла была еще сквернее.

Вспомнив, как экспериментировала с одноклассниками много (а в самом деле, сколько?) лет назад, Лилиана отправилась в хозяйственный магазин. Естественно, принарядившись. В черном, стало быть, блузоне, в широченных шерных шелковых штанах и с тремя ожерельями на шее. По два браслета на каждой руке, парадные серьги до плеч – это само собой. Да – и поверх блузона черный же ажурный жилет, подол которого был не ровный, как у заурядных женщин, а хвостатый. Словом, вопиющая элегантность.

И вот вплывает эта элегантность в хозяйственный магазин – и не в приличный магазин, а в лавку на рынке, где даже манекенщице трудно было бы развернуться между прилавком и стендом с граблями и лопатами. И говорит Лилиана

вылупившейся на нее продавщице:

– Добрый день! Мне нужен такой синенький порошок, вроде той синьки, которая для стирки. Я забыла, как он называется, но он – такими маленькими крупиночками.

Продавщица кое-как приходит в чувство и спрашивает с неподдельным ужасом:

– Медный купорос?!?

– Да, да! – со столь же неподдельным восторгом отвечает Лилиана. – Это он!

И хватает протянутый пакет наманикюренными пальцами. А маникюр у ведьмы и вообще-то – своеобразный, в тот же день был и вовсе загадочный. На покрытых белым лаком ноготках – черные иероглифы.

– Вам для чего? – окончательно ошалев, спрашивает продавщица.

– А в самом деле… – и в больших глазах Лилианы, как Сережа легко себе представил, зажглось детское любопытство. – Для чего он нужен?…

Лилиана честно призналась, что на этот вопрос ответа от продавщицы не получила. Бедная женщина онемела до такой степени, что не сразу сообщила и цену товара.

Придя домой, Лилиана развела на кухне примерно такой же свинарник, как отец Амвросий. Вот только что не было у нее бдительных богомольных старушек, приходящих по утрам с домашними постными пирожками. И затравкой послужила ободранная веточка.

Синий кристалл вырос буквально на глазах. Лилиана уже предвкушала, как явится к Сереже с триумфом, но тут в дверь позвонили.

Пришел…

А вот кто пришел – этого Сережа так и не понял. Что-то глубоко личное связывало ведьму с гостем, и именно Сереже не полагалось питать по этому поводу ни малейших подозрений. Однако они возникли – сопоставив детали, Сережа обнаружил, что возней с кристаллом Лилиана занималась днем, гость прибыл вечером, а свое мудрое слово изронил почему-то утром.

Слово же было таково:

– Выбрось немедленно эту отраву!

После чего гость доходчиво объяснил Лилиане, что не напрасно у нее при варке перенасыщенного купоросного раствора так нестерпимо першило в горле. Прелестный синий порошочек вообще-то служил огородникам для борьбы с вредными насекомыми.

Ядовитый кристалл лег на стол рядом со спичечным

коробком.

– Итак, имеем два прокола, – подытожил Сережа. – Вы, Леонид Борисович?

Он обратился к Маркизу-Убоищу подчеркнуто вежливо, не желая выказывать своего подлинного отношения к раскаявшемуся алкоголику.

– Крах всего, – сообщил Маркиз-Убоище. – Напрасно потраченное драгоценное время.

– На что потраченное?

– На поиск вещи, в нашем мире не существующей.

– В ином мире, выходит, существующей?

– Увы!

Сережа и Лилиана переглянулись, а встревоженный отец Амвросий быстренько перекрестился.

– Саш, это по твоей части, – неуверенно произнес Сережа.

– Выходит, по моей, – без большого энтузиазма согласился бывший энергетик и развернулся к алкоголику. – Послушайте доброго совета, нечего вам искать в иных мирах. Это лишь с виду – блистательный соблазн, а на деле – обычное искушение. И так называемые выходы в астрал, встречи сосветящимися существами…

– Так и я в нем ничего искать не собираюсь! – обиженно воскликнул Маркиз-Убоище. – Сами же сбили меня с толку!…

– Кто, я?!? – хором спросили Сережа и отец Амвросий.

– Вы! – Маркиз-Убоище светским жестом указал на Сережу.

Сережа расправил плечи.

Обычно, когда он это делал, всем в комнате сразу становилось мало места. Особенно тем, кто нарывался на знакомство с увесистым кулаком. Однако Маркиз-Убоище не дрогнул – что свидетельствовало либо о безмерной отваге, либо о том, что проклятого алкоголика почему-то до сих пор очень мало били.

– И как же я сбил вас с толку, Леонид Борисыч? – поигрывая мощнейшими грудными мышцами, осведомился атлет.

– Сами же говорили – теоретически из всякого раствора возможно вырастить кристалл! Ну вот, я и решил, что водка – тоже своего рода раствор…

– Кристалл из водки? – отец Амвросий изумился до чрезвычайности, хотя – чего другого можно было ждать от Маркиза-Убоища?

– Если бы удалось его получить, это был бы идеальный десантный кристалл! – отвечал филармонический артист, и логику его рассуждения заговорщики уловили сразу. Попав в воду, такой кристалл растворился бы моментально – что от него и

требовалось.

– Погоди, Сашка, погоди! – идея Сережу заинтересовала настолько, что он, выпивший за всю свою жизнь хорошо если полтора литра этой самой водки, ощутил бестрепетную готовность погрузиться в алкогольное десантное средство, даже с риском оказаться в бассейне пьяным вдрызг.

– А чего тут годить? – бывший энергетик вдруг развеселился до такой степени, что захихикал. – Знаешь, что Леонид Борисыч выяснил? Если только вообще выяснял? Ну, чеши репу!

И красавец-батюшка подмигнул Лилиане, прижав впридачу пальчик к губам, как будто ведьма хоть что-то смыслила в химии.

Сережа даже в бытность любознательным студентом химию наукой не считал. В его понимании она была лишь способом классифицировать возможные и невозможные вещества окружающего мира. Даже когда одноклассники устраивали взрывы в кабинетах химии, он не заинтересовался самодельными взрывчатками. И потому проказливая физиономия отца Амвросия повергла его в тщательно скрываемый трепет. Сейчас он, пуленепробиваемый атлет-интеллектуал, имел все шансы блистательно опозориться, да еще в присутствии женщины.

– Ты хочешь, чтобы я разобрал процесс на молекулярном уровне? – с напряжением изобразив живейшую заинтересованность, спросил Сережа.

Тут уж смутился отец Амвросий. Бывший энергетик понятия не имел, что может знать бывший электронщик про молекулярный уровень. А сам он тоже порядком подзабыл институтскую программу.

Лилиана пришла на помощь бывшему избраннику.

– А нельзя ли попроще? Леонид Борисыч, так что же у вас получилось? Вы что – пробовали изготовить перенасыщенный спирт?

– Какой спирт? – глаза Маркиза-Убоища вспыхнули нехорошим любопытством. Очевидно, обычный девяностошестиградусный его уже почему-то не устраивал. – Это – как?

– Ну, не знаю! Наверно, нужно нагреть в кастрюле простой спирт и добавлять туда понемногу таблетки сухого спирта…

– Господи, спаси и помилуй мя грешного! – вообразив, очевидно, эту жуткую кастрюлю, завопил отец Амвросий. – Как всегда – с точностью до наоборот! Спиртовой кристалл можно вырастить – но только при сверхнизкой температуре. Порядка двухсот градусов ниже нуля.

– Мне сказали то же самое, – печально подтвердил филармонический артист.

Сережа подумал, что температура порядка двухсот градусов ниже нуля – как раз та, при которой нужно содержать Маркиза-Убоище, чтобы от него вреда поменьше было. А если он при этом еще и будет заточен в спиртовой кристалл, то и обществу выйдет польза, и алкоголику – удовольствие. Но удержал эту мысль при себе.

– Подведем итоги. Имеем – три прокола, – сказал Сережа. – Не густо. Могло быть больше.

Лилиана от возмущения онемела.

– А ты? – сердито спросил отец Амвросий. – Где твой кристалл?

– Я не придумал ничего подходящего.

– А думал?

– Думал.

Сережа не соврал – он пошел в библиотеку, и в то время, как ведьма, батюшка и алкоголик честно экспериментировали, читал научно-популярную литературу по химии для школьников средних классов, здраво рассудив, что более сложную информацию просто не переварит.

– Не по-божески это, – заметил бывший энергетик. – Одни трудятся, рискуя репутацией, а другие ищут отговорки.

– Естественно, – согласилась ведьма-самоучка. – Руководить проще всего.

И метнула огненный взор в алкоголика, призывая его к единению.

Все-таки после изгнания прошло целых три дня плюс визит незнакомца, раскрывшего ведьме тайну медного купороса…

Маркиз-Убоище заулыбался трогательно, потупляя глаза и чуть ли не ковыряя от смущения пальцем узор на клеенке.

– Мы пошли не тем путем, – авторитетно заявил Сережа. – Мы решили изготовить легкорастворимый кристалл исходя из того, что несчастную Данку чертов минерал поработил. Но одно дело – слабая и внушаемая женщина, а совсем другое – мужчина. Полагаю, что я бы против кристалла устоял. И сумел бы из него выйти в любое время!

Данка так же была похожа на слабую и внушаемую женщину, как Сережа – на Маркиза-Убоище. Но поскольку Лилиана ее не знала, а отец Амвросим знал плохо, на уровне двух-трех совместных встреч, то и сошло за чистую монету.

– Свежо предание, да верится с трудом, – из чувства противоречия возразила ведьма. И Сережа понял, что довольно-таки низко рухнул в ее глазах. Спрашивается – из-за чего? Из-за того, что не развел у себя на кухне медно-купоросный бардак!

Лилиана ему была совершенно не нужна. Более того – все

известные ему толстушки, потерпев с ним фиаско, начинали смотреть на него свысока и презрительно, как на дурака, что не понял своего счастья. Так-то так… Однако чертова ведьма как бы бросила ему вызов.

Нужно было что-то сделать.

Ждали спасения Данка, Майка и Наследник – который, вероятно, под воздействием алкоголя так и не понял, что с ним приключилось.

И что же предпримет доблестный атлет, краса и гордость тренажерных залов?

Глава одиннадцатая, транспортная

Доблестный атлет, проводив гостей, вернулся в зал. Смутно было у него на душе. Опять же – студент Вадик попытался сменить трос в блочном тренажере и ободрал руку. На то он и студент, чтобы с ним была куча хлопот… Пришлось врачевать. Металлический трос, истрепавшийся в том месте, где проезжает по блоку, в мелкие колючки, – штука неприятная, чреватая занозами и, соответственно, нагноениями.

Сережа по долгу службы обязан был иметь аптечку, и действительно имел, но за полгода от нее осталась одна пластмассовая коробка с красным крестом на крышке. Напрочь забыв, что точно такая же аптечка, совершенно нетронутая, имеется в «гольфике», атлет отправился покупать бактерицидный пластырь.

Тут-то и настигла его мистика.

Неподалеку от тренажерного зала в подвальчике был кришнаитский магазин. Майка давно его заприметила, а когда искала сердолик с белыми прожилками, обязала Сережу раз в два дня туда заглядывать. Чего он, естественно, не делал. Ибо атлеты и кришнаиты, как гений и злодейство, две вещи несовместные.

Ноги сами донесли его до лестницы, рука сама легла на дверную ручку – и опомнился Сережа уже в магазине.

Он сразу же почувствовал себя неловко. Там на сей раз оказалось женское царство. Две почтенные дамы в сари и с желтыми полосками на носах стояли за прилавком. Еще четыре приценивались к курительным палочкам, скляночкам с ароматами и украшениям из резной кости. Как-то неловко было сразу же выскакивать. Сережа, стараясь как можно незаметнее пронести свои выдающиеся плечи, протиснулся к краю прилавка – туда, где в многоэтажной стеклянной горке были разложены камни.

И он – презирающий сквернословие и просторечие, он – всеми силами избегающий женского внимания, он – сдержанный почище гранитной скалы, он – воскликнул в изумлении:

– Во блин!

Поскольку увидел именно блин.

Между ожерельями из прекрасного темно-синего с белыми пятнышками лазурита и серебряными браслетами с бледными рубинами-кабошонами, он увидел три продырявленных диска, диаметром около трех сантиметров, лиловых с белыми разводами. Как есть блины – не хватает лишь грифа с замками и штангиста ростом с два Сережиных пальца.

Женщины, что вели с продавщицами утонченные беседы о Бхагавад Гите, то и дело всуе поминая Кришну, дружно повернулись к нему. На возвышенных лицах нарисовалась крупными буквами фраза:

– Ну, чего еще можно ожидать от качка?!?

Естественно, Сережа не стал объяснять, что качок он лишь с виду, а душа у него – интеллектуальная. Он посмотрел на продавщицу так, что она немедленно обратилась к нему со всей возможной вежливостью.

– Вас что-то заинтересовало?

– Да, – сказал Сережа. – Вот это.

И указал на блины.

– А-а, это… – по голосу продавщицы он понял, что товар какой-то малопочтенный.

– Это – что? – спросил Сережа.

– Прибамбасы, – лаконично ответствовала продавщица.

Среди посетителей тренажерного зала водились и такие, что злоупотребляли прибамбасами. Сережа привык, что так называют браслеты с заклепками, перстни с бычьими черепами и прочие безобразия. Но отшлифованные каменные блины?

– Из чего они? – поинтересовался Сережа.

– Аметист.

А-ме-тист!…

Сережа уставился на крайний слева блин. Да, что-то похожее выложил на стол Наследник, пытаясь воссоздать схему шкатулки. Аметист уже и тогда прозвучал тревожно… Чем-то Сереже понравился камень, то ли ритмом разводов, то ли прорисовкой белых линий, прямо-таки манил и чаровал. А-ме-тист… Он не мог называться иначе. Слово было твердое, мужественное. Имя сочеталось с камнем. А все вместе сочеталось с какой-то прорехой в Сережином подсознании и заполнило ее идеально.

На квадратике бумаги величиной с ноготь была написана цена – и она Сережу вполне устроила.

– Дайте мне вот этот, пожалуйста, – попросил он, доставая кошелек. – И объясните, зачем тут дырка.

– Это же прибамбас. Его носят на кожаном шнурке, – и продавщица, достав такой шнурок, сложила его вдвое, пропустила в отверстие блина петлю и продела в нее концы шнурка, а затем завязала их узлом. Тут Сережа понял, что аметистовый блин полагается носить на шее. Знать бы еще, кому…

Но больше вопросов он не задавал. По совместному с Майкой опыту он знал, что кришнаиты – неутомимые проповедники, и если их невольно спровоцировать на проповедь – двумя часами не

обойдешься. Ведь и так было ясно – кришнаитская лавочка торгует этими дырявыми блинами не ради просветления духа, а потому, что они вдруг стали пользоваться спросом у молодежи. То есть – ради презренных рупий, или что у них там в Индии водится?…

Свою добычу Сережа, разумеется, не на шею нацепил, а сунул в карман джинсов. Причем в правый, где и без блина добра хватало. И сделал это левой рукой, так извернувшись локтем вперед, что едва не сшиб с ног двух кришнаиток в штатском.

Отродясь за ним таких выкрутас не водилось. Как человек, привыкший орудовать тяжеленным железом, Сережа был экономен в движениях.

Аметистовый блин лег на дно кармана – и покой снизошел на душу. Почему-то именно теперь возникло ощущение, будто там, в душе, – полный порядок, словно ее с хлоркой вымыли и тряпочкой вытерли, словно повыкидывали из нее все ненужное, словно раскрыли окна и впустили свет…

Вместе с прочим барахлом из души выветрилась и цель вылазки – бактерицидный пластырь. Сережа вспомнил о нем уже на пороге зала, развернулся и пошел в аптеку.

Стоя в очереди у кассы, он сунул руку в карман, нашарил аметист и сам себе усмехнулся. Дожил – примамбасы покупает! Но и мимо пройти он почему-то не мог.

Что же это за камень такой – аметист?

Сережа позвонил Лилиане – узнать, что на сей предмет говорит литература. Ведьма сказала, что зачитывать по телефону все сведения не собирается. А вот сегодня вечером за чашкой чая можно и разобраться, почему из двенадцати камней шкатулки Сережу привлек именно этот, хотя полагалось бы за него ухватиться Маркизу-Убоищу.

Почему – это Сережа узнал сразу же, чуть ли не с порога.

– Он же предохраняет от алкоголизма! – воскликнула Лилиана, очень удивленная тем, что таких вещей можно не знать.

Раскрытые книги уже лежали на столе возле чашек для чая, блюда с пирожными и заварочника. Ведьма взяла первую.

– Епископ носит аметистовый перстень как символ своего духовного брака с церковью, а поэтому перстень должен в известном смысле выражать самим своим видом идею чистоты и строгой жизни, – прочитала она. – Чистота! Он отсекает все, что мешает чистоте, понимаете?

– Что еще? – спросил Сережа.

Ведьма взяла другую книгу.

– Камень этот фокусирует пока неведомое нам космическое излучение. Он благоприятно воздействует на слабую и

неустойчивую ауру человека, не дает развиваться пороку, оберегает от искушений и наркотиков.

– Еще?

– Обладает свойством навевать сладкие грезы и хорошие сны, поэтому носить аметист на работе не рекомендуется…

– Любопытно… – Сережа задумался.

– Строгий камушек, – заметила ведьма. – А что, нужно раскрыть именно аметист?

Сережа выложил на стол свое приобретение.

Лилиана зажала его в кулаке.

– Совсем холодный, – минуту спустя сказала она. – Неудивительно, что запрещает водку пьянствовать и беспорядки нарушать. И что интересно – не лечит, а только мешает вести вредный образ жизни. Туда – нельзя, это – не твое, то – не тронь… Лучше тебя знает, что тебе надо… Командирский камушек…

Сережа хотел было спросить, наизусть она цитирует какую-то книгу, или сама сочиняет, посмотрел в лицо ведьмы – и тут оказалось, что глаза ее закрыты.

– Но поди заставь алкоголика носить аметист! – продолжала вещать ведьма. – Кому нужен рядом камень, который только запрещает? Коньяка не пей, пирожных не ешь, ночного образа жизни не веди, безумным порывам воли не давай! Конечно, можно его послушаться – но потом-то выяснится, что ничего ты от его советов не приобрел, а время упустил…

– Как это – не приобрел? – обиделся Сережа. – А здоровье? А уверенность в себе?

Лилиана открыла прекрасные черные глаза.

– Возьми, – сказала она. – Не нравится мне, что в нем дырка. Начну раскрывать – а он возьмет да и треснет.

Лилиана, не задумавшись, сказала «ты». Должно быть, не вышла из транса, подумал Сережа. Он взял камень и посмотрел сквозь дырку на свет.

Трещин вроде не было. Обозначилось в глубине аметистового блина нечто темное, продолговатое, оно даже показалось человеческой фигурой, но ненадолго.

– Значит, для десантного кристалла не годится? – спросил Сережа.

– Может, и годится. А ты уверен, что в особняк можно пробраться только так – в кристалле?

Сережа, щурясь, глядел в отверстие. Белые прожилки вокруг дырки складывались в очертания ладоней, охвативших темный диск… Темный ли? Дырка явственно отливала бордовым цветом…

– А ты знаешь иной способ? – занятый блином, отрешенно

спросил Сережа.

Видно, на роду им обоим было написано перейти на «ты» – уж больно естественно это получилось.

– Если бы я увидела тот особняк, то, наверно, придумала бы и способ, – уж чего-чего, а самоуверенности в ведьме хватало. И более того – она как-то так умела произнести нужные слова, что Сережа сперва ввязался в авантюру с венцом безбрачия, а сейчас вот понял, что Лилиану надобно доставить к месту будущей диверсии – и пусть сама делает выводы.

И кивнул ему кто-то из камня! И обозначилось там на мгновение человеческое лицо, чем-то похожее на Сережино! Только Сережа стриг свои густые русые волосы довольно коротко, а тут вроде как черные космы падали вдоль щек, да и бородка их окаймляла…

Мгновение длится ровно одно «ах!». Сережа, конечно же, ахать не стал, но оно и без того стремительно пронеслось и утащило с собой в небытие загадочное лицо, и снова аметистовый блин был холоден и пуст.

Мало ли что примерещится взбудораженному мистикой атлету…

Утром он заехал за ведьмой, полагая, что раз договаривались на восемь ноль-ноль, то в пять минут девятого «гольфик» уже помчится к преступному особняку. Однако Лилиана еще только варила себе утренний кофе. После чего ей не менее получаса требовалось на прическу и макияж.

Поэтому Сережа успел смотаться к залу, открыть его, запустить вовнутрь первых ранних качков, а потом уж отправился за ведьмой – махнув рукой, между прочим, на трудовую дисциплину.

По указаниям отца Амвросия он довольно быстро нашел искомое место, но приблизиться не смог – от шоссе к воротам вела аллея, и заезжать в нее, мягко говоря, не стоило. Проехались взад-вперед, установили примерную площадь территории – и в восторг не пришли, потому что там можно было устраивать пехотные маневры.

Вряд ли хозяин этой великолепной виллы ограничился двумя парнями в будке у ворот.

Штурм укрепленного здания Сережа представлял себе по боевикам. На экране стройные мальчики в камуфле красиво бежали, врывались, бросали через бедро и поливали автоматными очередями. Из всего этого джентльменского набора ни камуфли, ни мальчиков, ни автоматов у Сережи не было, разве что накачанные собственные бедра.

– Сколько, говоришь, охранников? – вдруг спросила Лилиана.

– Не знаю! Не меньше десяти!

Сережа посмотрел на ведьму-самоучку с ненавистью. Она задавала такие вопросы, как будто собиралась лично штурмовать загадочный особняк! Уж чья бы корова мычала… Видывал Сережа на экране женщин, идущих в атаки на гангстеров и инопланетян, но это были подтянутые узкобедрые девочки, которых сам он называл «стройняшечки», без грамма лишнего жира. А по Лилиане горькими слезами рыдал велотренажер.

– А двое, значит, у входа… Ну, этих-то снять – не проблема.

– Ага – легче, чем венец безбрачия!

Лилиана поморщилась.

– Горохом их закидаем! – добавил язвительный Сережа.

– У тебя есть другое оружие, кроме гороха? – спросила она весьма неприятным голосом. – Нет? Ну так и молчи, а я сейчас что-нибудь придумаю.

Такой наглости от женщины Сережа не ожидал. И ладно бы от стройняшечки! Его красивый рот приоткрылся сам собой.

Пока он искал достойный ответ, ведьма принялась грызть костяшки кулачков. И шипела при этом, и даже, кажется, постанывала.

«Гольфик» резво несся обратно к центру города.

– Есть! – вдруг сказала Лилиана. – Я нашла оружие.

Сережа сразу же вспомнил Данку с ее пневматическим пистолетом.

– Оружия не надо! – решительно возразил он.

Лилиана оскалилась.

– Даже если бы у меня был «калаш», я бы его тебе в руки не дала, – заявила она. – Ты слишком крупный для такого дела. Крупные мужики неповоротливы, и из них получаются разве что хорошие мишени.

Сережа задышал. Уж кто бы тут толковал про неповоротливость!

– В общем, так, – сказала нахальная ведьмочка. – Собираемся и идем искать оружие.

– А оно что – спрятано? – напрочь перестав понимать ее логику, осведомился Сережа.

– Для нас – спрятано.

– Примерно где?

– Где? Я полагаю, в троллейбусе.

– Оружие, – как бы сам себе объясняя, произнес Сережа. – В троллейбусе. Спрятано. Ну, ладно. Хорошо.

С безумцами он не спорил никогда.

Безумца нужно не убеждать в его безумии, а временно стать на одну с ним платформу и понемножку его оттуда свести.

А в том, что у Лилианы порой ум за разум заходит, Сережа почему-то не сомневался.

«Гольфик» въехал во двор, где был тренажерный зал. Сережа вышел и жестом предложил Лилиане зайти. Она согласилась.

Студент Вадик, увидев, что суровый тренер с утра пораньше явился с женщиной, несущей двадцать кило лишнего веса, помотал головой – такое могло только в кошмарном сне присниться.

– Сколько у нас в городе троллейбусных маршрутов? – спросил Сережа сам себя, включая электрочайник. – Я ездил как-то двадцать третьим. Ну, скажем, пятнадцать. На каждой линии по меньшей мере пять-шесть машин.

– Да, примерно так, – согласилась Лилиана. – Это будет… будет…

– Девяносто машин, – сосчитал Сережа.

И он хотел было арифметическим способом доказать ведьме, что она городит чушь. Даже если предположить, что Лилиана не валяет дурака и по городу действительно ездит нафаршированный «калашами» или «узи» троллейбус, то не среди бела дня же его вскрывать. Нужно забираться ночью в троллейбусный парк – и хорошо, если за одну ходку удастся тщательно проверить две машины. К тому же, и ежу понятно, что искомый троллейбус окажется в лучшем случае восемьдесят девятым. Значит, поиски потребуют полутора месяцев. А за это время все магические камни вместе со шкатулкой упорхнут куда-нибудь в Австралию. И Майка, Данка, Наследник – равным образом…

Аргументация у Сережи созрела быстро, но и ведьма тоже посчитала кое-что в уме.

– По три минуты на троллейбус, – заявила она. – Это двести семьдесят минут. То есть… Погоди… Четыре с половиной часа чистого времени. Один день.

Сережа промолчал.

Очевидно, его ждало очередное надувательство. И он для себя постановил – все, хватит, никаких троллейбусов.

– К вечеру оружие будет, – уверенно продолжала Лилиана. – Ничья помощь мне не потребуется. Завтра утром штурмуем особняк! Я обеспечиваю доступ во двор и нейтрализацию охраны, а дальше действуй как знаешь! Пусть отец Амвросий объяснит тебе, в какой комнате шкатулка. Брать его с собой незачем – мне и с тобой хлопот хватит.

При этом она смотрела на атлета столь язвительно и пронзительно, как если бы прочитала его мысли о надувательстве. Но ссориться с женщиной, которая, пусть даже

нечаянно, открыла дорогу в камень, было ни к чему. Без ее помощи Сережа ничего бы не мог поделать со шкатулкой.

– Вечером я позвоню тебе, – делая первый шаг к примирению, сказал он.

– Звони.

Ведьма встала и вышла из тренерской.

Сережа крепко задумался.

Он знал, что если женщина отправляется на подвиги с таким выражением лица, то горе ее родным и близким. Им предстоят бессонные ночи и бестолковые траты, а потом спасенная от крупных неприятностей авантюристка будет еще и недовольна тем, что ей вовремя пришли на помощь.

Он посмотрел на часы. Близилось время перерыва, которое он мог использовать по своему усмотрению. На сей раз у Сережи в планах было прокачать спину и ноги. Хорошо прокачать, по старой, но действенной системе. Сперва два разогревающих подхода, потом – пять с нарастающими весами. И чтобы Вадик на самых последних повторениях чуточку помогал.

Чемпионат-то близился… И двое из пяти возможных соперников качались тут же, в этом зале, так что Сережа мог сравнивать кондиции и делать прогнозы. У него самого тренировочный процесс до сих пор шел по плану – вот только мистика не вовремя встряла.

Сережа вздохнул. Какие там спина и ноги… Вылез из тренировочных штанов, влез в джинсы. Вылез из дырявой фуфайки, влез в свитер. Обулся. В последнюю секунду вспомнил, что нужно выключить чайник. Для атлета, не успевшего толком позавтракать, это было мучительно…

– Вадь, я по делам, – сказал он, выйдя в зал, студенту. – Всех выгони, закрой, ключ – как обычно.

Походка у Лилианы была неторопливая. Ведьма торжественно несла себя – да так, что у всякого встречного возникало желание уступить дорогу. может, и потому, что столкновение с такой массой чревато, съехидничал про себя Сережа, сметет с пути и выкинет на проезжую часть одним движением бедра. Поэтому Сережа застал ее на остановке под навесом. Она только что упустила троллейбус, потому что пробежать пятнадцать метров было ниже ее достоинства. Так, во всяком случае, решил мужественный атлет, которому никогда не приходилось бегать на высоких каблуках.

Подошел следующий троллейбус. Из него посыпалось множество пассажиров через переднюю дверь, но через заднюю вошли всего двое.

Лилиана, распихивая вылезающих, сунулась через переднюю

дверь и, сопровождаемая громкой руганью, пробилась-таки вовнутрь. И это уже достаточно удивило Сережу, но совсем остолбенел он, когда ведьма, пройдя троллейбус из конца в конец, исхитрилась выскочить из задней двери буквально на ходу.

Сережа спрятался за стойку навеса, чтобы не попасться ей на глаза. Это было для него все равно, что прятаться за палку от швабры. Однако Лилиана и не поглядела в его сторону. Она высматривала следующий троллейбус – и, когда он прибыл, проделала с ним такой же трюк.

С третьим не вышло. Сережа не сообразил посмотреть, какие цифры несли на себе два предыдущих, но третий явно ходил по иному маршруту – пассажиров из него вышло немного, а вошло – дай Боже. Поняв, что ведьме уже не удастся за полминуты проскочить его насквозь, Сережа вошел вместе с законопослушными пассажирами через заднюю дверь в то время, как Лилиана ломилась через переднюю.

С высоты своего роста он наблюдал за тем, как она протискивалась к задней двери, наступая всем на ноги и не извиняясь.

Что-то было в этой странной деятельности не только целенаправленное, но и осмысленное. Сережа только не мог понять – что.

Ведьма проскочила мимо него, даже не посмотрев, что за великолепный мужчина посторонился перед ней, тщательно отворачиваясь. Это Сережу несколько задело. Он допускал, что у Лилианы дурной вкус и ей нравятся дохлые и щуплые, но делал поправку и на то, что эта склонность, возможно, вынужденная и развилась потому, что настоящий мужчина никогда не обратит внимания на ее пышные формы. Умом он все понимал – но недоумевал. Не так часто ездят в городском транспорте мужчины с обхватом бицепса более полуметра – могла бы и глянуть украдкой…

Тут Сережа вспомнил, как Лилиана, снимая с него венец безбрачия, усадила его, раздетого по пояс, на табурет и что-то выделывала сзади, даже не пытаясь к нему прикоснуться. Великолепно развитый торс (одна широчайшая мышца чего стоила, а прекрасный рельеф заднего пучка дельтовидной мышцы, а высоко вздымающаяся трапециевидная?!?) служил образцом для юных атлетов в тех случаях, когда Сережа при них разоблачался и демонстрировал идеальное позирование. Не говоря уж о чемпионатах, когда каждое его появление на помосте приветствовалось воплями фанатов и потрясенным молчанием жюри. Положительно, у этой женщины был самый дурной вкус, какой только возможен.

Лилиана вышла из троллейбуса на следующей остановке, Сережа – впритирку к ее спине, уверенный, что она не станет оборачиваться. И таким образом они прочесали еще четыре троллейбуса.

За это время Сережа сделал кое-какие наблюдения.

Лилиану совершенно не интересовал интерьер транспорта. Допустим, что в один из вычисленных девяти десятков троллейбусов упрятано некое оружие. Допустим, Лилиана по какой-то примете может опознать нужную машину. Троллейбусы изнутри отличаются разве что рекламой на стенках и цветом сидений. Ведьма же проносится, не глядя на стенки. Причем она не знает, что за ней следят. Стало быть, не играет на публику. И она действительно что-то ищет – иначе зачем бы это странное путешествие?…

Кроме того, Лилиана не обращала внимания на мужчин, зато все время вступала в мелкие перепалки с женщинами. Если ей загораживали дорогу мужчина достойного вида и женщина любого вида, она цеплялась к женщине. Хотя мужчина куда охотнее пропустил бы ее, стоило обратиться к нему полюбезнее.

Да еще эта погрузка через переднюю дверь…

В Сереже проснулось ужасное – азарт погони.

Еще примерно полчаса он садился в те же троллейбусы, что и ведьма, и выскакивал на следующей остановке, не пробивая талона. Уже чесались, собираясь рвануть в рост, кончики ушей. Сережа, обычно не экономивший на транспорте, за один этот день выполнил годовую норму по заячьему способу езды.

То ли в пятнадцатом, а то ли в шестнадцатом троллейбусе он вдруг сообразил, что к той минуте, когда истечет время перерыва, он окажется черт знает где, на краю географии, в местах, где не водятся такси. Еще какое-то время Сережа колебался – а не послать ли эту погоню куда подальше и не вернуться ли в зал, пока еще есть возможность нормально вернуться.

И тут свершилось!

Он даже и не заметил, как началось. Вроде бы молодая женщина, явно беременная, села на освободившееся место – и тут же рядом оказалась маленькая старушка, заурядная транспортная старушка, из тех, что целыми днями странствуют с пустыми кошелками неведомо откуда и неведомо куда, путаясь в ногах у спешащих людей и портя настроение затхлым запашком от своих многочисленных, вытянувшихся до безобразия доисторических кофт, надетых одновременно не менее трех. Такая-то седенькая старушка в капроновой (батюшки, когда же его на голове носили, капрон-то?…) косыночке и шоколадного цвета хлопчатобумажных чулках в рубчик, которые даже российская промышленность – и

та отказалась выпускать лет тридцать назад, видно, попросила молодую женщину уступить сиденье, а женщина отказалась.

И старушка заговорила.

Она не разорялась на тему дурного воспитания молодежи, нет! Она ласковенько принялась доставать молодую женщину.

– А что, милочка, ножки уже отекают? – спрашивала она. – Раненько, раненько!

– Нет, не отекают ножки! – отвечала, сердясь, пассажирка.

– Да и головка, гляжу, кружится, и глазки мутненькие! – врала вредная бабка, причем непонятно было, зачем она это делает.

– Ничего у меня не кружится, отстаньте, бабушка! – будущая мама странно нервничала.

– А ты мне вот что скажи, милочка, первенького ведь носишь? – приставала бабка вроде бы и не злобно, но с каким-то тайным подбрыком.

За спиной у нее оказалась Лилиана. Сережа поразился лицу ведьмы – оно было счастливым!

– Да что вы ко мне привязались! – вскрикнула женщина, и вдруг Сережа понял, что ей действительно плохо.

– Да разве ж я привязалась? К тебе со всей душой, а ты рыло воротишь! – бабка наконец-то сорвалась с цепи.

– Со всей душой? – переспросила будущая мама. – Да ну вас, в самом деле!

– А ты от меня не отмахивайся! – бабка прямо-таки на глазах расцветала. – Я тебе, милочка, добра пожелать хотела! Вижу – ребеночек-то плохо лежит, я пожалела, слово ласковое сказала!

– Да не надо мне вашей жалости! – женщина чуть не плакала.

Пассажиры лишь молча переглядывались, понимая ситуацию примерно так: бабка-знахарка, простая душа, углядела беду и по наивности своей с услугами полезла, а дамочка попалась нервная. Сережа и сам был готов понять склоку именно так, да только странно вела себя ведьма-самоучка, которой в этих делах полагалось бы хоть что-то понимать.

Вдруг бабкина жертва закатила глаза и стала медленно сползать с сиденья на пол.

Пассажиры загомонили. Но никто из мужчин даже руки не протянул, чтобы удержать ее.

Сережа протолнулся поближе, присел на корточки – и выпрямился с женщиной на руках. Троллейбус перед тем, как затормозить, дернулся, атлета качнуло – и опять-таки не нашлось мужской руки, чтобы помочь. Зато Сережу увидела Лилиана.

Уж она-то должна была поспешить на помощь к обмякшей, словно разом утратившей все силы, женщине. Но вместо этого

ведьма подмигнула Сереже, и не просто, а торжествующе.

Троллейбус замедлил ход. И тут Сережа все уразумел.

Как когтями вцепилась Лилиана бабке в руку и потащила к выходу. Та пискнула – и повлеклась следом, потому что ведьма всем телом и всем весом продавливала себе коридор в толпе, а бабка была, видать, легонькая.

– Да ты что ж это! – завопила бабка, но уж встал троллейбус, распахнулась дверь, и вывалилась она вслед за Лилианой.

Сережа шагнул влево, вправо, чтобы куда-нибудь пристроить женщину, но ее место сразу оказалось занято, а других поблизости не было, и сидящие пассажиры всем видом показывали, что они – ни при чем.

Тогда Сережа как был, с женщиной на руках, выскочил следом за Лилианой.

– Вот ОНО! – мотнув головой в сторону бабки, воскликнула ведьма. Бабка рванулась – но Лилиана так дернула ее к себе, что старухины ножки подкосились и она рухнул на колени.

– Ты что делаешь? – возмутился Сережа. – Отпусти старую дуру и помоги лучше вот этой!…

– От-пус-тить? – Лилиана чуть зубами не щелкнула от ярости. – Да ты знаешь, что ЭТО такое? Это же – ОРУЖИЕ!

Сережа чуть не уронил свой ценный груз.

– ЭТО? – переспросил он.

– А ты еще не понял?

Вдруг, учуяв в Сереже защитника, бабка развернулась на коленках и воззвала к нему.

– Сыночек! Деточка! – заголосила она. – Да что ж это творится! Да старому человеку уж и на улицу выйти нельзя! Да что ж ты мне не поможешь?…

– Не смей! – вскрикнула Лилиана, когда Сережа открыл рот для ответа. – Ни слова! Понял? Вон она отвечала – и что вышло?

Женщина, которую Сережа вынес из троллейбуса, все еще не приходила в себя.

– Отнеси ее вон туда, в сквер, посади на лавочку, – уже спокойнее приказала Лилиана. – Она сейчас очнется. А я ОРУЖИЕ постерегу. Не бойся, мне эта тетенька ничего сделать не сможет, я блоки поставила.

– Да что же это за тетка такая? – изумился Сережа.

– Ты про энергетических вампиров читал?

– Ну?

– Так это она и есть. По троллейбусам промышляет. А то еще дедок имеется – тот по трамваям. Но он слабее, такой нам не нужен.

– Ясно… – отвечал потрясенный Сережа.

Он еще не понимал, зачем Лилиане потребовался энергетический вампир, и копался в памяти, отыскивая сведения, бывшие до сего дня абсолютно бесполезными. И побрел пристраивать на лавочке пострадавшую женщину.

Еле он от той лавочки ноги унес, провожаемый гомоном окрестных бабок. Его приняли за мужа, не желающего приводить в чувство страдалицу-жену. И никакие уверения, что, мол, немочь пройдет сию секунду сама собой, не подействовали. Возвращаясь к Лилиане, Сережа костерил ведьму на все лады – не сними она венец безбрачия, никому бы и в голову не пришло, что эта гора мускулов способна жениться…

А между Лилианой и бабкой-вампиршей шел между тем торг.

– Да на что я тебе сдалась? – тосковала бабка. – Какой с меня вообще может быть прок? Отпусти Бога ради, а за мной не заржавеет! Могу деньгами дать, могу антиквариатом…

Лилиана только мотала головой, не выпуская бабкиной руки и выглядывая в среди прохожих атлета.

– Антиквариатом! – презрительно сообщила она подошедшему Сереже, чем его несколько удивила. – Нет, ты погляди на нее! Интеллигентка! Антиквариат у нее есть! А сама беременных женщин высасывает! Глаза б мои не глядели!

– Ну, подвернулась она мне, подвернулась! – уже не затосковала, а завопила бабка. – Не хотела я! Подвернулась, понимаете?

Это уже относилось к Сереже.

– Не смей отвечать! – снова прикрикнула на него Лилиана. – Ты ей ответишь – и энергетический канал откроешь! У тебя же в момент ответа дырка образуется!

– Дырка? У меня?…

Лилиана только махнула на него свободной рукой.

– Вот ЭТО мы возьмем с собой. Надо бы ее где-то запереть до завтра, чтобы хорошенько проголодалась…

– Ми-ли-ция!!! – заголосила бабка не хуже пожарной сирены. – Ми-ли-ция!!! Караул! Гра-бят!!!

И внезапно рванулась из цепких пальцев Лилианы.

Очевидно, ведьма имела телепатические способности. Сереже и в голову бы не пришло схватить вампиршу за шиворот. Однако он выбросил вперед руку, цапнул ее сзади, сгреб неизвестно сколько слоев кофт на загривке и даже приподнял бабку в воздух – наверно, во избежание дальнейших рывков.

– Ах ты сучка! – вызверилась на нее Лилиана. – Я тебе покажу милицию! Голодом уморю! Вперед!

И понеслась на каблуках большими скачками с удивительной скоростью, расталкивая прохожих и прокладывая дорогу Сереже.

Тот, не размышляя, кинулся следом, неся перед собой бабку за шиворот, словно нашкодившего кота.

– Го-ро-до-вой!!! – уж вовсе неожиданно заверещала вампирша. Видимо, решила, что проще дозваться городового, чем милицию. И тем выдала свой более чем почтенный возраст.

Лилиана, услышав этот вопль предельного отчаяния, резко свернула в подворотню – видать, исхоженную, потому что понеслась она проходными дворами со знанием дела. Сережа бежал следом, но рука, не выдерживая непривычной нагрузки, стала понемногу ослабевать и выпрямляться, так что в конце концов бабкины ноги почти касались земли.

Запыхавшись, Лилиана остановилась и обернулась.

– Перекинь ЭТО через плечо, – посоветовала она. – Ты подумал, где мы ЭТО запрем до завтра?

Сережа удивился – оказывается, на бегу он еще должен был и думать.

– У меня – не хотелось бы, – осторожно сказал он.

– Разумеется, – сразу согласилась Лилиана. – Она рано или поздно разговорит тебя. И это плохо кончится. Нужно засунуть ее туда, где она ни одной живой души до утра не увидит даже по телевизору.

– Отольются кошке мышкины слезки, – скорбно предрекла вампирша.

– Можно в тренажерном зале, – сообразил Сережа. – В тренерской диванчик есть. Возьмем ей батон хлеба, пакет кефира – хватит?

– Вот, вот… – забормотала вампирша. – Хлеба, кефира… А если мне белый хлеб при моем диабете противопоказан?

– Не отвечай! – рявкнула Лилиана. – Диабет у нее?! Антиквариат у нее! Я уже давно про эту нечисть слыхала. Как по троллейбусам шастать – так ее и диабет отпускает! А как прихватили за делом – так сразу и диабет объявился!

– Если она – по троллейбусам, а дедок – по трамваям, то теоретически должен быть вампир, который работает в автобусах, – заметил Сережа. – Но я все-таки не понимаю…

– Потом поймешь! – оборвала Лилиана. – Для нас главное – чтобы ЭТО как следует проголодалось. И тогда ОНО станет страшным оружием!

Дальнейшие Сережины действия стали бы позором для всего городского культуризма, если бы кто-то застукал его в душевой. Атлет с такой силищей отвернул краны, что их заколодило, и убедился, что менее богатырская рука потопа не прервет. Вода хлестала на бетонный пол, просачивалась в щели, скапливалась в углублениях – и вскоре широкой волной, несущей пустые

мыльницы и чей-то позабытый носок, хлынула в зал.

Акция удалась.

Качки, обнаружив, что шлепают по лужам, кинулись не кран закручивать, а тренера искать. И нашли его во дворе, у входа в зал, созерцающего облака.

Уже не первый раз приключалась в душевой авария. Сережа, демонстрируя нешуточное актерское мастерство, провел дознание – кто последний мылся и давно ли это произошло. Вода между тем поступала в зал неторопливо, но непрерывно.

Даже самые отъявленные фанатики, поочередно не сумев ликвидировать повреждение, поняли, что тренировка срывается.

Выставив последнего безумца, норовившего прокачать до упора спину даже не стоя в воде, а сидя в воде перед блочным тренажером, Сережа впустил Лилиану и вампиршу, сам же разулся, сходил в душевую и с некоторым усилием прекратил потоп.

Вода просочилась и в тренерскую. Лилиана, стоя на сухом островке, брезгливо приподнимала черную шелковую юбку.

И тут Сережа отыгрался за все ее штучки разом.

– В туалете ведро и тряпка, – сказал он. – Давай наводи порядок, а я ЭТО благоустрою.

Лилиана уставилась на него с негодованием – он предлагал взять тряпку в эти пальчики, усаженные перстнями, и, чего доброго, предложит подоткнуть великолепную юбку!

Но Сережа оказался еще зловреднее, чем она предположила.

– В тренерской за дверью халат висит, – сообщил он. – Такой серый, в масляной краске вымазан. Переоденься, а то изгваздаешься.

Огненный взор, который обычного мужчину испепелил бы, как эпицентр ядерного взрыва, не пробился сквозь мощные пласты мускулов.

– А ты с ЭТИМ поосторожнее, – как бы смирившись с необходимостью браться за тряпке, предупредила ведьма. – Смотри, высосет тебя и смоется! Я ЭТО во второй раз отлавливать не буду.

– Она высасывает только во время разговора? – спросил Сережа, вдруг забеспокоившись. Кто его знает, что устроит гнусная бабка в тренерской, пока Лилиана будет мыть полы в зале!

– Главным образом, – загадочно отвечала ведьма. – Даже если умеешь ставить блоки, и то опасно. А с другой стороны, ЭТО – всего лишь солнечный вампир. Вот против лунного я бы не вышла…

– Ничего себе солнечный! – развеселился Сережа. Меньше

всего бабке подходил этот эпитет. Весь ее затхлый и заплесневелый вид свидетельствовал, что солнца-то она старательно избегала.

– Это термин. «Солнечный» – это энергетический бандит, а «лунный» – энергетический вымогатель, – объяснила разницу Лилиана. – Вон она ходит на охоту, выслеживает добычу, нападает, высасывает и смывается. А лунный вампир вымогает энергию у своих близких, ноет, канючит, время отнимает… Ты на ее ладони посмотри!

– А что ладони? Что ладони? – забеспокоилась бабка.

– У нее линии темно-красного цвета, если вообще не фиолетовые. Гляди! – Лилиана взяла бабкину руку и, невзирая на сопротивление, развернула вверх ладошкой. – У энергетических вампиров кровь дурная. И вообще – сходил бы ты принять душ.

– Какой душ?

– Контрастный. Ты же был с ней в контакте, а блока не ставил.

– Значит, я буду в душе полоскаться, ты – полы мыть, а ЭТО? – ведьме удалось-таки навязать атлету свое отношение к вампирше.

– Посидит в уголке на тренажере. Ты только зал запри, чтобы не выскочила, – попросила Лилиана.

Ведьма была удивительно кротка и благожелательна. И ручки на коленке сложила благостно – нежные ручки с фантастическим, как всегда, маникюром…

А в результате полы в зале и в тренерской мыл Сережа.

Разумеется, тут уж венец безбрачия был ни при чем.

А потом, когда, накрепко заперев бабку-вампиршу, вышел Сережа с Лилианой из подвала во двор, когда довез он ведьму до ее дома, когда уж и к своему дому подъезжал, нашло на него прояснение.

Он понял, что ведет себя самым идиотским образом. Что это он Лилиане пообещал? Что они вдвоем поедут к тому уголовному особняку вызволять шкатулку??? Чушь собачья!

Сережа не впал в ярость – это было бы недостойно атлета, ведь ярость сродни истерике. Он просто сказал сам себе – плевать, что с отцом Амвросием у ведьмы разногласия идеологические, а с Маркизом-Убоищем – глубоко интимные! Плевать! В одиночку он на штурм не пойдет! И, нравится это Лилиане или не нравится, он позовет и бывшего энергетика, и филармонического артиста! Ибо это – разумно!

Держа такую бурную речь перед воображаемой Лилианой, Сережа уже возле своего дома зазевался и въехал в колдобину. Днище «гольфика» проскрежетало по чему-то незримому – и

машина встала на мертвый якорь.

Сережа вылез, попытался самолично вытолкать «гольфик» на ровный асфальт, но добился только того, что вокруг собралась толпа. Таких атлетических подвигов в этих краях не видывали.

Притормозил сердобольный сосед, взял на буксир, приволок во двор. И тут выяснилось, что лучше бы «гольфик» оставить в покое до того момента, когда его осмотрит специалист из автосервиса поставит диагноз.

– Вот и прекрасно! – мрачно обрадовался Сережа, к большому удивлению соседа.

Теперь был не только что повод – а настоящая причина привлекать к делу отца Амвросия с его плодом покаяния.

Глава двенадцатая, диверсионная

Четырехколесный плод покаяния неторопливо проехал по шоссе, минуя обсаженную кустами дорожку, что вела к воротам преступной виллы.

– Вот она!… – прошептал Маркиз-Убоище. – Гляди – во обломы!…

Вилла, куда неведомо зачем перевезли магическую шкатулку, была огорожена даже не бетонным, а из каменных глыб выложенным забором. Очевидно, здесь, на отшибе, приглядели себе местечко в восьмидесятые годы партийные шишки. Даже для нового русского такая ограда оказалась бы тем самым орешком, что не по зубам, потому что республика, откуда привезли эти прекрасные камни, уже стала самостоятельным государством со спятившей экономикой.

Нетрудно было догадаться, какова спрятанная за камнями вилла, если будка для привратников была как целый коттедж. В ней можно было пляски устраивать, и не современные, когда пара должна пять минут простоять на одном месте, покачиваясь, топчась и оглаживая друг дружку, а настоящие – мазурку, скажем, или краковяк.

По случаю хорошей погоды двое охранников вышли из этой аристократической будки и подпирали ворота – тоже, кстати, не хилые, раздвижные и снабженные всяческой автоматикой.

Отец Амвросий сидел за рулем при всем параде – в лазоревом одеянии и с наперсным крестом. Его взяли прямо с венчания и не позволили переодеться, здраво рассудив, что бывший энергетик в джинсах и бывший энергетик в рясе – это два разных человека, и по джинсам охрана стрелять будет, а насчет рясы – заколеблется.

Рядом сидела Лилиана в полном боевом облачении – вернее, в том, что ведьма искренне считала боевым облачением. На ней были черный шелковый блузон, черные же штаны из искусственного эластичного бархата и ботфорты тонкой кожи, прикрывающие колено, а на груди – всего один медальон, усаженный мелкими камнями, весом примерно в полкило. Сережа посоветовал ей при опасности раскрутить эту штуку на цепочке – и получится исправный кистень. Волосы ведьма убрала в большой шиш, что было воистину удивительно – ведь на обложках всех боевиков, особливо фантастических, дамы идут в бой непременно раздевшись до нижнего белья и распустив волосы. Еще была крошечная сумочка через плечо – как раз такого размера, чтобы поместились компактная пудра и один патрончик губной помады, а второй бы уже не влез.

Лилиана и отец Амвросий старательно не глядели друг на друга.

На заднем сидении Сережа и Маркиз-Убоище зажали бабку-вампиршу. Каждый смотрел в свое окошечко, чтобы, Боже упаси, не встретиться взглядом с вредной старухой. Ее нужно было соблюдать голодной до начала боевых действий.

Как ни странно, лазоревая ряса бывшего энергетика сыграла особую роль в отношениях с бабкой. Увидев красавца-батюшку, который вместе с ведьмой и прочими нехристями явился за ней в тренажерный зал, вампирша раскрыла рот и сделала постно-блаженную физиономию. После чего, сложив аккуратненько ручки, правую поверх левой, ладошками кверху, поспешила под благословение. Отказать в этом священник не мог.

Предупрежденный о бабкиной особенности отец Амвросий тем не менее собрался было брякнуть ей ласковое слово.

– Не смей! Молчи! – наперебой завопили Сережа, Лилиана и Маркиз-Убоище.

Бывший энергетик молча благословил энергетическую вампиршу, вслед за чем ее с двух сторон подхватили под белы рученьки с лиловыми линиями и усадили в «мерс».

И вот теперь она сидела, уставившись в затылок отцу Амвросию, и ждала, пока ее выпустят из машины и покажут дичь.

– Ну, начнем, благословясь, – сказал отец Амвросий и вынул ключ зажигания. Обычный, даже заурядный этот жест как-то внезапно подчеркнул, что выбор сделан, обратного пути ни для кого уже нет.

Бабку вынули, поставили на асфальт и издали показали ей будку с тоскующей охраной.

– Подойдешь и предложишь им свежих яичек, – велела ведьма, протягивая заранее приготовленное лукошко. Сережа и не приметил, когда это она протащила лукошко в машину.

Бабка кивнула – как ни хотелось ей прицепиться к Лилиане, однако инстинкт самосохранения оказался сильнее голода. Повесив на сгиб локтя кошелку, она молча засеменила к воротам. Сережа и Маркиз-Убоище, хоронясь за кустами, двинулись следом – им было интересно поглядеть, как вампирша управится с охраной.

Через минуту их нагнал отец Амвросий.

– Не могу я видеть этот сатанинское отродье! – заявил он.

– Чеши отсюда! – приказал Сережа. – Ишь, брезгливый какой выискался! Твоя ряса за три версты видна и еще отсвечивает!

Действительно – тяжелый лазоревый шелк, да еще вышитый серебром и золотом, на солнце бликовал и искрился.

Красавец-батюшка, сейчас даже избыточно красивый, остался

стоять там, где настиг его окрик, а Сережа и Маркиз-Убоище, одетые гораздо скромнее, чуть ли не на корточках продолжили свой путь.

– Серьезно он уверовал, – сказал Сережа филармоническому артисту. – Ведь Лилька только корчит из себя злодейку. Вывеска у нее такая! А он, если что не вписывается в религию, так уже и на дух не переносит. Надо же, какими их там правильными делают, в семинарии…

– Ты так полагаешь? – загадочно спросил Маркиз-Убоище.

– Но надо отдать ей должное – она его тоже терпеть не может. Идеологический враг!

Сережа замолчал, отложив анализ духовных противоречий между ведьмой и отцом Амвросием до лучших времен. Потому что вампирша с лукошком вышла наконец к будке и обратилась к охране с приветствием.

Издали было видно, как парни высокомерно отказываются купить предложенные яйца. И в самом деле, что за идиотизм – предлагать людям на боевом посту товар, который нужно варить или жарить! Яйца были гениальной находкой Лилианы, рассчитавшей, что охрана пошлет бабку с ними вместе далеко и надолго, а уж достойно ответить и завязать свару – бабкино дело.

Две минуты потребовалось голодной вампирше, чтобы сперва один, а потом и другой охранник, зашатавшись, легли на асфальт перед воротами.

– Вперед! – приказал Маркиз-Убоище и первый помчался вязать по рукам и ногам добычу.

– Сашка, за мной! – негромко позвал Сережа и побежал следом. – Леонид Борисыч, оружие у них заберите!

Бывшему электронщику и бывшему энергетику нужно было быстро разобраться в будке с пультом управления воротами и прочей техникой, отвечающей за безопасность виллы.

Бабка-вампирша, подкормившись, пришла в замечательное расположение духа и добровольно помогала Маркизу-Убоищу обездвиживать охрану, затягивая хитрые узлы с такой силищей, что развязать их не смог бы вообще никто на свете.

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца!… – вдруг зловеще пропела она, и Сережа, которого уже и призыв к городовому достаточно озадачил, покосился в открытую дверь на бабку с большим подозрением.

Оказалось, что не напрасно будка у ворот столь просторна – одна стена помещения была целиком занята электроникой. Пять экранов показывали, что делалось в особняке и три – что творилось на территории.

Время было утреннее – хозяин уехал творить Большой Бизнес,

хозяйка – тратить деньги. В доме околачивалась охрана в количестве еще трех мальчиков, но не в камуфле, а в штатском. Вокруг дома шастали двое. Итого – пятеро. Но, возможно, были еще шестой и седьмой, не попавшие в поле зрения телекамер.

– Солидно, – заметил Маркиз-Убоище, разглядывая электронику. – Автомат и пистолет. Вот.

Выглядел он с оружием предельно нелепо – очевидно, природный его артистизм требовал бутафории, а с реальными предметами дела иметь не желал.

– Странно, – возразил Сережа. – Чтобы такой богатенький Буратино – и арендовал под офис всего пять-шесть комнат, да еще на шестнадцатом этаже. Не иначе, офис у него там для приличия…

– Йо-хо-хо, и бутылка рома… – бормотала бабка, довязывая охранника. – Пей – и дьявол доведет до конца…

Тут она осеклась – к будке, придерживая облачение, подбежал красавец-батюшка. Он неодобрительно глянул на вампиршу – но не сказал ни слова, а ворвался и присоединился к изучающему местную электронику Сереже.

– Сличи таблички под экранами с большим планом территории и схемой расположения камер в особняке, – сказал атлет.

– Вот тут, – отец Амвросий показал пальцем на план. – Вот в этой комнате Данка стреляла из пневматического пистолета. Но там сейчас шкатулка или не там – одному Господу ведомо…

– Скоро будет ведомо и нам. Бабушка, беритесь за яйца. И вперед!

Услышав такое атлетическое обращение, вампирша заулыбалась.

– Куда вперед-то, сыночек?

– Молчи! – вовремя напомнил Сереже про бабкины способности Маркиз-Убоище. – Где сперва будем охрану снимать – в доме или на территории?

Он показал на экран – там прохаживались еще два парня.

– За особняком, – сверившись с планом, объявил отец Амвросий. – Вот тут. Бабушке нужно обойти справа – тогда она и выйдет на них.

Вампирша взялась за кошелку и бодро зашагала в указанном направлении.

Отец Амвросий, сообразив, как управляются камеры, исследовал внутренности виллы.

– Одну охрану оставили. Ни хозяина, ни хозяйки… и на кухне пусто… – докладывал он. – Серенький, сейчас ты покарауль здесь, а я пойду туда, на второй этаж…

– Кто пойдет? – переспросил Сережа.

– Я пойду, – безмятежно повторил отец Амвросий. – Я-то помню, как туда двигаться.

– А если там заперто? – возмутился атлет. Имелось в виду – ты, что ли, единым небрежным движением плеча высадишь двустворчатую дверь?

– Во блин! – завопил Маркиз-Убоище, тыча пальцем в экран.

Там бабка беззвучно обрабатывала еще двоих. Она поставила наземь кошелку с яйцами и размахивала руками, а крутые охранники ошалело смотрели ей в рот.

– Лилиана была права, – заметил Сережа. – Нужно было дать ей проголодаться. Значит, так. Кто у нас на вилле?

– Не может быть, чтобы ни души, – усомнился отец Амвросий. – То, что мы не видим их, означает, что у них там есть служебное помещение, не оборудованное камерой. Кто-то наверняка там дрыхнет… то есть, спит.

– Ну и приятных ему сновидений, – буркнул Сережа. – Его счастье, если не проснется. – Леонид Борисович, вы останетесь тут. Возьмите автомат, что ли. Мало ли, как нас там встретят.

Отец Амвросий хлопнул себя по лбу и занялся пультом.

– Нужно вырубить все, что только возможно!

– Если все вырубим – Леонид Борисыч не сможет за нами присмотреть, – разумно возразил Сережа. – Только сигнализацию. Леонид Борисыч, как бабка справится – дайте отмашку. Ну, с Богом, что ли?

– С Богом! – бывший энергетик, сдвинув последний тумблер на пульте, размашисто перекрестился, подумал – и на всякий случай перекрестил бывшего электронщика. Затем подхватил пистолет и первым побежал по дорожке, огибающей газон, к вилле.

Сережа догнал его у самых дверей и обернулся. Маркиз-Убоище, высунувшись из будки, уже вовсю махал рукой.

– Бабка справилась, – сказал атлет. – Беги, гони ее сюда, а сам повяжи и тех…

– Дай веревку! – потребовал отец Амвросий.

Заранее нарезанная кусками по два метра веревка была намотана у Сережи на талии. Ее запасли из расчета по два куска на рыло, а методику вязки освоили по картинкам из книги мудрого человека Анатолия Тараса «Боевая машина».

Прихватив веревку, красавец-батюшка скрылся за углом, а Сережа прижался к стене у самой двери. Первой следовало пускать вампиршу. Мало ли, где та служебная комната с дрыхнущими охранниками.

Бабка не прибежала и не пришла – притрюхала. Она тяжело

дышала.

– Ох, ублажили мне душеньку!… – сообщила она. – Ох, порадовали! Ох, утешили!…

– Вы куда яйца подевали? – удивился Сережа.

– Какие яйца?… – бабка на радостях от обильной трапезы утратила соображение. – Ох, теперь-то бы, после сытного обеда, по закону Архимеда…

– Вперед, бабушка! – и Сережа налег на дверную ручку.

Оказалось, что блистательная вилла не заперта.

Атлет и вампирша оказались в роскошном холле.

Отец Амвросий где-то запропастился.

– На второй этаж! – негромко приказал Сережа. Он внимательно разглядел план, на котором столовая и «кабинет хозяина дома» были самыми большими помещениями, да еще и соединялись между собой.

Бабка сделала по ступенькам четыре шажка и схватилась за сердце.

Выхода не было – Сережа схватил ее под мышку, благо вампирша была маленькая и тощенькая, и без особого усилия взнес наверх.

Первой комнатой, куда он попал, была маленькая гостиная, откуда одна дверь вела в хозяйские покои, а другая – в столовую. Сережа ворвался туда, пересек комнату в три прыжка и оказался возле двери кабинета. Она была заперта. Атлет бухнул кулаком – дверь выдержала. Тогда он ударил ногой, а ноги у него были мощные. Не родилась еще дверь, чтобы им противостоять.

Сережа оказался в довольно большой комнате, обставленной в каком-то старинном, на его взгляд, стиле, о трех окнах с бархатными портьерами, и первым делом споткнулся о скамеечку на кривых ножках, но не простых, а вызолоченных самоварным золотом.

Отец Амвросий был прав – хозяева виллы нагребли сюда хлама всех веков и всех народов.

Больше всего на свете эта комната напоминала музей, но музей бестолковый, где составлять экспозицию поручили чьей-то безграмотной секретарше. И она, проехавшись по антикварным магазинам, привезла все, что подвернулось, – бронзовые люстры, которые в прошлом веке ни одно солидное семейство не потерпело бы, сервиз с пастушками и маркизами в стиле восемнадцатого века, изготовленный во второй половине века двадцатого, который еще два года назад любой американский провинциал мог заказать по каталогу, треснувшие вазы и вазочки, якобы медные статуэтки, канделябры, электропроводка в которых была, надо думать, еще во времена Людовика Четырнадцатого…

Именно отсюда раздался выстрел, именно здесь отец Амвросий нашел пульку от пневматического пистолета! Вряд ли на втором этаже виллы было еще одно столь же загроможденное псевдостаринной рухлядью помещение.

Найти в этом столпотворении маленькую деревянную шкатулку казалось задачей нереальной.

– Уй-й!… – застонала, держась за косяк, бабка. – Антиквариату-то!…

– Пулька ударилась в дверь… – пробормотал Сережа. – В дверь, значит, ударилась…

Откуда же стреляла Данка?

Чтобы выстрелить, нужно по крайней мере выставить из треклятого камня руку с пневматическим пистолетом…

Сережа судорожно вспоминал дикую историю, которую рассказала Майка про Данкино приземление на электрическую плиту. Выходит, человек, покидая камень, разносит всю окружающую его мебель. Но Данка оказалась всего-то навсего в навесном шкафу и продавила его. А если бы шкатулку заперли вон в тот дубовый редут, обвитый деревянными гирляндами из жутких роз и полированных яблок? Он же слона выдержит!

Редут принадлежал к той породе старинных буфетов, которые внушают человеку неподготовленному суеверный ужас. Так и кажется, что сперва привезли это чудовище, а потом уж вокруг него возводили стены дома и клали над ним кровлю. А если хозяин в помутнении рассудка хотел установить буфет на втором этаже – то, очевидно, либо вынимали кусок крыши, либо ломали стенку и внедряли редут на постоянное жительство при помощи башенного крана.

Шедевр древесной архитектуры весь занимал собой целую стенку напротив двери. На огромном фундаменте, иначе нельзя было назвать широкий комод о четырех дверцах, громоздились в причудливой симметрии застекленные шкафчики с нишами, выносными полочками, выдвижными ящичками, и все это было уставлено антикварной мелочью.

Если бы шкатулка с камнями стояла наверху – то Данка, выбираясь наружу ради выстрела, произвела бы примерно такой же разгром, как в офисе Николая Юрьевича.

Сережа распахнул нижнюю дверцу – и обнаружил пустоту.

Все сокровища бизнесмена торчали на виду. Обширные помещения в фундаменте редута были ему просто не нужны.

Сережа распахнул и вторую дверцу.

Там лежали старые журналы и газеты. Хозяева не предполагали, что гости будут шарить по шкафам.

С третьей дверцей повезло. Среди набитых неизвестной

рухлядью пакетов стояла шкатулка с откинутой крышкой.

Сережа, победно улыбнувшись, вынул ее, скорчил камням рожу, закрыл…

И тут внизу раздались выстрелы!

Уж кто там по кому лупил – понять было невозможно. Ясно было лишь, что пора сматываться. Сережа сунул шкатулку на ремень, подхватил под мышку бабку и рванул через столовую к лестнице.

Но по лестнице уже мчались прыжками наверх люди.

Сережа самонадеянно оставил все оружие внизу – у отца Амвросия и Маркиза-Убоища. Сейчас выход был один – самому спрятаться и выслать бабку, в которую сперва от удивления выстрелить не догадаются, а потом уж будет поздно.

– Бабушка, – сказал Сережа, ставя вампиршу на пол. – За работу!

– Не могу… – пробормотала та. – Худо мне!…

– Сердце, что ли, прихватило?

– Помял ты меня…

Времени на разборку не было. Взяв бабку на руки, как положено брать красивых женщин, Сережа метнулся в хозяйские апартаменты. Комнаты оказались невелики, и он сам не понял, как влетел в крайнюю, тупиковую. А выскакивать из нее и искать других путей было поздно.

Это была какая-то странная маленькая комната, почти пустая – две замызганные хлипкие табуретки не считаются, вместо хрустальной люстры – голая лампочка, стены уже оклеены изумительной красоты обоями, но пол не мыт со времен первой мировой. Очевидно, затевая ремонт виллы, ее собирались приводить в порядок последней.

Были в этой комнатенке окно и две узкие двери. Через одну вбежал Сережа с бабкой на руках, вторая же оказалась накрепко заперта.

Сережа, усадив бабку на табуретку, первым делом приспособил в качестве замка ножку от другой табуретки, двинул плечом запертую дверь и хищно посмотрел на окно.

Здешний хозяин, видать, не на шутку боялся грабителей. Мало того, что дом был насквозь прошит сигнализацией, что вокруг слонялись бездельники в камуфле, – так и большинство окон снаружи украшали узорные решетки, по виду – изящное черное кружево, но если приглядеться – то сварены они были из выгнутых полос металла, в два пальца шириной, обращенных к публике тонкой гранью.

Сережа распахнул рамы – и убедился, что дело плохо.

– Тупик, – сказал он. – Ну, ничего. Я встану за дверью, а ты,

бабуля, их обработаешь. Свяжем…

На нем еще было намотано довольно веревок для целой роты.

– Ромка! – раздался голос, причем довольно близко. – Сюда побежали!

– Думаешь, к чулану?

– Хрен их знает! Глянь-ка на лестницу!

Сережа недовольно хмыкнул – оказывается, поблизости была лестница, а он ее сгоряча проскочил. Ладно, будем пробиваться к лестнице…

Догадываясь, что черед минуту-полторы охрана уже будет ломиться в комнатенку, Сережа встал за дверью. Бабка, тяжко дыша и скрючившись, все еще сидела на табуретке и бормотала невнятное. Судя по тому, как злобно взглядывала вампирша на атлета, это была отнюдь не молитва…

– Вперед! – приказал Сережа бабке.

– Не могу! – жалостно отвечала она. – Ой, не могу…

И художественно сползла с табуретки, и повалилась наземь, и стала растирать себе грудь чуть повыше места, где положено быть солнечному сплетению.

– Что с вами? – забеспокоился Сережа. – Выбираться же надо!

– Ой, лишенько, не могу, – и бабка даже изобразила, как выловленная рыба разевает рот, хватая воздух. – Объелась!…

Сережа онемел.

Этого еще недоставало…

Всего двое охранников – правда, вооруженных, но совершенно не готовых к встрече с энергетическим вампиром, – стояли между ними и его вооруженными спутниками, а также плодом покаяния, чей бак был полон хорошим бензином. Всего двое – но бабке они были уже не по зубам. Или чем она там орудовала?…

– Бабушка, бабуленька… – залепетал Сережа, опускаясь рядом на корточки. – Соберитесь с силами! А то плохо будет!…

– Это тебе плохо будет, – простонала бабка. – На меня-то, на пожилую женщину, ни у кого рука не поднимется!… А ты – вон какой! Громила!

И бабка, увы, была права.

– Бабушка, вот этого не надо, – буркнул Сережа. Теперь он в полной мере оценил высказывание вредной ведьмы на ту тему, что крупный мужчина – превосходная мишень.

– Ромка! – раздалось за дверью. – Они здесь!

– Не стреляй! – отвечал предполагаемый Ромка. – Ща мы их выкурим!

– Чего-й то они? – забеспокоилась бабка.

– Из газового пистолета пальнут и возьмут нас

сопливенькими, – вообразив, что будет после этого, Сережа откровенно поежился. Ес-тест-вен-но, станут разузнавать, кто его, Сережу, нанял. Когда он скажет как есть – мол, пришел вызволять жену из шкатулки, – не поверят, да и кто бы поверил? Начнут выбивать из него несуществующую правду зубодробительным методом. И пропал атлет… Кто его искать станет? Отец Амвросий затихарится, Маркиз-Убоище – тем более. Качкам наймут другого тренера. И все. И – эпитафия: «Остановись, прохожий! Под плитой – скелет, чей бицепс был твоей мечтой!»

Бабка приподнялась на локте.

– Сыночки, голубчики!… – жалостно позвала она.

– Бабушка, миленькая!… – зашептал Сережа так, как отродясь не шептал на брачном ложе. – Ну, наскреби еще чуточку аппетита!… Еще капельку! Есть же у тебя там пустое местечко!…

– Потерпи, бабка! – крикнули из-за двери. – Мы тебя потом откачаем!

– Вну-чи-ки!… – завопила вампирша. – Не погубите! Дайте я хоть на караченьках к вам выползу! А этого ирода, этого нехристя…

Тяжелая ладонь зажала ей рот.

– Ищи в себе аппетит, бабка! – приказал Сережа. – Если меня погубишь – найдется кому с тобой посчитаться! Тебе тогда по троллейбусам уже не работать!

Вампирша прочавкала что-то невразумительное.

– Чего-чего? – грозно переспросил атлет.

– Я тебя высасывать не буду, – зашипела бабка. – Я тебя им целенького сдам!… А то, чего доброго, за упокойничка примут – да и выкинут!

Сережа забарабанил пальцами по широкому подоконнику. Потом ухватился за кованую решетку и стал ее дергать, расшатывая. До выстрела из газового пистолета оставалась, может быть, лишь секунда.

Вытащив из-за пояса шкатулку, Сережа откинул крышку. Нужно было по крайней мере уничтожить порядок камней, раскидать их, сделать эту магию, ради которой едва не убили Наследника с Маркизом-Убоищем, бездействующей и безвредной!

Меньше всех прочих был кристалл алмаза.

– Проглочу! – решил Сережа. – Уж там-то искать не догадаются!

Прямо под алмазом лежал в бархатном гнездышке аметист – прекрасный строгий аметист, который почему-то был Сереже ближе всех прочих камней.

Ограненный кабошоном и прекрасно отшлифованный, он вдруг отразил Сережино лицо, но не только – лицо, как бы

удаляясь, сделалось маленьким, зато обозначилась фигура – та самая, плечистая, в темной одежде и с золотой нитью от правого плеча к левому бедру.

У этой фигуры не было в руках шкатулки, а то, что было, светилось между ладонями и колебалось.

– Сюда! – услышал Сережа.

Он не понял, чей это голос и откуда прилетел. Но это был голос друга! Возможно, вилла имела какие-то потайные двери и ходы, возможно, отец Амвросий, Маркиз-Убоище и Лилиана что-то придумали, с кем-то договорились, нашли выход из положения!

Мгновенно выстроив эту неправдоподобную конструкцию, Сережа подхватил бабку с пола и взял под мышку. Не те были условия, чтобы бегать, держа вампиршу перед собой за шиворот. И мотнул головой вправо-влево, ожидая увидеть раздвинувшуюся стену и зовущую руку.

– Сюда!

Сережа опустил глаза – и не смог оторвать взгляда от аметиста – последнего в третьем ряду шкатулки.

Лиловое сияние с белесыми язычками вышло из-под него, окружив камень, и стало расти, и возник круг, который только казался кругом – на самом деле это была дыра в потемневшем и сгустившемся воздухе. Оттуда пришел ровный гул, заполнил собой помещение, стал ощутим, как проходящая по телу нервная дрожь, дрожь не страха, но предвкушения.

Сережа протянул к дыре руку – и ощутил, что ложится на плотный воздух, как на теплую волну, и волна вносит его в отверстие вместе с зажатой под мышкой вампиршей.

Тут дверь резко отворилась и раздались два выстрела.

Сережа ощутил прикосновение к левой подошве, лягнул медленно прилетевшую пулю – и она полетела назад, туда, где Ромка и его напарник еще только собирались захлопнуть дверь, чтобы самим не надышаться дрянью.

А впереди стоял человек, протянув к Сереже руки, и готовился принять его в объятия.

Это был высокий человек в лиловом бархатном кафтане по колено, и кафтан был надет на голое тело, однако об этом издали трудно было догадаться – вся грудь встречающего была покрыта черной порослью. Через левое плечо была перекинута шитая золотом широкая перевязь – широкая для кого-то другого, но не для этого гиганта. На перевязи висел клинок в ножнах, и если бы Сережа разбирался хоть в чем-то, кроме электроники и культуризма, он бы сразу сказал – нет, не шпага, таких широких шпаг не бывает, и на саблю тоже что-то мало похоже…

Между рук висел в воздухе темно-красный шар и медленно вращался. В тот миг, когда Сережа чуть не влетел головой в широкую грудь человека, его шар взмыл ввысь.

– Держись, приятель! – с тем две мощные волосатые руки схватили Сережу за плечи, подтолкнули вверх, он принял вертикальное положение и медленно опустился – не выпуская, впрочем, из-под мышки совсем ошалевшую от полета бабку.

Сережу качнуло, но он устоял.

В странной местности он оказался – на берегу синего, словно бы нарисованного моря, под синим же, изумительной глубины, небом, на желтом сияющем песке. Воздух был солоноват и пронзительно чист, отродясь атлет не дышал подобным воздухом. Ни солнца, ни луны, ни тени, что должна бы лечь у высоких ботфортов незнакомца от солнечного или лунного света, Сережа не заметил.

– Это – что? – срывающимся голосом спросил атлет.

– Это – Вайю. Добро пожаловать! – встречающий, чуть отступив, сорвал с головы широкополую шляпу без перьев и поклонился, так мощно ударив шляпой по светлому песку, что веер золотых искр встал между ним и Сережей.

Затем он выпрямился, нахлобучил шляпу, поймал на ладонь вращающийся багровый шар и подкинул его.

Бабка, малость опомнившись, заелозила под мышкой. Сережа ослабил хватку и позволил ей соскользнуть вдоль атлетического бедра и встать на собственные ноги.

– Батюшки мои! – заголосила бабка. – Сподобилась светлого рая!

Незнакомец положил крупную цепкую руку ей на плечо. Рука была покалеченная не хватало верхних фаланг у мизинца и безымянного пальца.

– Не вопи, сударыня, – строго сказал он. – Я этого не люблю. Ты не в том цветущем возрасте, когда женщинам прощают вопли и капризы.

– Ты что же это, сыночек, совсем к годам почтения не имеешь? – запричитала вампирша, и Сережа понял, что она за время полета нажила новый аппетит и вызывает первого встречнего на склоку.

– Не имею, сударыня, – не отпуская бабки, незнакомец повернулся к Сереже. – Вынужден сам себя рекомендовать. В миру – дворянин из Лангедока Даниэль де Монбар. Прошу прощения за свои плохие манеры – я нажил их в Карибском море. И прошу поверить, что мне дали хорошее образование. Ежели поднапрячься, я мог бы произнести речь на латыни – даже теперь, столько лет спустя. Иезуиты всегда были хорошими учителями –

а вы как считаете?

Если б Сережа знал, что в конце восемнадцатого века в Санкт-Петербурге наизнатнейшие вельможи всячески старались устроить своих недорослей в иезуитский пансион, он бы мог иметь свое мнение по этому вопросу. Но о лангедокском училище, процветавшем примерно в середине семнадцатого века, он понятия не имел.

Вообще с историей у Сережи дело обстояло плохо. Как у всякого человека, окончившего обычную среднюю школу и более в глубь веков не заглядывавшего, имелись у него некие путеводные вехи.

По Сережиной хронологии, прежде всего были фараоны. Им на смену пришли древние греки во главе с Прометеем. Потом откуда-то взялись древние римляне во главе, чтоб не соврать, с Колизеем. И сразу же наступило средневековье. Там произошли крестовые походы, потом Колумб открыл Америку, а о том, что было после этого события, Сережа получил сомнительное представление из романов Дюма.

Параллельно европейской истории располагалась история российская со следующими вехами: крещение Руси, татаро-монгольское иго, Иван Грозный с картинки, где он убивает родного сына, и сразу же – Петр Первый, возможно, внук убийцы. Петра сменил тот, кого хотели свергнуть декабристы, а потом произошла февральская революция, повлекшая за собой советскую власть. Она случилась сразу после войны, но с поляками, с французами, или с кем-то еще – тоже было дело темное. Еще имелись Бонапарт, Аракчеев и генерал Скобелев – люди, приложившие руку к российской истории, но не имеющие своей вехи в Сережиной системе, а как бы блуждающие между пятнадцатым и девятнадцатым веком.

О флибустьерах Сережа знал следующее – жили в Флибустьерском дальнем синем море и на бригантинах подымали паруса. И капитан, обветренный, как скалы, выходил в море, не дождавшись дня… И вьется по ветру Веселый Роджер…

С одной стороны, такая прореха в образовании Сережу не красила. Но с другой – из сотни технарей, населявших не так давно конструкторские бюро, разве что человек сорок имели столь обширные исторические познания. Для многих Петр Первый пришел к власти в результате крещения Руси.

– Вы – Истребитель? – вспомнив вдруг приключенческие байки Наследника, спросил Сережа.

– К сожалению, не осталось в живых никого из тех, кто звал меня Истребителем. А команда у меня подобралась отличная… Здесь, в Вайю я – Аметист.

– А-ме-тист… – произнес Сережа. – Так вот почему…

Да, это было то самое лицо – и черные космы, и короткая бородка. И твердый взгляд…

– Потому, что я звал тебя, – согласился флибустьер. – А каким образом и с какой целью – ты скоро узнаешь.

Мысли у Сережи двигались медленно – и не сразу он осознал, что попал туда же, куда должны были попасть Данка, Майка и Наследник.

Он пожелал было спросить, кто и с какой целью заманил в камни – или, если угодно, в Вайю, – троих ни в чем не повинных людей. Но тут пронеслось мимо лица дуновение ветра с правой стороны и дуновение огня – сверху.

– Отойди-ка, сударь мой, – посоветовал Монбар. – Сейчас тут будет спор из-за твоей добычи.

Сережа задрал голову – и увидел клубок бело-рыжего огня, внушающий ужас шевелением длинных язвительных языков, вытянутых не назад, как полагалось бы летящему пламени, а вперед, словно хищные щупальца.

– Не бойся, – сказал флибустьер, поигрывая своим рдеющим шаром. – Усмири волнение – вот так.

Он поднял ладони вверх, и подтолкнул вращающийся шар, даже не прикасаясь к нему. Тот поплыл – и Сережа инстинктивно выставил вперед руки, боясь обжечься.

– Охвати его, – приказал Монбар. – Держи между ладонями и укрощай!

Бабка в ужасе прижалась к Сережиному бедру.

– Смертушка моя пришла, – прошептала она, глядя вверх, на огненный клубок. – Ой, за мной она пришла!… Сыночек, родненький, я же тебя спасла! Так и ты уж меня убереги!… Ты же вон какой здоровый!…

Надо было, конечно, напомнить перепуганной вампирше, как она собиралась сдать сыночка вооруженной охране, но Сереже было сейчас не до того. Он ощутил свою власть над багровым шаром. И чувство не было для него совершенно уж новым – что-то похожее он испытывал, как ни странно, когда в тренажерном зале вправлял мозги толстушкам, сладострастно запрещая им есть жирное, копченое, соленое и сладкое.

– В тебе есть страх, – продолжал ставший Аметистом флибустьер. – Страх – это не твое. Ему тут не место. Как ты владеешь этим шаром, так ты владеешь своими чувствами.

– Я и без того владею своими чувствами, – обиделся на внушение Сережа.

– Потому-то тебя позвал Аметист, – загадочно сказал Монбар.

Видя, что сыночек защищать ее не собирается, бабка

завертела головой в поисках убежища – и вдруг, сорвавшись, мелкими шажками понеслась прямиком в море. А там непонятно откуда взялась лодка, и лодка эта, не имея ни паруса, ни мотора, ни даже весел, ходко и бесшумно шла к берегу, а в ней стояла женщина – высокая, тонкая, в длинном красновато-оранжевом платье, и в руке она держала золотой жезл, который с обоих концов был увенчан странного вида набалдашниками.

Бабка готова была пуститься вплавь, но лодка ускорила ход и ткнулась носом в берег, когда вампирша уже стояла по щиколотку в воде.

– Доченька, голубушка! – выкрикнув это, бабка зажала себе рот ладонью. Сережа понял, в чем дело, – аппетит проснулся-таки, и старая перечница боялась нечаянно высосать свою единственную возможную защиту.

Царственно стройная женщина, увенчанная, словно литой короной, сложно зачесанными черными волосами, вознесла на борт узкую босую ногу и перешла на берег, причем лодка под ее тяжестью даже не шелохнулась. В тот же миг рыжий огненный шар опустился возле бабки и простер к ней языки-щупальца с белыми кончиками, ставшими вдруг похожими на когти.

– Не вмешивайся, – предостерег Монбар. – И без тебя поделят. Сердолик и Яшма оба перераспределяют энергию. Но Яшма берет тяжелую энергию, довольно грубо ее перерабатывает и возвращает людям, а Сердолик пускает ее в дело такой, какой получает, и пробивает стены тупиков. Обоим твоя добыча просто необходима – но не вмешивайся!

Сережа, играя подвешенным в воздухе шаром, покосился на вампиршу.

– Я и не вмешиваюсь, – отвечал он. – По мне, так кто бы ни прибрал к рукам эту бабульку, все будет лучше, чем ее троллейбусная самодеятельность. Вообще-то лучше бы, чтобы вот та стройняшечка…

Он взглядом указал на царственную женщину.

Женщина тем временем вступила в беседу с огненным клубком.

– Смею напомнить, что за мной право давности и я давно нуждаюсь в орудии!

– Смею напомнить, что я возглавляю второй отряд – отряд хранителей истекшего времени и выше стою в пирамиде Вайю! – прорычал голос из сердцевины клубка.

– Это Яшма, – сказал, указывая на красавицу, Аметист. – С одной стороны, неплохо, если добыча достанется ей, а с другой – слишком часто Яшму выбирают талисманом черные маги. И это – наше слабое место. Именно через Яшму у них больше всего

шансов проникнуть в Вайю.

Сережа снова вспомнил про Данку, Майку и Наследника.

– Это что же? Выходит, вы всякую добычу так делите? – мрачно спросил он.

– Это – ценная и очень нужная нам добыча, – окинув вампиршу взглядом знатока, объявил флибустьер. – Кому бы она не досталась – ее заставят приносить пользу. И она отлично усвоит, что дозволено, а что – не дозволено, сударь мой.

Яшма выставила вперед свой золотой жезл, из клубка выпуталось пламенеющее щупальце, а прочие сплелись, образовав подобие зверской морды с торчащими, как у моржа, клыками. Жезл и огненный язык скрестились над головой перепуганной бабки, а то, что произошло дальше, сильно смахивало на любимый Сережей армреслинг. Яшма и Сердолик давили друг на друга, да так, что и огненный клубок, и красавица в оранжевом платье дрожали от напряжения.

– Так… – произнес Сережа, отпихнул шар и в два прыжка настиг бабку. – Ценная, говорите?

Выхваченная за шиворот из-под скрещения жезла и щупальца, вампирша забила в воздухе ногами.

– Честная мена, – сказал атлет Яшме и Аметисту. – Вы получаете эту ценную бабулю, а взамен возвращаете мне малоценную. К вам совершенно случайно попали две женщины и старый алкоголик. Я требую женщин – а алкоголика можете оставить себе, если он вам зачем-то нужен…

Сережа вспомнил затею Маркиза-Убоища и добавил:

– … и если у вас есть для него спиртовой кристалл!

– Аметист, мой предводитель! – воскликнула Яшма, соблюдая при всем волнении спокойствие на точеном лице. – Ты принял эту добычу – сделай так, чтобы она попала ко мне!

– Видишь ли, сударь мой, Яшма – из моего отряда хранителей настоящего времени, хотя ей и полагалось бы подчиняться Сердолику. Но она слишком связана с настоящим. Я, Аметист, возглавляю третий отряд и отвечаю за все происходящие сию минуту случайности, – флибустьер вздохнул. – И поэтому непристойно будет, если я попрошу тебя за подчиненный мне камень. Мена невозможна…

– Ну так я удавлю эту бабушку… – Сережа задумался на миг, как бы выразиться пострашнее, – к чертовой бабушке!

– …потому что твои женщины – вовсе не добыча, сударь мой, – отвечал шантажисту Монбар. – Лучше отдай эту старую греховодницу – все равно тебе от нее никакого прока. В противном же случае Яшма и Сердолик обратятся к Пронизывающим время – к Рубину и Сапфиру. А расшатывать

энергетическую пирамиду времени, поверь мне, ни к чему.

– Если так, – удивленный научной терминологией в устах флибустьера, сказал Сережа, – то забирайте, не жалко…

– Отдай добычу мне! – одновременно пропела Яшма и прорычал Сердолик.

Яшма даже соблаговолила слегка улыбнуться.

Хотя атлет и был суров, как спартанец, но бабкиной гибели в огненных щупальцах он не желал.

– Пусть забирает Яшма, – распорядился он. Как знать – если камни, оказываются, имеют у себя в Вайю человеческий облик, то не заинтересуется ли неземная красавица Яшма, обладательница безупречной фигуры, скромным атлетом, оказавшим ей услугу?

Яшма держала на розовых устах высокомерно-волнующую полуулыбку, и Сережа наконец-то взглянул ей в лицо.

Нельзя сказать, что он не придавал значения этой части тела. Однако стройные ноги ценил куда выше. Опять же, когда культуристка позирует, физиономия у нее делается такая, что лучше бы ее и вовсе не было. Невозможно напрячь квадрицепс, не оскалившись при этом на манер идущего в бой троглодита или жарящего трофеи каннибала.

У Яшмы личико было округлое, нежное, с легким румянцем, какого Сережа давно не встречал у городских жительниц. За два года супружеской жизни он полностью постиг технологию нанесения румянца в разных стилях – кантри, вамп, дообеденный, послеобеденный, вечерний, экзотический и так далее. Так вот – ничто в лице Яшмы не вопило о дорогой косметике. Чуть раскосые черные глаза под бровями, которые от природы лежат дугообразно, а не подправляются раз в два дня пинцетом, густые черные волосы, которые, если распустить, окажутся ниже пояса, а сейчас собраны в высокую прическу, валиком обрамляющую лоб и причудливым огромным узлом выложенную на макушке… платье какого-то восточного вида, со стоячим воротничком, захлестнутое справа налево и застегнутое на левом плече…

Вдруг Сережу осенило – да это же китаянка! Красавица китаянка, тонкая и не по-европейски грациозная!

Как бы в доказательство своего происхождения Яшма красиво поклонилась и протянула к вампирше золотой жезл.

Оба его набалдашника заканчивались маленькими раструбами, в глубине каждого раструба было черное пятно, и Яшма направила на бабку тот из них, который, если смотреть в пятно, напоминал разинутую зубастую пасть.

Бабка замахала на жезл руками, но было в нем что-то, что влекло, – и она, как Наследник, потянувшийся за авантюрином, устремила сложенные клювом пальцы в раструб, и стало ясно, что

вся она сейчас туда втянется!

Грянул выстрел!

Меткая пуля вышибла из Яшминой руки золотой жезл, а бабка, наклонившаяся к раструбу вопреки законам тяготения, шлепнулась на песок.

– Эта добыча по праву моя! – прорычал огненный клубок, который настолько туго сейчас сплелся, что сократился в размерах и казался лежащим на песке сердоликовым монолитом… – Аметист, ты заговорил зубы нашему гостю, вот он и забыл, что хотел выменять энергетического вампира на двух женщин!

– Ты полагаешь, Сердолик, что женщины должны покинуть Вайю? – в вопросе был какой-то веселый намек.

– Нет, конечно! Однако нужно дать ему возможность их забрать! А им – возможность отказаться! – в ответе была чисто женская вредность.

Флибустьер рассмеялся.

– Если бы тебе пришлось вести переговоры с головорезами берегового братства, за такие словесные выкрутасы тебя бы пристрелили, и правильно сделали! – сказал Монбар с удивительным для флибустьера благодушием.

Сережа между тем стоял, соображая, и соображая со скрипом. Хотя огненный клубок и рычал, хотя он и внушал ужас шевелением когтистых языков, однако этот выстрел…

Атлет сделал два шага к Сердолику…

– Назад! – крикнул Монбар.

– Назад! – взревел и клубок. – Радиация!

– Радиация? Ну да… – Сережа некстати вспомнил аппарат доктора Бадигиной. Ес-тест-вен-но, если пятьдесят граммов сердолика дают легонькое и целебное излучение, то эта живая глыба и прикончить может не хуже атомного взрыва… Но пистолет?…

Он сделал еще один шаг.

– Сережка, не смей! – раздалось в глубине клубка.

– Данка?

– Данка! – подтвердил негромкий рев.

Мысли в Сережиной голове принялись сползаться вместе, как муравьи. Пневматический пистолет, вредный характер… Но ведь она была безумно перепугана, когда камень засосал ее! Она оказалась в плену у чего-то сверхъестественного и губительного!

О чем это она толковала Майке, когда оказалась в запертом кабинете на шестнадцатом этаже?

– Данка, мы же искали тебя, мы хотели тебя спасти!… – с обидой воскликнул Сережа. – А ты?!?

– Да я сама думала, что меня надо спасать, – отвечала она. – Вообрази – тебя затягивает вот такое чудище!

Она выразительно пошевелила огненными щупальцами, целя белыми когтями в лицо атлету.

– Это что – навсегда? – спросил атлет, отстраняясь.

– Еще чего не хватало! – прорычала Данка.

– Послушай, сударь мой, ежели тебе угодно увидеть сударыню в прежнем ее облике, то не бойся и войди в нее, – предложил Монбар. – Не бойся, пока ты будешь в ней, никто не покусится на твою добычу. Что скажешь, Яшма?

– Ты сам выбрал его, Аметист, – отвечала китаянка. – Учи его, как знаешь.

Флибустьер забрал у Сережи плавающий в воздухе шар.

– А радиация? – спросила Данка.

– Если он войдет очень быстро, беды не случится. Ну? Приходилось тебе, сударь, нырять?

– Приходилось, – буркнул атлет. – Но не в женщину же!

– Вперед, на приступ! – заорал вдруг флибустьер так повелительно, что ноги сами поднесли Сережу к огненному клубку, метнувшиеся вперед щупальца закогтили его – и он влетел в алую дыру головой вперед.

Глава тринадцатая, матримониальная

Оказался Сережа в небольшом помещении, под красновато-оранжевым сводом, и не сразу понял, что так мог бы выглядеть изнутри сердолик, отшлифованный кабошоном. На полу, скрестив ноги по-турецки, сидела Данка со своим неизменным пневматическим пистолетом.

Сережа шлепнулся рядом на живот, перевернулся, готовый отбиваться руками и ногами, вскочил – и угомонился лишь услышав знакомый смех.

Одета Данка была так же, как в тот вечер, когда исчезла. Те же джинсы, та же куртка, та же сумка рядом. Вот только рыжие волосы, не достигавшие плеч, непостижимым образом удлинились до талии. И знал же Сережа, что они – крашеные, однако здесь, в минеральном мире, этот вызывающий цвет стал для них естественным, и отросшие корни были не темно-русыми, но бледно-рыжими, даже розоватыми, а кроме того, змеилось в шевелюре несколько тонких белых прядей.

– Так это я – в тебе? – обводя ошалевшими глазами оранжевый купол, дрогнувшим голосом спросил Сережа.

– А что? Очень удобно, – сказала Данка. – У нас тут всегда можешь уйти в себя. Ты тоже научишься. Я к тебе еще в гости приходить буду.

– С чего это я буду учиться? На кой мне? – сердито осведомился Сережа.

– С того, что ты теперь – Аметист. Я вот – Сердолик, вернее, тот вид сердолика, который зовут карнеолом. Да ты садись, садись!

Сережа опустился на корточки и, опершись сзади рукой, кое-как сел. Новые джинсы не позволяли ему как следует согнуть ноги в коленях.

– А Майка?

– Майка – Оникс. Ее втянул в себя именно Оникс. Поэтому ее охватило неземное блаженство. А Наследник – Авантюрин, но с ним все сложнее. Он в моем отряде, но свойства авантюрина еще не установились полностью, и он сам не знает, на что себя употребить. Как и сам Наследник. Хорошо, что тут хоть алкоголя нет…

– С чего это вдруг Майка – Оникс? – Сережа постарался припомнить, что бывшая жена говорила об этом камне, но, очевидно, до него она еще не добралась.

– Над небом голубым есть город золотой… – тихо и с какой-то удивительной грустью пропела Данка. – Если бы и мне быть Ониксом! Это же самый счастливый для женщины камень!… Оникс вдохновляет на музыку и стихи…

– Ты любишь музыку и стихи? – недоверчиво спросил Сережа. Как-то не вязалось это с пневматическим оружием и замашками бравого рейнджера…

– А почему, как ты полагаешь, я собралась замуж за творческую личность? Я-то не поняла, что мне не дано быть Ониксом, а он, как видишь, понял! И вовремя сбежал. Я – Сердолик, Сереженька. Я – свирепый Сердолик, яростно выдирающий из человека сгустки отравленной крови. Я знаю, где эти сгустки, я знаю, что они – лишние, и извлекаю их, несмотря на боль. Я и его от всякой дряни освободила… только не сумел он меня за это полюбить, как ни старался… Не умею я вдохновлять…

– Ну, ты не это… – и Сережа замолчал, потому что утешать не умел. Вот мозги вправлять – другое дело.

Данка подняла голову и откинула назад рыжие кудри.

– Ерунда! – сказала она. – Справлюсь! Давай я лучше объясню тебе, что тут происходит. Ты слыхал о Первичном небе?

– А что – было?

– В начале времен оно охраняло проявленный мир. Понимаешь, купол над миром. Ведь и у нас сохранились воспоминания – до сих пор же говорим «твердь небесная».

– Разверзлись хляби небесные… – процитировал Сережа Библию.

– Хляби – это уже потом. Была твердь, пока в проявленный мир не вторглось воплощенное зло – Ангро-Майнью. Купол был разбит, осколки упали на землю. И только они хранят былое Первичное небо, только они – хранители изначального, истекшего, настоящего и всех прочих времен от Ангро-Майнью. Понятно?

– Пока – да.

– Поехали дальше.

– То, что раскололось, может и должно возродиться. Возможность восстановления Первичного неба появилась в тот миг, когда осколки рухнули на землю. И они начали объединяться, и сперва создали Вайю, – Данка не рассказывала, а вещала. – Вайю – это промежуточный мир, где мы сейчас находимся. Изначально Вайю был божественно пуст, но осколки стали творить его – и сотворили! Каждый, самый малый, сделал себя как бы дверью, через которую в Вайю шла энергия проявленного мира. И вокруг Вайю стала расти пирамида.

Энергия проявленного мира здесь преобразуется в энергию времени. Понятно?

– Уже нет, – честно признался Сережа.

– Осколки Первичного неба хранят память о нем! – проповедница стала заводиться. – Оно состояло из минералов! Минералы хранят память и пытаются восстановить купол, который охранял проявленный мир от зла – Ангро-Майнью!

– А что такое проявленный мир?

Данка задумалась.

– Ну, точного определения я дать не могу… Мир, который можно потрогать, что ли…

Атлет покачал головой. Еще со времен конструкторского бюро он знал цену обтекаемых определений.

Очевидно, мир Вайю должен был вербовать в свои ряды поэтов, художников и тех благоразумных музыкантов, которые берегут барабанные перепонки слушателей, но никак не технарей, да еще обремененных бицепсами.

– Ладно, потом вернемся к проявленному миру. А что это за шкатулка, ты можешь объяснить? – спросил Сережа.

– Шкатулка – это схема пирамиды. Я бы даже сказала – голограмма пирамиды, – Данка столь отважно произнесла эти странные слова, что Сережа поверил. В самом деле, если камни засасывают людей, если есть Вайю, если там можно напороться на живого флибустьера, почем бы шкатулке не быть голограммой?

– Но, знаешь, я тут не так давно, чтобы все понять, – честно призналась Данка. – Ты спроси Даниэля. Он уже давно, с семнадцатого века. Яшма – вообще из древнего Китая. Там ее звали Ян Тайчжень. Ее обучали даосы. Топаз когда-то был, ты не поверишь, канатоходцем где-то на Востоке. Потом оказался в Иране, бросил семью, ушел к огнепоклонникам… Ты поговори с ним – он много знает.

– Сердолик! – позвал нетерпеливый голос Монбара. – Не слишком ли засиделся твой гость, сударыня?

– Мы ще не раз встретимся, – пообещала Данка. – А теперь – иди, Сереженька, но только поскорее от меня удирай! Не то попадешь под волну радиации. Я теперь – живой прибор доктора Бадигиной. Но в больших количествах я опасна. Во всяком случае, для новеньких…

– Как всегда. Странные дела, – заметил, вставая, Сережа. – Этот, Аметист, в каком виде ушел в камень, в таком и тут разгуливает. А из тебя чудище какое-то сделали. Щупальца, когти…

– Когда ты познакомишься с Изумрудом, то вообще не поймешь, что это такое, – пообещала Данка. – Просто тебе станет

очень светло и хорошо. Сквозь тебя пройдет его свет, понимаешь? Изумруд – командир первого отряда, отряда хранителей изначального и мнимого времен, и он же отвечает за Вечность. Изумруд воплощает эпоху творения – Артезишн. А я принадлежу уже эпохе смешения – Гумезишн. Мой объект – истекшее время, вплоть до раскола Первичного неба.

– Сердолик, время идет, а шкатулка – неизвестно в чьих руках! – напомнил флибустьер.

– Представь, что купол – из очень тонкой пленки, и выбегай! – приказала Данка. Руки выкинь вперед и, когда коснешься купола, просто упрись и резко разведи их в стороны. И – беги, пока ноги несут. Я бы не хотела накрыть тебя радиацией. Ну?

Сережа сделал с места два прыжка, ударил ладонями в стенку, оказавшуюся довольно жесткой, раздвинул ее – и получил щель, достаточную для того, чтобы проскочить наружу.

– Стой, стой! – закричал ему вслед Монбар. – Все не так страшно, сударь мой!

– Чего уж тут страшного… – проворчал Сережа, успевший отбежать довольно далеко. – Всего каких-то двести миллирентген…

Монбар вразвалку пошел за ним следом.

– А где моя бабка? – спросил атлет.

– Бабку пока забрала Яшма. А нам, сударь мой, поговорить о деле надобно. Где ты оставил шкатулку с камнями?

– Да что это за шкатулка такая? – возмутился Сережа. – Почему из-за нее столько суеты? Данка вообще ее голограммой назвала!

– Голо?… – флибустьер помотрел на атлета очень подозрительно. – Сейчас я тебе попроще растолкую. Если ты со своим аббатом читал Библию…

– Не читал.

– Чему же тебя тогда учили? – удивился флибустьер. – Тут у меня ее под рукой нет, да, наверно, я и так обойдусь.

Сев на песок, он принялся чертить пальцем.

– Когда Моисей вывел свой народ из плена египетского и сорок лет водил по пустыне, ему открылись многие тайны, – начертав пальцем квадрат и деля его на девять клеток, – сказал Монбар. – И в том числе – такая тайна, которую он и не осознал толком. А понял лишь, что узрел нечто великое и священное. Представь, что взобрался ты на самую высокую мачту, глядишь с нее вниз и видишь вот такую штуковину…

Флибустьер изобразил пирамиду, как ее принято рисовать в учебниках геометрии и стереометрии.

– И смотришь ты на нее вот отсюда, малость слева, так что видна и вершина, и все четыре угла, и даже просвечивает кое-что… Не знаю, откуда Моисей увидел это диво, но именно его попытался увековечить на наперснике своего брата Аарона, которого поставил первосвященником. Ибо знал, что в нем – великий смысл. Вот он, наперсник…

– Тут девять клеток, а в наперснике – двенадцать камней, – вспомнил Сережа.

– Не двенадцать, а девять камней имеют главный смысл, – сказал Монбар. – Если исправить ошибки, связанные с тем, что Моисей дал камням знакомые ему названия, а вообще-то в них плохо разбирался, то выйдет вот что: в первом ряду – красный Сердолик, он же – карнеол, желтый Топаз и зеленый Изумруд. Во втором – Рубин, тоже красный, но с лиловым отливом, голубой Сапфир и Алмаз, в третьем – темно-алый Гранат, серый узорчатый Агат и лиловый Аметист, то есть – мы с тобой.

Сережа недоуменно покосился на него, и флибустьер прекрасно это видел, но ничего не стал растолковывать.

– Эти камни – главные в шкатулке и на том наперснике Аарона. Хризолит, Оникс и Яшма для нас пока необязательны. Если наперсник первосвященника лишить их, ничего не изменится.

– Ну, ладно, – позволил Сережа.

– Девять камней образуют квадрат, который лишь кажется двухмерным, – продолжал Монбар. – Он по сути своей трехмерен и являет собой пирамиду. По углам: камни четырех отрядов – хранителей времени. Сердолик, Изумруд, Гранат и Аметист – командиры своих отрядов. Вершина пирамиды – изначальный камень Рубин. Он – из вещества изначального Неба. Рубин пронизывает пирамиду насквозь, а ему отвечает Сапфир. Сквозь их взаимодействие виден – Алмаз, Законодатель. Все очень просто.

– Действительно, просто, – согласился Сережа. – И из-за этой схемы чуть было не убили двух человек?

– Из-за нее убили куда больше, – отвечал флибустьер. – Конечно, меня трупами не испугаешь, но если бы ими можно было завалить дорогу, ведущую к тайне пирамиды Вайю, уж я бы не поскупился! Я бы только позаботился, чтобы их умертвили безболезненно, или, во всяком случае, без избыточных страданий.

– Погоди! – не то чтобы воскликнул, столь явно выражать удивление было не в его привычках, а просто чуть громче сказал Сережа. – А как же пленники, которым вспарывали животы, конец кишки прибивали гвоздями к дереву, а затем тыкали его горящим факелом под зад, чтобы он бежал, а внутренности

разматывались? Разве не по твоему приказу?…

– А откуда тебе, сударь, про сие известно стало? – возмущенно перебил его флибустьер.

– Из книги.

– Я и не сомневался, что про меня напишут книги. Не соизволил ли ты обратить внимание, кто тот писака?

– Не соизволил, – буркнул Сережа. И впрямь – не до автора ему было.

– Клянусь честью – испанец!

– Почему испанец? – опрометчиво спросил Сережа.

– Потому что я мстил испанцам! – зарычал Монбар, да так, что человек впечатлительный невольно при этом рыка увидел бы у него в руках абордажный крюк, саблю, мушкет и два пистолета, все вместе. – Испанцам не место на свете – и я их истреблял! Я избавлял от них человечество!

– Выходит, ты лучше всего человечества знаешь, что для него необходимо, а что – лишнее? – очень довольный этим шумом, поинтересовался Сережа.

– Потому-то я и стал Аметистом, сударь мой! Полагаю, и ты не хуже моего можешь держать речи о том, что необходимо, а что – излишне, – отрезал флибустьер. – Ну так вернемся же к шкатулке! Где ты ее оставил?

– Нас с бабкой загнали в тупик, – Сережа мучительно вспоминал план виллы. – Там было одно окно, смотрело не на шоссе, а в сторону… не в сторону города, это уж точно… Я решил уничтожить содержимое шкатулки и поставил ее на подоконник. Тогда камень и раскрылся.

– Нужно забрать ее у тех людей и спрятать так, чтобы с собаками не найти, – распорядился Монбар. – Я имею в виду не тех кудрявых шавок, которых знатные дамы берут с собой в постели, а настоящих боевых псов, обученных охоте на людей. В свое время испанцы немало их воспитали на Эспаньоле…

– Почему за этой шкатулкой так охотятся?

– В руках у черных магов она – сильнейшее оружие. Камни в ней подобраны так, что наилучшим образом олицетворяют пирамиду, а власть на пирамидой – это власть над энергией времени и над множеством иных энергий, – флибустьер, говоря об этом, был мрачен, как туча. – Когда эта шкатулка случайно попала мне в руки, камни были разрознены, но у них есть особое свойство – они как бы диктуют свое правильное положение, и это скверно. Маг, который зачаровал их и наложил на них это заклятие, наверно, уже лет пятьсот как жарится в аду! И ведь он подобрал только самые старинные камни! В мое время уже никому бы не пришло в голову делать изумруд, даже скверный

изумруд с трещинами, кабошоном. Его бы раскололи и гранили таблицей. Так что, брат Аметист, придется тебе на время вернуться туда и забрать шкатулку.

– Может быть, стоит выждать? – спросил Сережа. – Ведь она в руках не у каких-то магов, а у хозяина обычной полууголовной фирмы. Вряд ли он что-то понимает в энергиях и тому подобном… К тому же религия у него не та…

– Я кое-что объясню тебе, – сказал флибустьер. – Когда к нам попала Дана, она всей душой сопротивлялась и поставила сильные блоки. Она не понимала, что с ней происходит, и боялась раскрыться. Это случается с каждым, кого призывает Сердолик, камень яростный и страстный. Ей удалось ненадолго вырваться, она ослабила сопротивление и опять попала в Вайю. Но на сей раз нам удалось донести до нее смысл пирамиды. Она рассказала, как угодила к нам в первый раз, где оказалась потом, и многое прояснилось. Мы ведь знали, что со шкатулкой неладно, мы только не могли помешать грабителям.

– А если бы вы взяли шкатулку сюда?

– Невозможно. Она должна быть там. И если бы еще кто-то собрал старинные камни, сложил их нужным порядком и заклял сильным заклятием, – те камни действовали бы точно так же и служили воротами для энергий, идущих из Вайю в проявленный мир и из проявленного мира – в Вайю. А не бывает ворот, которые были бы только с одной стороны и отсутствовали с другой. Вот почему шкатулка принадлежит вашему миру. Другое дело – ее нужно соблюдать в величайшей тайне.

Сережа задумался.

– Много таких шкатулок? – спросил он.

– Нет, немного. Но для нас каждая важна. Видишь ли, камни привыкают друг к другу и налаживают взаимодействие столетиями. Поэтому теперешние маги ищут уже готовые шкатулки, а не собирают камни, чтобы завещать их правнукам. Поэтому-то мне подчинена Яшма – самая уязвимая во всей пирамиде. Ведь шкатулка может попасть в руки к черному магу случайно, а случайности, сударь мой, по ведомству Аметиста. Ничего, теперь, когда в Аметист вольется и твоя сила…

Он замолчал.

– Никуда моя сила не вольется, – проворчал Сережа. – Шкатулку я вам выручить, так и быть, помогу. И – не более того. А теперь давай оставим в покое эпохи с энергиями. Данку я нашел. С ней все в порядке. А где Майка? Где Наследник?

– Наследник познает себя. Авантюрин – камень странный, непредсказуемый, загадочный. Он изначально был задуман как универсальный соединитель. Однако, хоть он и в моем отряде, я

понятия не имею, какие свойства нужны универсальному соединителю! Но, как твоя жена отозвалась на голос Оникса, как твоя подруга отозвалась на голос Сердолика, так и Наследник услышал зов Авантюрина. Значит, есть в нем нечто, нужное пирамиде Вайю…

– Как только протрезвеет, вы его в этой пирамиде не увидите, – предрек Сережа.

– Если человек ведет себя в проявленном мире странно для соседей, это может означать и то, что его место – в Вайю, – заметил Монбар. – Но ты не думай, что наш мир бесплотен. Нам знакомы страсти, знакома близость, а соблазны – вот они, сударь мой, соблазны, которые нужно держать в узде!

Флибустьер подбросил в воздух свой рдеющий шар.

– Вот оно, лишнее, отсекаемое… – он хотел было продолжать гневную речь, бичующую соблазны, но вдруг замер, прислушиваясь.

И улыбнулся.

Затем флибустьер протянул свой шар Сереже.

– Ну-ка, сударь мой, попробуй – станет ли это зловредное создание тебя слушаться.

Атлет привычно поиграл грудными мышцами, полагая, что другого ответа не понадобится. Но Монбар и сам был огромен, плечист, мускулист превыше меры, без всяких заграничных протеинов. И шевелением мускулов его удивить было бы странно.

– Меня все зловредные создания слушаются, – облек ответ в слова Сережа. И протянул руки.

Шар приплыл по воздуху, но остановился на расстоянии от ладоней. Сережа мог бы поклясться – шар их обнюхивал.

– У тебя какие-то странные соблазны, – наконец-то удивился флибустьер. – А у меня вот обычные. Но я всегда держал их в узде. Карты я вообще презирал! За всю жизнь я не проиграл и не выиграл ни реала! А у нас на Тортуге могли добычу трех месяцев спустить за один вечер…

– Если вы ходили под Веселым Роджером… – поэтически начал было Сережа, желая свести речь к тому, что атлеты в борьбе с соблазнами не менее доблестны, чем флибустьеры. Но Монбар так хищно оскалился, что продолжать было… ну, не опасно, а – как бы это сказать… нежелательно.

– Веселый – кто? – сердито переспросил Монбар.

– Веселый Роджер.

– Англичанин? Никогда бы не потерпел над собой англичанина, сударь! – флибустьер отвечал весело, но с некоторой угрозой.

– А разве ваш флаг назывался иначе? – Сережа искренне

удивился. Среди немногих исторических реалий, которые он помнил назубок, пиратский флаг с черепом и костями числился самым надежным экспонатом.

– Наш флаг?… – Монбар задумался. – А с чего ты, сударь мой, взял, будто он у нас имелся? Вот уж ненужная роскошь!

Рдеющий шар подплыл к его ладоням, и флибустьер привычно стал его оглаживать.

– А что же у вас было на мачте?

– На которой мачте? – осведомился Монбар. – У меня как-то был двухмачтовый галеон, который мог взять пять сотен человек и семь десятков пушек! Я взял его у испанцев, а к ним он попал от французов, так что я совершил дело, угодное королю и Франции. Были трехмачтовые суда… Но упаси меня Господь вешать на мачты всякую дрянь! Ни к чему это, сударь мой.

– Разве вы вообще без флагов плавали? – Сережа удивился чрезвычайно.

– Ну, в сундуке у боцмана этого добра хватало… – флибустьер задумался. – Но это требовалось для военной хитрости, чтобы испанец принял меня, скажем, за голландца, или чтобы англичанин принял за своего…

Рухнул с высокой мачты пиратского брига великолепный Веселый Роджер, рухнул с треском и грохотом! Сережа даже огорчился – вот и еще один идеал детства оказался фальшивым.

– И ни у кого из пиратов не было своего флага? – расстроенно спросил он.

– Да баловались… Видел я как-то на Тортуге в гавани одного – так у него не флаг висел, а целая картина. На черном поле вышитый белым и золотым человеческий костяк, но вместо черепа чертова морда с рогами. В правой руке какой-то ублюдочный бокал, в левой – не менее ублюдочный гарпун, которым костяк целился в покалеченный поднос, и, надо полагать, единожды в него уже угодил, потому что внизу были вроде бы осколки подноса. Ребята не могли взять в толк – ежели это пьяный китобой буянит в таверне, то кто ж его очистил до костей? На Тортуге славные шлюхи, любого ощиплют так, что держись, но чтобы до костяка? Ну и вышла драка…

– Из-за флага?

– Оказалось, что Черная Борода заказал его по своему собственному рисунку, гарпун ему в брюхо! – воскликнул Монбар. – А когда заказывал, был трезв и предавался раскаянию. Он тогда жену пристрелил, то ли четвертую, то ли пятую, а потом вспомнил, что взял-то ее по любви… И велел изобразить Смерть с песочными часами, которая пронзает дротиком его, Черной Бороды, стало быть, огромное сердце, и три капли крови, тоже

каждая – с его кулак, не меньше. А почему вместо дротика вышел гарпун – так это у него на рисунке и был гарпун, иначе он изобразить не сумел. Ребята с барка «Авантюра» встали за честь флага – тоже дворяне нашлись, за честь флага сражаться! И началась заварушка…

Флибустьер усмехнулся.

– А одной штуке мы от Черной Бороды выучились, – признался он. – Перед боем подвешивать к полям шляпы зажженные фитили для мушкета. И полезно, и для врага устрашающе. Прыгает к нему на палубу сам дьявол с дымящейся мордой!… Про Черную Бороду говорили, что он и есть сам дьявол. А я сказал моим ребятам – не бойтесь, он всего лишь англичанин, просто все англичане – большие причудники. Флаг ему понадобился…

Вдруг Монбар весь подобрался.

– Ты прав, сударь, было у нас одно знамя! Если испанец, на которого мы шли, имел на борту рабов, мы поднимали красный флаг! Это значило – пощады не будет! Но так я в молодости баловался… Потом мне рассказали, что много лет назад ходили здесь под красным флагом какие-то, и ты не поверишь, сударь, что на нем было вышито! Рак! Здоровенный черный рак с клешнями! Но ходили бездарно, не нападали – так, по мелочам пощипывали, если какой жалкий неудачник отстанет в бурю от каравана, да еще потеряет все мачты… Прятались и запасались они на Тобаго и на Тринидаде, а потом их оттуда погнали вместе с тамошним губернатором. Много позже обнаружилось, и откуда эти школяры родом. Знаешь такое герцогство – Курляндия?

– Впервые слышу, – честно сказал Сережа. – Это где?

– А черт его знает! Еще дальше, чем Московия. Вообрази, сударь, жалкие мореходы решили занять место среди предводителей, перед которыми вся Европа преклоняется и трепещет! Им плоты по рекам спускать, а не с порядочными людьми знаться. Так что отказался я от красного флага – еще, Господь упаси, спутают с теми бездельниками.

Флибустьер рассмеялся.

– Чертовы соблазны! – пожаловался он. Кто ж мог знать, сударь мой, что мне суждено бороться с ними вот уж четвертое столетие? Кто ж знал, что мы с вами – Аметисты?

Но Сережа не ответил. Он вдруг принялся перебирать в памяти то, от чего добровольно отказывался. Хотел – а отказался…

И вдруг обнаружилось, что он не хотел ничего такого, что не оправдывалось бы разумом, что нарушало бы здоровье, что вредило росту великолепных мышц…

Очень может быть, что доблестный атлет в эту минуту врал сам себе. Но мимолетных слабостях.

– Ну, ты повозись-ка с шаром, – снова предложил Монбар. – Уйди с ним в себя, что ли, в себе как-то легче беседовать…

Это Сережу заинтересовало.

– Как это – уйти в себя?

– Достань свой аметист, – предложил флибустьер, – и углубись в него. Потом ты научишься представлять себе свой камень так четко, что настоящий уже не потребуется.

Сережа вынул из джинсов аметистовый блин и выложил его на ладонь.

– Гляди, гляди… – голос Монбара был настойчив. – И вот ты уже там!…

Лиловое облако обволокло атлета, он невольно зажмурился, зависнув в этом облаке, а потом коснулся ногами твердой поверхности.

Открыв глаза, Сережа обнаружил себя изнутри аметистового блина и первым делом подумал про зеленых человечков в летающих тарелочках. Только вот его тарелка никуда не летела.

Шар последовал за ним в аметистовый блин, но в руки не давался. Очевидно, присматривался и принюхивался.

Сережа оценил красоту своего жилища. И вдруг присвистнул, осознав, что это – он сам изнутри.

Атлет заметался, ища выхода из себя. Хитрый флибустьер входить-то научил, а выходить – дудки! Сережа обежал помещение по кругу, причем белые пятна вроде и колыхались, однако стенка блина изнутри была не менее тверда, чем снаружи.

Но ведь блин имел отверстие! Это отверстие пронизывало его столбом розовато-серого тумана. Сквозь столб видны были пятна противоположной стены, однако руки он не пропустил.

Сережа стал на колени и сбоку заглянул в темную дырку.

Он увидел полупрозрачный бок лилового шара немалой величины. Переползя чуть правее, он обнаружил, что к тому, первому шару приникает другой. Оба были пусты – или Сережа со своего места просто не мог видеть их обитателей.

Тогда он пополз на коленях, не отводя глаз от меняющегося сочетания лиловых сфер.

– Ни фига себе Вайю… – пробормотал он. – Во блин…

И тут до него донесся голос.

Соблазн расслышать слова оказался до того велик, что багровый шар немедленно подлетел и прилип к затылку. Спразу же не только слух, но и зрение обострилось.

Сквозь блестящую сферу Сережа сперва увидел лежащего человека. Пригляделся – это был Монбар, но не в лиловом

кафтане с оборванными полами, а, кажется, вовсе голый. Кафтан он подстелил, а высокие ботфорты поставил так, что они загородили от Сережи что-то очень важное…

– Если бы мы встретились тогда, мы вместе покорили бы все моря!… – с бешеным азартом и отчаянной тоской по несбывшемуся воскликнул флибустьер.

Не мог же он говорить сам с собой!

Сережа прищурился – и точно, Монбар кого-то обнимал.

– Если бы это было возможно! – точно так же ответил женский голос.

И тут же Сережа разглядел голое согнутое колено.

Данка?!?

Ни фига себе борец с соблазнами…

– Я мечтал о такой подруге, как ты.

– Ты – мечтал?…

В голосе совратительницы слышалось явственное недоверие.

– Да, – сказал Монбар. – Ты не поверишь, но – да! Во всех книгах написано, что я не связывался с женщинами. Сударыня, я видел на Тортуге все, что угодно, только не женщин! Послушай, это смешно, да только ты – первая, чью руку мне захотелось поцеловать…

Данка, опять же с недоверием, уставилась на свою руку.

– Меня мальчишкой отдали в колледж к иезуитам, – продолжал флибустьер. – Мы видели прачек, которые стирали наши простыни, и матерей наших товарищей – в те дни, когда дозволялись визиты. Нет, нам скучно не было, мы даже ставили пьесы – на французском и на испанском. У нас в Лангедоке говорят не так, как в Париже, и Корнель был не менее далек от меня, чем Лопе де Вега. Женские роли играли мальчики.

– И ты тоже? – очевидно, вообразив Монбара в юбке, Данка развеселилась.

– Я рано вырос. Уже в пятнадцать лет я был таким, как сейчас, и растил усы! – похвастался Даниэль. – Кто бы дал мне женскую роль! Героем-любовником я тоже не был – где же видано, чтобы герой-любовник был ростом с Голиафа? Я всегда был соперником. Как-то, не помню уж, в какой пьесе, был поединок. Мой противник выразительно и с большим чувством произнес речь о доблестях испанского идальго. «Ах, ты – идальго?» – спросил я. Этих слов в пьесе не было, но я так ему в тот миг поверил, что возненавидел насмерть. У нас в руках были фехтовальные рапиры с пуговицами.

– Рапиры с пуговицами?…

– Ну да, на кончиках, чтобы отмечать удар, а не наносить его всерьез. И вообще это были скверные рапиры. Я отшвырнул это

издевательство над благородным оружием в сторону, бросился на врага и едва не задушил его. Все актеры выскочили из-за кулис и еле меня оттащили. Я сорвал спектакль и в наказание переписал не помню сколько страниц латинского текста… Проклятые испанцы!

– Ну хватит, хватит, – Данка погладила своего буйного друга по широкой груди, которую даже трудно было бы назвать обнаженной – таким густым черным волосом она поросла. – Ты же не с испанцами, а со мной…

Отродясь не слыхивал Сережа, чтобы Данка с кем-то говорила таким низким, ласковым, обволакивающим голосом. Вот взвизгнуть, как ведьма, – это было в ее стиле.

– Когда мне было шестнадцать лет, иезуиты поняли, что толку от меня мало, – продолжал флибустьер. – Я, видишь ли, младший сын в семье, меня хотели сделать священником, а суди сама, сударыня, каков из меня священник!

Он приподнял левую руку (на правой лежала Данка) и напряг бицепс. Без всяких новомодных методик, а единственно милостью природы, треклятый пират имел мускулатуру, достойную европейских чемпионатов.

– Первая же исповедь, которую мне пришлось бы принять, закончилась бы смертоубийством. Ты не представляешь, каких грехов умудряются накопить за полгода наши фермеры. Я вернулся домой, где решительно не знали, что со мной делать дальше. И тут началась война! Наконец-то я мог сражаться с испанцами! Мой добрый дядюшка Пьер выправил себе каперский патент, обновил команду на своей старой лоханке и собрался к Антильским островам. Впервые в жизни я нарушил закон чести… Я стоял перед ним на коленях, умоляя взять с собой! Я, дворянин!

Сережа беззвучно хмыкнул – вот уж нашел время вспоминать о дворянстве. Но Данка почему-то отнеслась к этому серьезно.

– В незапамятные времена преклонял мужчина колено без позора перед тремя, – нараспев, подчеркивая ритм строк, произнесла она. – Королем, и Богом, и женщиной. А поскольку в те времена честь ценилась превыше жизни, не касалась стройных ботфортов несмывающаяся грязь…

Сережа едва не счел себя дворянином – не нашлось бы человека, способного поставить его на колени, и более того – короля над ним не было, Богу он не молился, перед женщинами тоже не унижался. Он мог преклонить колено разве что перед сломанным тренажером.

– Да… – флибустьер поцеловал Данку в висок. – Он взял меня с собой. Мне было шестнадцать лет и я ничего не понимал в морском деле! Каждый рыбацкий парус я принимал за испанский.

Дядюшка поднимал меня на смех. Он считал себя грозным корсаром, потому что ходил до берегов Туниса и брал в плен мавританские фелуки. Наконец мы заметили галеон. Дядюшка ничего не сказал мне, но только когда я услышал подозрительный шум и пожелал выйти на палубу, каюта оказалась заперта. Я высунул голову в окошко и услышал это прекрасное слово «абордаж»! Сударыня моя, я чуть с ума не сошел! Они готовились идти на абордаж под водительством дядюшки Пьера! И без меня!

Вспомнив былое возмущение, флибустьер треснул кулаком оземь.

– А ты? – с восхищением спросила Данка.

Восхищение в ее голосе Сережа тоже услышал впервые в жизни.

– Я? О-о! Я был вне себя! Я стал раздеваться…

– Ты хотел пойти на абордаж вплавь? – с неподражаемым наивным восторгом осведомилась Данка. Если бы Сережа не знал про ее воинственные интересы, то, пожалуй, и попался бы. Именно таким голоском несли заведомую чушь толстушки в зале, давая ему возможность блистать познаниями, и тогда-то он был им благодарен за дурацкие вопросы, а теперь вот призадумался…

И все яснее делалась для него ужасающая истина – Данка влюбилась в волосатого, примитивного, свирепого пирата. А он распускает перед ней хвост, что, если вдуматься, очень дурной признак. Чего доброго, сейчас они и до бракосочетания договорятся…

Ведь эта дура, эта ведьма, эта интриганка дала слово выйти за первого, кто вслух попросит ее об этом!

Сережа никогда не одобрял Данкиного вкуса. Один Маркиз-Убоище чего стоил… Но Маркиз-Убоище был цивилизованным человеком и, если не давать ему выпивки, мог еще исправиться. И жил в цивилизованном мире. И, если поднажать, мог бы даже согласиться раза два в неделю посещать тренажерный зал…

– Вплавь – на абордаж? Да нет же! На мне был бархатный кафтан, который не прошибить мушкетной пулей! Я знал, что если не сниму его – то застряну в окне и буду там болтаться, как куропатка в силках! Я сбросил чертов кафтан, сделал попытку – и оказалось, что отрастил чересчур широкие плечи. Знаешь ли, как я поступил?

– А как можно поступить в безвыходном положении? – даже приподнявшись от волнения, да еще заглядывая флибустьеру в веселые черные глаза, спросила Данка.

– Безвыходное? Сударыня моя, для кого-то другого, не для Даниэля Монбара! В каюте была бутыль с дядюшкиным целебным маслом, которым он растирал себе поясницу. Я разделся до

подштанников и весь натерся этим мерзким маслом. Только так я протиснулся в окно и выкарабкался на палубу. Мои руки скользили, я еле удержался – но подтянулся и вылез. Тут только я понял, как мне повезло. Окно было по правому борту, а мы подошли к испанцу левым бортом, и дядюшка Пьер уже орал как сам дьявол, посылая ребят на абордаж! У меня не было времени искать штаны – я выхватил у дядюшки из рук шпагу и заорал еще почище! «Бей испанцев! – орал я. – Слава королю!»

– Тебя же могли покалечить! – так и ахнула Данка.

– Меня приняли на выходца из ада! – похвастался Монбар. – Испанцы клялись, что черный дьявол возглавил французов, потому что людей такого роста и с такой глоткой не бывает. Они растерялись – а мои люди кинули абордажные крюки и оказались на палубе галеона раньше, чем испанцы успели произнести «Мой Бог!» Схватка была бешеная, но короткая. А потом, когда мы выкинули с галеона за борт все лишнее, ко мне подошли дядюшка и Жак-бретонец, который ходил с корсарами лет двадцать, никак не меньше. «Ты был прямо как архангел с мечом!», – воскликнул Жак, а дядюшка погрозил мне кулаком. «Архангелам штаны не полагаются, – сказал он, – и сапоги тоже. Но тут не райские кущи, так что будь добр, оденься. Твоя мать никогда не простит мне, если ты во время плаванья простудишься». Мне принесли одежду и дядюшка, словно с равным, стал обсуждать со мной, куда мы пойдем сбывать добычу. А выбора особого не было – все шли в основном на Тортугу, потому что губернатор нас любил. Там я попал в самый гнусный из кабаков, отведал самого мерзкого пойла и лапал самую тощую негритянку, какие только возможны. Наутро я понял, что на ближайшие двадцать лет мне этого с лихвой хватит.

– И ты действительно больше не прикасался к женщинам? – удивилась Данка.

– Я брезглив, – таким тоном, каким принято говорить о докучной хворобе, отвечал флибустьер. – И есть вещи непозволительные. Унизительно для мужчины пить всякую дрянь. Лучше дождись хорошего вина или же пей чистую воду. Унизительно растрачивать себя непонятно с кем. Унизительно давать себя обманывать мошенникам…

– Ты про кого?

– Про шулеров в кабаках. Я не унижусь до крапленых карт, а для них это дело обычное. И человек должен быть строг к себе, чтобы команда позволила ему строгость в приказах. Только тогда подберется такая команда, на которую можно положиться. Когда я подбивал в военный поход буканьеров с Эспаньолы, они знали, что ни вином, ни женщиной меня с толку не собьешь. А мне тогда

было всего семнадцать лет.

Слушать, как треклятый пират распускает хвост перед женщиной – уже было для Сережи достаточно невыносимо. А видеть, с каким восторгом Данка ему это позволяет, – еще невыносимее. Можно было подумать, что впервые мужчина в ее присутствии хвастается подвигами…

Как будто Сережа за все время знакомства по меньшей мере раз в месяц не сообщал Данке, сколько килограммов на штанге и сантиметров в бицепсе прибавил!

Было и другое странное соображение. Раз они с Монбаром оба – Аметисты, то им должны нравиться одинаковые женщины. Данка была для Сережи не женщиной, а чем-то зловредно-непонятным. Как же Монбар-то ее за женщину принял?… Разве не было в Вайю той же Яшмы?…

Сережа, стоя на четвереньках у туманного столба, забарабанил пальцами по полу блина. Очень он был недоволен, оч-ч-чень! Он был готов выйти из себя!

И тут пол под ним разошелся, словно быстро растаял, и Сережа в той же позе оказался на берегу.

Он вскочил – еще только не хватало, чтобы его таким увидели. На всякий случай обернулся – и замер.

Перед ним стоял человек в белой мантии с голубой каймой. И силуэт его тоже был как бы голубой полосой обведен. Мантия искрилась, хотя не было солнечных лучей, от которых ткани полагалось бы играть.

Рост человека был таков, что позволял смотреть сверху вниз даже на Сережу. Он и смотрел, но не в глаза и даже не в лицо, а как бы сквозь лицо.

Сережа расправил плечи, выкатил грудь. Придал себе самую что ни на есть независимо-атлетическую осанку.

Человек в мантии покачал головой.

– Ты слишком много грубой работы выполнял там, – сказал он негромко. – Но ты никогда не знал лени. Это достойно уважения. Ты действительно Аметист…

– А я что говорил, сударь мой?

Сережа резко повернулся.

Монбар, уже в лиловом кафтане, накидывал через голову перевязь своего пиратского тесака.

– Твоя находка, Аметист, – одобрительно заметил человек в мантии – впрочем, человек ли? Черты его лица плыли, двоились, были совершенно неуловимы. А о том, чтобы мужественно встретить его взгляд, и речи не было. Взгляд ускользал и пролетал мимо.

– Это – тот, кто нам нужен, Алмаз. И он, и Сердолик.

Монбар протянул руку – и рдеющий шар, слетев с Сережиного затылка, прилетел к нему.

– А Оникс?

– Не знаю… – флибустьер задумался. – Спроси у Сердолика, Оникс во втором отряде. Что же касается Авантюрина…

– Я знаю, – сказал Алмаз. – Универсальные соединители необходимы, иначе невозможны перевоплощения и переход из одного времени в другое. Как бы ты со своего порога Фрашегирда перешел в Гумезишн к Сердолику?

– Универсальные соединители хотят подменить Рубин и Сапфир, им тоже не терпится пронизать пирамиду Вайю! – флибустьер, очевидно, был не в восторге от персоны Наследника и представлял, сколько от этого алкоголика в Вайю будет беспокойства. – Все они – и Бирюза, и Обсидиан, и Кахалонг, и Гагат, который даже не принадлежит к минералам…

– Возможно, пирамиде Вайю это необходимо… – отвечал Алмаз, и ему даже не потребовалось прятать взгляд он настойчивого флибустьера, неуловимость взгляда была ему свойственна по природе. – А новый Авантюрин имеет определенные способности к контролю над переходом из минувшего времени в настоящее. Вспомни, Аметист, где мы его отыскали. Он же тащил из времени истекшего целую кучу исторического хлама!

– Он ленив, он не знает цену времени, он неспособен сосредоточиться, он не имеет понятия об ответственности, и мозги у него от крепких вин пришли в разжижение! – закричал Монбар. – Если бы отсечь все это!…

Шар между крепких ладоней съежился, словно от страха.

– На то ты и Аметист. Отсекай. Он же формально числится в твоем отряде?

Флибустьер промолчал.

– Твоя беда в том, что ты вечно будешь стоять на пороге эпохи Фрашегирд, – продолжал Алмаз. – И эпоха воссоединения Маздезишн настанет, а ты все еще будешь на страже Фрашегирда, потому что для тебя есть только настоящее, и ты не уловишь минуты, когда оно перетечет в будущее. Ты не увидишь Маздезишна…

– Довольно того, что его уже теперь видит четвертый отряд, – буркнул Монбар. – И никого даже близко к своим знаниям не подпускает.

– Артезишн перетекает в минувшее – в Гумезишн, Гумезишн тянется к Фрашегирду, Фрашегирд завершается эпохой Маздезишн, а если изъять одно из четырех оснований, пирамиде Вайю не быть и Изначальному небу – не возродиться, – строго

сказал Алмаз. – То, что ты возглавил хранителей настоящего, разумно. Воображаю, что было бы, если бы ты по своему разумению принялся отсекать качества и свойства будущего!

Сережа только вертел головой, следя за нитью беседы и пытаясь уловить ее потусторонний смысл. Не все было там внятно, однако атлет внутренне уже встал на сторону Аметиста. Про то, что нужно отсекать излишнее и вредное, флибустьер правильно понимал и говорил.

– Ты – Законодатель, Алмаз, ты несешь к цели и учишь жить без ошибок, – сказал флибустьер. – Но если в основу Маздезишна заложить кучу ошибок, то даже ты ничего уж не исправишь! Кто-то должен сейчас отсечь возможность будущих безобразий, построенных на сегодняшних ошибках!

– Ты берешься судить, что и на чем вырастет?

Монбар почесал в затылке.

– Я не Законодатель, чтобы судить. Мне бы сейчас шкатулку вызволить – чтобы в будущем никто через нее до пирамиды не добрался.

– Вызволяй. Но помни – твое время в проявленном мире истекло. Ты не можешь расхаживать по нему, как по этому берегу.

– Но его-то время не истекло! – Монбар широким жестом указал на Сережу. – Пока он еще окончательно не стал Аметистом, он может ненадолго вернуться.

Очень Сереже не понравилось, что за него тут уже что-то решили.

– Шкатулку я, конечно, вызволю. Но хотелось бы получить информацию…

– Какую? Информация – это по ведомству второго отряда, – ответил Алмаз.

– Сюда, Сердолик! – позвал флибустьер. – Он прав, пусть Сердолик расскажет ему все про этих мерзавцев. Она много видела и поняла. И, кстати, именно она умудрилась позвать на помощь.

Жаркая волна прилетела с неба. Пламенеющий клубок щупальцев медленно опускался на песок.

Теперь Сережа уже знал, как можно в него проникнуть. И, не прощаясь с Законодателем и с флибустьером, разбежался, чтобы проскочить полосу радиации и ворваться в Сердолик.

– Добро пожаловать! – сказала Данка.

Она уже была полностью одета. А физиономия прямо-таки светилась блаженством, до такой степени светилась, что Сережа не мог не вмешаться.

– Ты, я вижу, не теряешься, – сурово намекнул он на роман с флибустьером.

– Ага, – согласилась совратительница. – Я, кажется, нашла то, что мне нужно.

И Сереже сделалось не по себе. Он вдруг сообразил, что у Данки хватит дурости остаться в Вайю навсегда…

– Ты собралась за него замуж? – строго спросил Сережа. – Он предлагал тебе это?

– Еще не предлагал, – честно отвечала Данка. – Но он выяснял, христиане ли московиты. Ему кто-то рассказывал, что в Московии живут язычники и молятся деревьям. Потом он спрашивал, есть ли у московитов обряд венчания. Он человек гордый и не хотел бы получить отказ из-за…из-за…

– … какой-то ерунды? – пришел на помощь Сережа.

– Да нет! Из-за вещей, которые не имеют отношения к его чувствам. Если бы оказалось, что религия встала между нами, словно каменная стена, он бы и не подумал предлагать руку и сердце. Отказ, даже по сверхобъективной причине, для него унизителен.

– Правильный мужчина, – хмуро одобрил атлет. – И ты бы пошла за него?

– Пошла бы я?…

Вопрос Данку удивил. Как если бы Сережа спросил, будет ли она дышать кислородом, будет ли ходить ногами, будет ли смотреть глазами.

– Ты же даже не подумала как следует, – рассудительно сказал Сережа. – Ты не поняла, что ты приобретаешь и чего лишаешься.

– Ну-ка, ну-ка! – будущая флибустьерская невеста оживилась. – И чего же это я лишаюсь?

– Нормального образа жизни, – начал перечислять Сережа. – Всех благ цивилизации. Своего привычного окружения. Квартиры… Работы…

– Квартиры и работы, – повторила она. – Ну, чего еще?

– Вещей…

– Ну, ну?

– Перспектив!…

И Сережа почувствовал, что иссяк.

– Ясно, – подвела итог Данка. – А теперь посчитаем, что я приобретаю. Система «дебет-кредит», так сказать. Давай, начинай! Полагаюсь на твою объективность.

– Ты попадаешь непонятно куда, в какое-то Вайю. Ты занимаешься непонятно чем, куда-то вылезаешь через камни, возишься с какими-то энергиями… Чем ты там будешь питаться – тоже неизвестно! И это ведь – навсегда!

– Вот и замечательно, что навсегда. Сереженька, милый, это

мой единственный шанс на счастье – и ты хочешь, чтобы я добровольно отказалась?

– Да разве в нормальном мире невозможно найти мужчину?! Вот хоть бы у нас в зале…

– Не-воз-мож-но! – жестко сказала Данка. – Потому что в нормальном мире, как ты его называешь, я никому не нужна. Я нужна здесь. Сережа, ты не можешь понять одной вещи – уходя в Вайю, я ничего не теряю! Ни-че-го! Я наоборот – избавляюсь! Ты что, думаешь, если бы у меня был выбор, я жила бы в нашем городе, дружила с нашими женщинами и спала с нашими мужчинами? Думаешь, я была бы клерком в юбке? Да при одной мысли, что я больше не увижу своего коллектива, я готова сплясать вприсядку!

– Похоже, что и они тоже… – некстати буркнул Сережа.

– Естественно! Я не вписываюсь в эту жизнь и никогда не вписывалась. Во мне столько силы, сколько для нее не требуется, вот почему я постоянно сажаю себе на шею всяких убогих. А теперь я нашла для нее применение!

– А если это тебя уничтожит?

– А если я помру от старости?

– А если тебе только кажется, что ты создана для Вайю? А потом эйфория пройдет – и ты запросишься обратно?

Данка ответила не сразу.

И Сереже показалось, что победа замаячила на горизонте.

– Ты сейчас сказал разумную вещь. Но ты так говоришь разумные вещи, что вызываешь желание возражать себе. Ты провоцируешь агрессию, – сказала Данка. – Даже «дважды два – четыре» ты умудряешься так преподнести собеседнику, что сразу хочется ответить тебе: «Нет, пять!»

– Не замечал, – буркнул Сережа.

– Ты уж поверь мне на слово… Я не знаю, что будет. Может быть, моя сила на самом деле невелика и быстро иссякнет. Может быть, ее возьмут для какой-то высшей цели. Не знаю! Но нет такой уважительной причины, по которой я должна была бы вернуться в наш гребаный город и продолжать свою гребаную жизнь!

Данка тряхнула рыжей гривой с таким видом, словно готовилась выхватить из ножен флибустьерскую саблю и кинуться на Сережу, рубя наотмашь!

А у него в голове совершалась сложная и мучительная работа.

Всегда, все тридцать пять лет жизни, Сережа знал лучше всех окружающих, что такое хорошо и что такое плохо. Он каждому мог вполне обоснованно подсказать самый для него подходящий жизненный путь, при условии, что объект будет выполнять

рекомендованный им комплекс упражнений и соблюдать им же рекомендованную диету. Удивительно только, что это приносило так мало пользы человечеству.

Вот и сейчас он твердо знал, что Данке нечего делать в Вайю. И, поскольку жила в нем потребность спасать неразумных и наставлять их на путь истинный, он и постановил спасти Данку любым путем.

Любым?…

Путь был только один.

– Есть такая причина, – сказал он и вздохнул. – Ты согласна стать моей женой?

– Кем?…

– Женой.

– Погоди… У меня что-то с ушами… – потрясенная Данка действительно подергала себя за уши.

– Нет, там все в порядке. Я предлагаю тебе это… руку и сердце.

– Ты???

– Ну, я. Ты же дала слово, что примешь первое серьезное предложение. Ну, вот я его и делаю.

– Ты же терпеть меня не можешь!

– Постараюсь вытерпеть.

– Ты же до сих пор любишь Майку!

Сережа пожал плечами, как если бы это не имело отношения к делу.

– Я не в твоем вкусе!

– С чего ты взяла? – ощущая в собственном голосе фальшь, осведомился Сережа. – Если ты понравилась Даниэлю Монбару, значит, должна нравиться и мне. Мы же оба – Аметисты.

– Рядом с Монбаром я – женщина… – мечтательно произнесла Данка. – Знаешь, как трудно найти такого мужчину, рядом с которым сильная женщина будет не мамочкой, не своим парнем, не сексуальным партнером, а – женщиной?…

– В общем, я делаю предложение, – решительно завершил дискуссию Сережа. – И делаю его первым. Вот так, блин!

Глава четырнадцатая, детективная

Собственно, Сережа услышал от Данки то, о чем и сам догадался.

Фирма, возглавляемая Николаем Юрьевичем, служила для прикрытия и представительства. На ее базе собирались со временем изготовить совместное предприятие. Основные дела делались совсем другой командой.

Самого Николая Юрьевича держали в президентах за вальяжность и умение соблюсти светский тон. К тому же он редко дочитывал до конца те бумаги, которые подписывал. Была и еще одна причина – родственники его супруги, которые успешно богатели, кто – в Америке, кто – в Канаде.

Жить бы да жить Николаю Юрьевичу в таких райских условиях, да случилось недоразумение. Случайный знакомый принял его за реального руководителя фирмы.

Имени этого знакомого Данка не знала. Насколько она могла подслушать, Николай Юрьевич встретил его в Москве и получил странный заказ. Москвич дважды присылал гонцов к Наследнику за шкатулкой, дважды получал отказ, а шкатулку просили достать немецкие партнеры по совместному предприятию. И он выразился примерно так:

– Уважаемый Николай Юрьевич, вы лучше меня свой город знаете. Мне все равно, как ваши люди добудут товар, а я за него плачу прилично.

Вальяжный бизнесмен не стал вслух признаваться, что вся его реальная власть распространяется только на секретаршу Юленьку, потому что сумма показалась ему действительно приличной. И послал за шкатулкой ребят из своей охраны – в числе прочих примет солидной структуры, как-то: мобильников, факсов, компьютера последнего поколения, – ему выдали и вооруженную охрану.

– А теперь представь себе мое положение, – завершила доклад Данка. – Шкатулка ни с того ни с сего оказалась в этом гробу. Выбраться оттуда невозможно. Чего она там ждет – неизвестно. Уже который день за ней никто не является. Время от времени я выбираюсь в буфет и, скрючившись в три погибели, слушаю, о чем говорят в столовой. А говорят хрен знает что! Ясно только, что Николай Юрьевич очень нервничает. Прямо бесится и сцены закатывает! Когда он привез Сашку… ну, отца Амвросия… я сразу поняла, что это – твоя разведка, и дала о себе знать. Понимаешь, даже если бы я оказалась не в буфете, а посреди комнаты с этой шкатулкой, я бы ее не вынесла – меня бы

пристрелили! Тут же в каждой комнате – телекамеры!

– Это – ты, – подвел итог Сережа. – А Майка? Она разве не пыталась выбраться?

– Она же звонила тебе! – изумилась Данка.

– Она была в такой эйфории, что я первым делом подумал о наркотиках… Стой! Как это – звонила?!?

– Очень просто – по мобильнику. Когда она попала сюда, при ней была сумка, а в сумке – мобильник.

– Так это что же?… Выходит, и я ей мог сюда позвонить?

Мысль о том, что достаточно было набрать знакомый номер – и тем избавиться от кучи проблем, оказалась для атлета нестерпима.

– Мог, – согласилась Данка. – Но она бы не ответила. Ей было слишком хорошо, чтобы вспоминать о тебе.

– А что же ты не воспользовалась?…

– Он бы меня не послушался, – и, увидев в Сережиных глазах вполне понятное недоумение, Данка объяснила: – Все предметы Оникса работают на энергии Оникса. Мобильник, попав в Вайю, автоматически перестроился.

– Ладно… – проворчал Сережа. – Но все это действительно было похоже на кайф. Над небом голубым есть город золотой!…

– Есть, – подтвердила Данка. – С прозрачными воротами и ясною звездой. Вот когда удастся воссоздать Изначальное небо – тогда пирамида Вайю станет уже не нужна и преобразится в этот самый город. И все мы поменяемся там местами… Этот город был, он вернется, а особенность Оникса в том, что он не только помнит этот город, как положено хранителю истекшего времени, но все еще живет в нем.

– А что такое – Оникс? – спросил Сережа.

– Такой полосатый камушек из халцедонов. Сардоникс – с бурыми и белыми полосками, арабский оникс – с черными и белыми, карнеолоникс – с красными и белыми. Оникс – вдохновитель. Маленький, неугомонный, шустрый вдохновитель, вроде полосатого котенка. И он всегда в хорошем настроении. Ты видел, чтобы Майка когда-либо дулась больше пяти минут?

– Не видел, – Сережа старался по отношению к бывшей жене быть честным, насколько это вообще возможно.

– Оникс постоянно делится своими идеями и даже объясняет, как их воплотить, но у него самого на это вечно не хватает времени, – продолжала Данка. – Так сказано про Оникс – и разве это не вылитая Майка? Его раньше называли «камнем вождей» – наверно, за то, что он – генератор удачных идей. Жалко только, что Майка с тобой так промахнулась. Именно тебя ей и не удалось ни на что вдохновить.

– А она что – вообще ко мне не выйдет? – поинтересовался Сережа.

– По-моему, она даже не знает, что ты в Вайю… – неуверенно отвечала Данка. – Знаешь, у нее теперь столько хлопот… Я имею в виду – приятных хлопот…

– Так, – сказал Сережа, стараясь не показать обиды. – Ладно. Вернемся к нашей шкатулке. Меня выпустят в этот самый проявленный мир, я возьму ее, вынесу из виллы – что дальше? Я должен буду ее кому-то передать? Куда-то отвезти?

– Сейчас как раз там, наверху, совещаются, где взять хранителя для шкатулки. Но главное – спасти ее. Если она останется на вилле – рано или поздно явится заказчик. А для кого ее украли у Наследника, даже подумать страшно.

– Сердолик, пора! – донесся голос Монбара, и Сережа вдруг вспомнил, что четверть часа назад, спасая Данку от брака с пиратом, сделал ей роковое предложение.

Он поднялся, едва не упираясь головой в красновато-оранжевый сферический потолок Сердолика, где только Данка и могла выглядеть человеком, а не клубком когтистых щупальцев. Положительно, его самопожертвование имело смысл – нельзя же оставлять глупую увлеченную женщину в каменном чулане площадью не более восьми квадратных метров, а иначе ее отсюда не извлечь.

– Скорее возвращайся, – сказала на прощанье Данка.

Она так и осталась сидеть на полу, расчесывая пальцами длинные рыжие кудри, и Сережа подумал, что очень скоро она затоскует о щетке для волос, зеркале и прочих милых излишествах.

Под ударом его ладоней купол разошелся – и атлет вылетел на знакомый морской берег.

Данка же взмыла в сказочно синее небо.

Сережу ждал Монбар.

– Сейчас там, в проявленном мире, уже вечер, – сообщил он. – И шкатулка – не в той комнате, где ты ее оставил, а совсем в другой. Топаз выглядывал, он ловкий, исхитрился.

– Что ж вы сами не можете ее отнести куда следует? – буркнул Сережа. – Раз уж вы такие ловкие?

– А потому и не можем, что наше время только тут длится, сударь мой, а там оно истекло. Выбраться ненадолго, отойти на пару шажков от входа в Вайю не возбраняется. Но ведь нас питает энергия времени Вайю, а не проявленного мира. Как ты полагаешь, почему все мы – такие, какими много лет назад сюда попали? Клянусь рогатым дьяволом, ты даже об этом не задумался!

– Задумался! Когда о Наследнике вспомнил! – Сережа в язвительности не уступил бы любому флибустьеру. – Он же к вам попал пьяный в сосиску! Значит, таким навсегда и останется!

– Во блин!… – осознав непоправимое, воскликнул Монбар.

Сережа покосился на него. Уж чем-чем мог бы он, профессиональный атлет, обогатить Вайю – современными методиками тренировок, к примеру, – но чтобы дурацким словечком?

– Ну, тут пусть Алмаз решает, – флибустьер был настолько озадачен этим сообщением, что даже забарабанил пальцами по рукояти своего пиратского тесака. – Ну, сударь мой, воистину – недоразумение…

– Мне-то что делать? – спросил Сережа. – Между прочим, раз теперь – вечер, то неплохо бы знать, где мои боевые соратники. Я их оставил днем: Лилиану – возле плода покаяния, Маркиза-Убоище – в будке у ворот, а отца Амвросия – вообще неизвестно где. И по нему, насколько я мог понять, стреляли.

– Стреляли, – неохотно согласился Монбар. – Но когда тебя от греха подальше забрали в Вайю, одновременно Алмаз поручил присмотреть за положением дел Гранату. А это – предводитель четвертого отряда, хранитель будущего. Гранат наверняка что-то изменил. Хотя расхлебывать это нам еще только предстоит. Мы не имеем права пользоваться энергиями эпохи Маздезишн, нас к ним не допускают, и мы сами никого не допускаем. Вот если бы не Яшма… Она – во втором ярусе пирамиды Вайю, но через Оникс связана с Хризолитом, а он – в четвертом отряде! Оникс-то одновременно и в золотом городе Артезишн, и в золотом городе Маздезишн! А Яшма таким образом может получить доступ к энергиям будущего, и если опытный маг через нее проникнет в Вайю… Вот дьявол! Совсем забыл!

Флибустьер вынул из огромного кармана, отделанного по краю петлями из потрепанного галуна, нечто, совершенно пропавшее в его ладони.

– Возьми и сунь за пояс, сударь мой. Эта штука плюется энергией. Причем энергией грубой – какая только и годится для низменных физических сущностей в проявленном мире. Очень скоро она тебе понадобится.

Сережа протянул руку за этим удивительным орудием, неизвестно для чего созданным в Вайю. Вот уж здесь-то с кем и ради чего сражаться?…

Оружие состояло из черной рифленой рукоятки и двух торчащих штырьков. Сережа разглядел его внимательнее…

– Как это сюда попало? – с немалым изумлением спросил он.

– Когда началась заваруха вокруг шкатулки, к нам залетело

четверо, – признался наконец Монбар. – Две женщины и двое мужчин.

– Двух женщин знаю, – сказал Сережа. – Если считать Наследника мужчиной, то и его знаю. А кто четвертый?

– Сами бы мы хотели это понять, – проворчал флибустьер. – Но очень уж он похож на испанца… Ты уже представляешь себе пирамиду Вайю?

– Допустим, – и Сережа вызвал перед внутренним взором несложную конструкцию, сверкающую всеми возможными цветами и заключающую в себе промежуточный мир, через которых проходила вверх и вниз энергия многих перечисленных Монбаром времен.

– Четыре основания – это командиры четырех отрядов: Сердолик, Изумруд, Гранат и я – Аметист. Это – первый ярус пирамиды. Мы – бойцы, нас не так просто одолеть. А под нами – второй ярус, целители, соединители, чистильщики, кого там только нет… В шкатулке второй ярус – Хризолит, Оникс и Яшма. С той мачты, на которую Господь вознес Моисея, он именно этот бок пирамиды и видел. Вот Яшма и принимает всякую дрянь и мерзость. А отвечать перед Рубином и Алмазом – мне. Я накрыл это приобретение куполом, посмотрел – энергия грубая и бесполезная, даже для правильного разрушения не годится. Поскольку негодяй ругался и пытался плюнуть в меня комком примитивной энергии, я разоружил его и пинком вышвырнул наружу. Очевидно, в проявленном мире эта штука очень опасна.

– Опасна, – согласился Сережа. – Если подойти к противнику настолько, что можешь почесать его за ухом. Она не плюется на расстоянии. Она как змея – опасна, если может достать зубами.

– Тем не менее возьми, – подумав, велел флибустьер. – И повесь-ка на шею этот свой… как ты его называешь?

– Аметистовый блин, – догадался Сережа. – А как?

Монбар, покопавшись в кармане, достал и тесемочку.

– Пока не научишься постоянно держать его в воображении своем, сударь мой, хоть на груди носи. Потом надобность в нем отпадет. Когда же ты справишься со своим многотрудным делом, сударь мой, то вернешься в Вайю и станешь Аметистом, – сказал Монбар, пропуская шнурок в отверстие и завязывая самый что ни на есть надежный флибустьерский узел.

– Погоди… – тут только до Сережи дошла некая несообразность ситуации. – А ты куда денешься?

– А разве я должен куда-то деваться? – очень удивился Монбар.

– Ну, я стану вместо тебя Аметистом, а ты?

– И я буду Аметистом, – видя, что атлет ничего не понимает,

флибустьер пустился в разъяснения. – Аметистов может быть несколько. Все вместе мы создаем Дух Аметиста. Чем сильнее и ярче каждый из нас – тем сильнее и ярче дух. Тем прочнее держится пирамида Вайю. Я же толковал тебе, сударь мой! Четыре командира держат на себе пирамиду! Мы, Аметисты, отсекаем лишнее – а знал бы ты, сколько лишнего приходит из проявленного мира через прочие камни! Мы лучше прочих знаем, как все должно быть. И такой, как ты, – находка для пирамиды Вайю. Ведь ты – Аметист с рождения, сударь мой!

– Во, блин… – произнес потрясенный этой бурной речью Сережа.

– В ваше время не часто попадаются люди, на это способные, – продолжал отчаянный флибустьер. – А ведь от Аметиста требуется еще и голова на плечах. Если в Вайю допускать что попало и кого попало – добром это не кончится. Мы только-только выстроили пирамиду должным образом, и тысячи лет не прошло, как она стала наполнять свою пустоту силой, но эта сила, сам понимаешь, еще безлика, еще бессмысленна. Если к нам сюда заберется черный маг – он много бед натворит. Они ищут камни, через которые можно добывать силу Вайю, но пока, к счастью, они знают только о силе. Они еще не додумались до энергий, которые пронизывают пирамиду…

Затянув узел что было сил, Монбар повесил диск на шею атлету и пропустил его под свитер.

– Это надо же, – сказал Сережа, потрогав аметистовый блин. – Сразу глаз за него зацепился.

– Иначе и быть не могло. Камень и шар, – загадочно произнес Монбар.

– Где – шар?

– Отверстие – круг, но если диск вращать, то будет шар. Думаешь, что это у меня такое? – Монбар подбросил вверх свой рдеющий шар. – Это те страсти и соблазны, которые следует держать в узде! Ты ведь свои в узде умеешь держать?

– Разумеется! – гордо отвечал атлет.

– Сейчас я наполовину выведу тебя из Вайю. В случае опасности сразу втяну обратно… как матроса за ногу на палубу… Но если опасности нет – действуй на свой страх и риск! И да хранит тебя Богородица Морская!

Флибустьер развернул Сережу спиной к себе, положил ему руки на плечи – и он этих крупных жестких рук пошел легкий холодок, тело словно ветром прошило, и этот ветер раздвинул морской пейзаж, как будто море было нарисовано на двух кусках ткани, и непроглядный мрак оказался за этим театральным занавесом, но за спиной было что-то светящееся.

Сережа чуть обернулся.

Он стоял на ребре огромной многоцветной пирамиды. Слева наплывала зелень, справа – алое сияние. Под ногами была радужная россыпь. Вдруг зрение обрело неожиданную остроту – пирамида оказалась составлена из больших и малых шаров, кубов с закругленными гранями, крестообразных и звездообразных кристаллов. И через мгновение сквозь стеклистую поверхность каждого кристалла обозначились лица.

Десятки лиц составляли Рубин, пронизывающий пирамиду, и десятки лиц составляли отвечающий ему синий Сапфир. Ослепительно белая судейская мантия Алмаза двоилась, троилась, множилась, как будто целое воинство Алмазов несло на своих плечах пирамиду к известной им цели.

За спиной у Сережи, выстроившись клином, стояли Аметисты, и не понять было, который из них – Монбар.

Это видение длилось, пока негромкий голос флибустьера произносил короткое слово:

– Ступай!

И тут же над головой у атлета яичной скорлупой треснула и развалилась надвое черная бесконечность.

Очевидно, именно это ощущает цыпленок, вылупляясь из яйца, подумал Сережа, оказавшись в помещении, которое, по сравнению с вселенским мраком, можно было счесть светлым. И, как цыпленок в момент вылупления имеет дело еще и с влажной пленкой, выстилающей яйцо изнутри, так и Сережа выбрался из Вайю, имея на голове, как восточная красавица, некую бледную вуаль, которая и была сразу же сорвана.

Атлет огляделся – и понял, что угодил в спальню. Но не просто спальню, а идеально приспособленное для сексуальных забав помещение. На огромной постели под розовым покрывалом можно было в футбол играть. У ее подножия лежала шкура белого медведя – возможно, что и натуральная. А сам Сережа сидел на розовом покрывале в куче художественных подушек. Под ними-то и была спрятана шкатулка.

Спальня освещалась лишь тем светом, что попадал в узорно зарешеченные окна, да и то – пробивался сквозь кружевные гардины. В этом свете Сережа разглядел свою вуаль и отбросил ее подальше. Да и что еще мог сделать атлет с паутинной тонкости ночной рубашкой, когда в ней не было телесного содержимого?

Сойдя с царственного ложа, он закрыл шкатулку, сунул ее за пояс и осторожно двинулся к ближайшей двери. Она вела в ванную, которую тоже вполне можно было использовать не по назначению. Вторая дверь открывалась в маленькую комнату неопределенного характера, сквозь которую можно было бы

попасть куда-нибудь еще, если бы не голоса.

Два мужских голоса услышал Сережа, и первый произнес некую укоризненную фразу, смысла которой он не уловил, а кончалась она обращением «Николай Юрьевич».

Сережа вообразил, что почувствовал хозяин виллы, вернувшись домой и обнаружив вооруженную охрану сильно пострадавшей от атаки вампира. Ему даже стало жалко Николая Юрьевича – а еще жальчее сделалось, когда он выглянул в щелку и увидел человека, сидящего на стуле по стойке «смирно» под пистолетным дулом.

Тот, кто нацелил на бизнесмена пистолет, стоял к Сереже боком, и это был увесистый мужчина с кирпичной физиономией. А тот, кто беседовал с несчастным Николаем Юрьевичем, целился в бедолагу не пистолетом, а довольно яркой лампой, так что личика Сережа разобрать не мог.

Бизнесмен, невзирая на бедственное положение, хорохорился.

– И все же я ничего не понимаю, – более чем твердо сказал Николай Юрьевич. – Я послал к этому алкоголику троих человек. Руководитель операции знал, где вас искать. Он получил все инструкции. Я полагал, что шкатулка давно уже у вас, и не беспокоился. А то, что оплата задерживается, я объяснял…

– Я не получил никакой шкатулки, – перебил собеседник. – Незачем рассказывать мне с самого начала то, что я и сам знаю! Я ждал ее четыре дня, как договаривались. Потом я приехал к вам – так? И спросил, в чем дело.

Сереже неудобно было стоять, прилипнув щекой к косяку, и он прислонился к стенке, решив, что смотреть на допрос вовсе не обязательно – довольно и того, что все прекрасно слышно.

– Спросили, – согласился Николай Юрьевич. – Я обещал разобраться. Но моих людей нигде не было. После того, как они побывали у алкоголика, я их не видел. Я полагал, что они уехали! Я строжайшим образом запретил им приносить хоть что-то в офис!

– Выходит, вы не видели шкатулки? – удивился собеседник. – А они вообще-то побывали у алкоголика? Я не могу понять – то ли они морочат вам голову, то ли вы морочите голову мне!

– Вы можете дослушать до конца? – усердно сохраняя светский тон, спросил Николай Юрьевич. – Мои люди побывали у алкоголика. Но, как бы это выразиться… не совсем удачно. В свое время я принял на работу менеджером по безопасности одного опытного человека. Он был уволен по сокращению штатов вы сами понимаете, откуда. Я считал, что мне повезло. Когда вы обратились ко мне с предложением, я дал ему задание. Именно ему, а тех двоих нашел он сам.

– Что значит – не совсем удачно? – осведомился собеседник.

– Это значит, что есть свидетели, – после паузы произнес Николай Юрьевич.

– Свидетели чего?

– Свидетели операции… Нет! Нет!…

Сережа изумился – зачем бы человеку, говорящему столь уверенно, вдруг вопить на манер недорезанного поросенка?

Что-то скрипнуло, что-то со скрежетом проехало по полу, а еще что-то треснулось – надо полагать, о стену.

– Сейчас тут будет еще одна операция, – произнес собеседник неприятным голосом. – Тише вы, лоси. Говорите все как есть!

Очевидно, в комнате был еще кто-то, но молчаливый и до последних секунд неподвижный.

– Да нет же у меня шкатулки! Я понятия не имею, куда она подевалась! – голос Николая Юрьевича сделался плаксив и тороплив до неприличия. – Слушайте, из-за вас я вляпался в какую-то уголовщину! Все было продумано – они должны были дать алкоголику и посреднику снотворное, а потом открыть на кухне газ… Они все это сделали и унесли шкатулку! Ну, и еще кое-что! Мой менеджер – человек опытный, утром он сходил туда послоняться поблизости и проверить – нашли трупы или еще нет. И оказалось, что эти двое выжили! Как – понятия не имею!

– Так… – сказал собеседник. – Алкоголик сразу сообразит, что у него пропало, составит список, сунет сколько надо следователю. Значит, из-за меня вы вляпались в уголовщину и повесили на себя кучу идиотских побрякушек, которые обязательно через неделю выплывут на каком-нибудь блошином рынке? Из-за меня?

– Я не знал, что они прихватят столько всякой дряни, – фальшивым голосом отвечал Николай Юрьевич. – Днем ко мне пришел Дерипаско… мой менеджер…

– А говорили, что никого из них не видели, – с сокрушением отметил собеседник. – Ну, ладно. Когда вся эта хренотень окончится, я сам лично привезу сюда этого траханого алкоголика, чтобы он пальчиком показал, какие штучки – из его коллекции.

– Да не заказывал я им ничего!… – проплакал несчастный бизнесмен. – Только шкатулку! Пришел Дерипаско, объяснил мне, что случилось, и сказал, что должен о себе позаботиться, что уезжает как бы в командировку, как если бы его уже дня два в городе не было… И больше я его не видел!

– Я тоже его не видел… – проворчал собеседник. – Конечно, он не сказал, кого брал с собой на это нехорошее дело, и даже не намекнул, где все барахло, включая шкатулку… Надежный человек, говорите?

– Он всегда казался таким надежным! – уловив в реплике собеседника лазейку для себя лично, воскликнул Николай Юрьевич.

– О нашей договоренности знали только мы двое. Вы со своим менеджером по безопасности тоже без свидетелей беседовали. Если никто из нас не врет – почему через два дня после… ммм… операции ночью ваш офис пытались взломать?

Наступило молчание.

– Это я и сам бы хотел знать! – вдруг бурно и взволнованно заговорил Николай Юрьевич. – Здание круглосуточно охраняется! Вход по пропускам! Ночью еще противопожарная охрана дважды обходит этажи – я за все за это немалые деньги плачу! И утром оказывается, что мой рабочий кабинет разгромлен! Все – вдребезги!

– Не все, а ваш кухонный гарнитурчик, – поправил собеседник. – Без электрической плиты в кабинете вы никак не могли обойтись? Как по-вашему, для чего этому ночному взломщику понадобилось крушить шкаф с посудой? Не знаете? Ну так я знаю!

Он помолчал.

– Сейчас я расскажу вам, как все было на самом деле. Ваш менеджер по безопасности выяснил, что алкоголик с посредником живы, и решил уносить ноги. Последнее, что он сделал для вас, – принес шкатулку. Вы при нем спрятали ее в шкаф над плитой, потому что ключ от сейфа есть у вашего коммерческого директора, и сказали – удирай, дружище Дерипаско… Как его, кстати?…

– Павел Андреевич, – буркнул Николай Юрьевич.

– Саня, запомни. Павел Андреевич Дерипаско удрал – а вы не позаботились, чтобы он удрал с полными карманами зеленых! Он где-то спрятался, ему понадобились деньги – ну, скажем, на новые документы, – и он продал всю историю со шкатулкой! И точно указал на какой она лежит полочке! Вот что произошло, чтоб вы сдохли! И вы у меня сейчас сдохнете! Люди, которые взяли шкатулку, знают, на что она нужна! А вы – старый жирный идиот, способный только раз в неделю трахать секретаршу в этом своем бардачке за кабинетом!

Вот теперь это был уже не просто информированный собеседник, а Собеседник с большой буквы!

Сережа от этой версии обалдел. Уж он-то знал, кто продавил кухонный гарнитур и шлепнулся на плиту! Но вылезать с такой новостью атлет не мог. Он понятия не имел, сколько человек привел с собой собеседник, – а что был он не один, Сережа знал доподлинно. Собеседник сказал «тише вы, лоси». стало быть, не

менее двух… Один плюс два – не обязательно три, может статься, и четыре…

Электрошок, данный Монбаром, был хорош на сверхкоротких дистанциях. Допустим, атлет, показавшись из своего угла, первым делом кого-то вырубит прямым ударом правой, еще кого-то в ту же секунду достанет электрошоком, что будет вовсе неслыханной удачей… Но третий в него выстрелит – и не плевком энергии, от которого за полчаса очухаешься, а какой-нибудь гнусной оловянной пулей-миротворицей, которая вместо того, чтобы честно пролететь насквозь, расплющится о кость с такой силой, что добавки не понадобится – успокоит надолго…

Вдруг совсем раздался шум.

– Молчать! – приказал собеседник. – Если это ваши пришли за вами – вы сейчас же прикажете им убираться.

– Да, конечно.

Лоси – а их, судя по шагам, было более двух, переместились по комнате. дин, привалившись спиной к двери Сережиного укрытия, невольно ее захлопнул.

И тут же раздался выстрел.

– Встаньте, откройте дверь и скажите, что все в порядке, – сказал собеседник. – Одно лишнее слово – вы понимаете?

– Да, конечно.

Сережа мог строить картину происходящего лишь по звукам. Лоси разбежались и заняли оборону, проехал по полу стул – очевидно, встал Николай Юрьевич, – что-то негромко лязгнуло. Похоже, несчастный бизнесмен все это время был в наручниках.

Молчание затянулась. Как оказалось, новые посетители явились совершенно бесшумно.

– Вы кто такие? – изумился Николай Юрьевич.

– Молчать! – ответил ему суровый голос. – Андреич, он тут!

– Вот и ладушки! – ответили издалека.

– Со мной все в порядке, я в безопасности! – завопил Николай Юрьевич, но тут выстрелили – из-за дверей, не иначе, потому что вскрик раздался в комнате, и лоси ответили, и протрещал даже автомат.

Затем в комнате произошла короткая возня.

– Николай Юрьевич, как же вы это? – спросил наиласковейший голос. – Кто эти юноши на полу? Где вы их столько набрали?

– Павел Андреич! Я понятия не имею! Вот это – тот, кому вы должны были передать шкатулку, а они…

– Наш заказчик, выходит? Ребятки, поднимите с полу заказчика. Жив? Жив. Что же вы тут, Николай Юрьевич, оборону от своих держите? От своих ведь? Не-хо-ро-шо. Заказчика на стул,

ребятки. Николая Юрьевича тоже. Этих не трогайте. Уже не помешают. Ну-с, где шкатулочка?

– Это я у вас должен спрашивать, где шкатулка! – голос у Николая Юрьевича прорезался не по ситуации властный. – Вы должны были передать ее вот этому…

– … господину. Давайте договоримся, Николай Юрьевич, – Павел Андреевич пододвинул стул и, надо полагать, сел. – Мы с вами пока что – товарищи, а вот он – господин. Вы знаете, куда он собирался переправить шкатулку?

– Я знаю, сколько он обещал заплатить за шкатулку.

– Погубит нас коммерция… Шкатулку этому господину заказали его партнеры из Германии. И сделали это по-умному – не денег пообещали, а крайне выгодный контракт. И ушла бы наша шкатулочка за границу…

Особенно умилило Сережу, что шкатулка, которую вывез из Германии дед Наследника, которая по праву наследования принадлежала какому-нибудь немцу, а по минерально-энергетическому праву – пирамиде Вайю, вдруг оказалась «наша».

– Павел Андреевич! Раз уж заговорили о коммерции – я мало предложил вам за шкатулку? – очевидно, Николай Юрьевич вспомнил урок своего безымянного, а ныне, похоже, и беспамятного Собеседника. – Да и вообще – я вас в этом смысле обижал? А когда вы пришли и сказали, чем окончилась операция – я разве мало вручил вам, чтобы вас обезопасить? Что за дела?

– Мало, – весомо сказал Павел Андреевич. – Чтобы купить совесть патриота – мало!

«Совесть патриота» и «наша» – это было уже кое-что. Сережа потрогал рукоятку электрошока. Лучше бы, конечно, хоть плохонький автомат, но если выскочить неожиданно – и это сойдет.

– С чего вы взяли, что я вашу совесть покупал? Делать мне больше нечего? – Николай Юрьевич никак не мог взять в толк, зачем эти возвышенные речи.

– Да, вы не совесть мою покупали, – трагически согласился Павел Андреич. – Вы отчизну продавали.

«Еще того не легче!» – подумал Сережа. С какого же боку к шкатулке отчизна пристегнулась?

– За полтора месяца до начала избирательной кампании вы передаете за границу доверенную вам шкатулку невыразимой ценности! Да понимаете ли вы, что если они там, у себя в Америке, получат эту шкатулку, то через нее будут влиять на политическую ситуацию в стране?…

Что-то такое выплыло из Сережиной памяти – но из очень уж давних пластов и слоев.

– Какая Америка? Вы же сами сказали – Германия!

– От Америки до Германии – один шаг! – сообщил Павел Андреевич. – Я имею в виду – политический. Итак – когда я пришел рассказать вам о нашем проколе, то из рук в руки передал шкатулку…

Сереже стало интересно.

– Ну, допустим.

– Вы спрятали ее в кухонный гарнитур.

– Что из того?

– А потом инсценировали взлом кабинета!

– Да не ломал его никто! – завопил Николай Юрьевич. – Сколько можно повторять!

– Картина ясна. Не придуривайтесь. Сейчас я расскажу вам, как все было на самом деле?

«Еще один рассказчик попался» – подумал Сережа.

– Вы купили одного из моих людей, Елисеева. Когда вы это успели сделать и что вы ему пообещали – не знаю, но он согласился с вами сотрудничать и сообщил план действий. Когда мы в квартире у объекта усыпили его и посредника, то этот человек сам вызвался пойти на кухню, инсценировать выкипание кофе и включить газ. Естественно, я его проверять не стал. Затем вы, твердо зная, что свидетели нашей операции живы, сели ждать меня со шкатулкой. Вы заранее приготовили деньги, чтобы спровадить меня в другой город и безнаказанно распорядиться шкатулкой. Но я, к счастью, успел разгадать ее загадку! Я оставил шкатулку у вас только для того, чтобы связаться со своим руководством и получить инструкции…

«Так вот кого пинком вышвырнули из Вайю!» – догадался Сережа. Действительно, этот любезный товарищ вполне мог носить при себе не пистолет, а электрошок, дамскую игрушку, в умелых руках – хорошее средство от тупого молчания…

– Что вы мне сказки рассказываете! – возмутился Николай Юрьевич. – Поставьте меня нос к носу с Елисеевым! Пусть скажет эту чушь мне в глаза!

Очевидно, Павел Андреевич уже несколько лет был в подчинении у Николая Юрьевича – и тот, бедняга, никак не мог этого забыть, даже сидя прикрученным к стулу и ощущая ямочкой на затылке пистолетное дуло.

– Вот, вот! «К носу с Елисеевым!» – передразнил менеджер по безопасности. – Давайте сперва его поймаем, а? В общем, если хотите еще немного пожить – скажите, куда вы спрятали шкатулку. Судя по тому, что этот господин здесь, и шкатулка – где-то поблизости. Он же не для того пришел, чтобы побеседовать с вами об антиквариате.

– А если он пришел за шкатулкой, то зачем ему понадобилось меня наручниками к стулу прицеплять? – Николай Юрьевич уже терял всякое соображение. – Что я – со стулом поползу к тайнику и зубами его открою?

– А это, Николай Юрьевич, коммерция, – объяснил Павел Андреевич. – Не сошлись в цене, продолжили дискуссию вот таким образом… Лешка! Что у тебя там?

Сережа услышал очередные выстрелы. Что-то, судя по шуму, сорвалось из-под высокого потолка и треснулось оземь. Может быть, штанга с десятиметровой портьерой – кто ее знает, как она должна греметь при падении…

– Мать твою!… – воскликнул Павел Андреевич. И стрельба стала куда громче. Очевидно, бой шел уже в самой комнате.

Прошив дверь, пуля влетела в Сережино укрытие.

«Во блин» – подумал Сережа и лег на пол.

– Получи, сука! – вмешался вовсе уж незнакомый голос. – Ребята, кажется, успели!

«Кто успел? Куда успел?» – спросил сам себя Сережа.

– Николай Юрьевич, он вас не тронул? – незнакомый голос был полон заботы. – Во, блин, сколько народу положили! Неужели это все мы? Раз, два, три, четыре, пять… шестой! Ребята! Тут у нас похороны на шесть персон!

– Развяжи меня, Елисеев! – взмолился Николай Юрьевич.

– Развяжу – только вы сперва скажите, куда этот гад Дерипаско шкатулку подевал.

Судя по голосу, Елисеев был молод, здоров и полон оптимизма.

– Не знаю!… – простонал связанный бизнесмен.

– Как это – не знаете? Да вы говорите смело – он сейчас если что от кого и услышит, так разве что от святого Петра у райских врат.

«Грамотный попался» – подумал Сережа.

Кто-то вошел в комнату.

– Все чисто, Шура, – сказал этот человек. – Ребята взрывчатку закладывают. В подвале тут у них баня с бассейном – ну так туда, чтобы дом сам в себя провалился. И шито-крыто.

Сережа понял, что пора уносить ноги.

– Ну вот, слышите, Николай Юрьевич? – Елисеев, коли судить по интонации, даже подмигнул. – У меня ребята со стажем. Вы же не хотите, чтобы вам на голову рухнула ваша собственная крыша?

– Уже рухнула, – отвечал бизнесмен.

– В смысле потолка! Не в смысле нас! А это – кто?

– Это, Елисеев, заказчик, – сказал Николай Юрьевич. – Президент совместного российско-германского предприятия.

Московский гость. По-моему, он еще жив. Он тоже пришел у меня шкатулку требовать. А я понятия не имею, куда она подевалась!

– Интересная компания, – заметил Елисеев. – Вовчик, вот это – при пожаре выносить в первую очередь. Он нам еще пригодится.

– Вместе со стулом? – осведомился Вовчик.

Этот глуховатый голос Сережа узнал безошибочно. И век бы его не слыхал! Вовчик тоже готовился к чемпионату, собирался выступить в той же весовой категории, был примерно того же роста, но зарабатывал куда больше – так что мышцы, вскормленные не эстонским, а американским протеином, бугрились у него куда рельефнее Сережиных.

– Давай со стулом. А то отвязывать, привязывать… морока! Значит, говорите, Дерипаско еще никуда ее не подевал… Вот и прекрасно. Она ему ни к чему. Он был старый дурак, Николай Юрьевич, о политике тосковал. А мы с вами умные люди. Вы мне – шкатулку, а я вас отсюда выпускаю в целости и сохранности, даже ребята помогут ценности вынести.

– У меня нет никакой шкатулки, Елисеев.

– Ну, зачем же вы так, Николай Юрьевич? – прямо по-детски огорчился Елисеев. – Заладили – нет да нет. Может, вы ее и в глаза не видали?

– Видал, – согласился бизнесмен.

– Это уже кое-что. Ну, чтобы вам не мучиться, давайте сделаем так. Сейчас я расскажу вам, как все было на самом деле!

Кулаки Сережины сами собой сжались. Искатели шкатулки не радовали оригинальностью подхода к жертве.

– А было так. После той ночи, когда неизвестный идиот разнес вдребезги ваш итальянский гарнитурчик, утром первой пришла Юленька.

Поскольку обычно именно секретарш вся контора зовет так ласкательно, Сережа понял – как раз Юленьку имел в виду почти бездыханный собеседник, когда намекал на секс раз в неделю.

– Юленька увидела этот кошмар и сразу принялась звонить в охрану. Потом она подошла поближе, чтобы оценить убытки, и увидела на электрической плите раскрытую шкатулку. Там было двенадцать круглых камушков. Она догадалась, что это вы от кого-то спрятали шкатулку, и унесла ее в кабинет номер шестнадцать-двадцать. Чтобы отдать вам, когда вы придете. Но вас с утра не было, а для Юленьки молчание – ну, как в поговорке: хотела баба смолчать, да не знала, с чего начать. И она позвонила своему лучшему другу, своему самому надежному поклоннику, своему самому регулярному мужчине! И рассказала ему все подробности. Я, как вы понимаете, сразу узнал шкатулку…

– Так это ты – регулярный мужчина? – спросил Николай Юрьевич и, не дождавшись ответа, сказал со вздохом: – Вот стерва!…

– И я попросил ее приберечь пока шкатулку. Мол, знать не знаю, ведать не ведаю, спрашивайте у того, кто устроил этот разгром. Она так и сделала. Обломки на плиту сложила и дверцы закрыла. А днем в офисе появилась некая дамочка, такая маленькая, черненькая, и неизвестно, зачем пожаловала. Вроде бы сестру ищет, вроде бы сестренка на днях пропала, а собиралась сюда, на шестнадцатый этаж, по каким-то делам – и это все, что известно. Дала словесный портрет. Юленька ей, конечно, отвечает, что такой тут не было, а в это время как раз пришли гарнитур чинить. Юленька открыла дверцы, повернулась ненароком – а дамочка прямо собачью стойку на эти дверцы сделала. Ага, думает Юленька, что-то тут не так. Вы, Николай Юрьевич, присмотритесь к девочке, она ведь не только это самое умеет…

– Без тебя знаю, – огрызнулся бизнесмен.

– И предложила она этой дамочке белье купить. Для себя брала, но вот что-то не в кайф. Запустила ее в комнату шестнадцать двадцать, для примерочки, и – дверь на ключ! Позвонила опять же мне. Говорит – приезжай, а то тут дверь ходуном ходит, того гляди, с петель сорвется. Я примчался. Интересно же! Ребят с собой взял. Прибыли на шестнадцатый, вошли – дверь не шелохнется. Отперли – а там, Николай Юрьевич, а там? Как бы вы думали?

– Перестань ты выделываться, Елисеев.

– Вот именно – а там пусто! Юленька следом за нами вбежала – где шкатулка? Нет шкатулки! Я ребятам – руки вверх, говорю, и сам тоже поднял. Смотри, Юлька, говорю! Смотри, пока мы здесь! Сзади, спереди, хоть в жопе! Шкатулку-то так просто не спрячешь, она хоть невысокая, но широкая. Юлька нас ощупала – нет, говорит, ваша совесть чиста, давайте искать! Мы всюду заглянули, стали стенки простукивать. Ведь должен же быть ход! Николай Юрьевич, теперь-то уж что скрывать? Скажите прямо – это ведь в полу был люк, да?

– В башке у тебя люк! – озлился бизнесмен. – Канализационный!

– А вот это вы напрасно. И дуру эту за шкатулкой присылать вам не следовало.

– Я прислал эту дуру за шкатулкой? – судя по голосу, Николай Юрьевич ушам своим не поверил.

– А кто же еще знал, что у вас в комнатке шестнадцать-двадцать потайной ход? Юленька не знала, я – не знал, покойник

Дерипаско – и тот не знал! С ремонтной бригадой вы лично разбирались, из своего кармана за что-то приплачивали. Ну, так что же это такое было? Ведь люк, правда? Скажите лучше по-хорошему, Николай Юрьевич. Ну, что еще?

– Порядок, Шура, – Сережа узнал голос незнакомого подрывника. – Давай собираться понемногу. Ребята уже взяли что надо.

– Главного не взяли, – возразил Елисеев. – Николай Юрьевич, это не шутки – вы через четверть часа в космос взлетите, прямо на орбитальную, вместе со стулом. Где шкатулка? Я же знаю, что она здесь! Вовчик, глянь-ка, что там за стук.

– Нет здесь никакой шкатулки! – прямо-таки взвыл бизнесмен.

– Есть, Николай Юрьевич, – Елисеев был упрям. – Ну, подумайте сами. Если вы нам ее не отдадите – летать вам под облаками. А если отдадите – и мы на ней поднимемся, и вы – с нами вместе. Вы же – наш кормилец-поилец все-таки.

– Как вы собираетесь подняться при помощи этой траханной шкатулки? – спросил Николай Юрьевич.

– Ну, Дерипаско же собирался! А он голый вассер не варит! Знал, значит, ее цену.

Когда снова раздались выстрелы, Сережа уже не удивился. Он удивился бы, если б Николай Юрьевич признался наконец, где это загадочное сокровище.

– Шурка, черножопые! – крикнул Вовчик.

Елисеев выразился в том смысле, что имел он очередных гостей противоестественным способом в особо извращенной форме.

– Да отвяжите же вы меня! – потребовал Николай Юрьевич. – Елисеев! Если меня убьют – вы вообще ничего не узнаете!

– Это что за дверь? – спросил Елисеев. – Вот туда вас… Вовчик – туда его со стулом вместе!

Сереже вовсе не улыбалось, чтобы вооруженная рэкетня застукала его тут со шкатулкой вместе. Вовчик распахнул дверь и поволок стул вместе с привязанным бизнесменом. Из противоположной двери, очень вовремя распахнувшейся, ударил веер пуль.

Одновременно Сережа прикоснулся к мощной лапе Вовчика штырьками электрошока и нажал на спуск. Гигант повалился, увлекая за собой стул.

«Ну вот, еще и коллегу спас» – подумал Сережа. Действительно, за те полчасика, что Вовчик будет валяться в беспамятстве, еще многое может случиться. Очередные нападающие примут его за честный труп. А когда он оклемается –

авось и опасность минует.

Кто-то прокричал что-то, но на таком хрипло-стремительном языке, что Сережа не смог бы повторить даже два слога. Ответили примерно так же. Еще две автоматные очереди перекрестили пол. А потом вошли трое – действительно смуглые до черноты. Один сказал другому нечто невнятное, а затем обратился к подошвам Николая Юрьевича, который вместе со стулом барахтался на полу:

– Коробка давай, да?!

Тут они увидели Сережу.

Атлет стоял, как бы по колено в трупах, выставив вперед совершенно бесполезный сейчас электрошок.

Возможно, ему удалось бы вступить в мирные переговоры с воинственными абреками, но Елисеев, рухнувший одновременно с Вовчиком, как оказалось, был жив и готов к бою. Он дважды выстрелил – и одна пуля повалила первого абрека, а вторая достала второго.

Сережа окаменел – вот сейчас и на его долю найдется кусочек свинца, олова или еще какого неблагородного металла… девять граммов в сердце… и хорошо, если сразу – в сердце…

Аметистовый блин на его груди шевельнулся, словно волоски, столь ценимые в мужчинах сексуально настроенными женщинами, вдруг встали дыбом и приподняли его. А затем на месте блина почему-то сделалось жарко.

– Ва-а! – заорал уцелевший абрек и выстрелил в упор.

Пуля должна была войти Сереже аккурат в середину груди. Однако ударилась о что-то звонкое и отлетела, рикошетом повредив третьего абрека с автоматом, не вовремя заглянувшего на этот вопль в комнату. Что-то снизу подтолкнуло Сережу в античный подбородок.

Он опустил взгляд – и увидел, что на груди у него вырос бюст!

Не совсем такой, какой положено иметь женщине, то есть, не раздвоенный, а какой-то цельнолитой, однако поразительной округлости! Этот неожиданный бюст натянул свитер, рванулся – и выплыл в дырку.

Был он с атлетическую голову размером, гладок, багров, медленно вращался…

Сережа узнал тот шар, символом которого Монбар считал дырку в аметистовом блине.

Шар поплыл по комнате, снижаясь и задевая лежащих.

Сережа глазам не поверил – покойники стали оживать! Все, кроме Вовчика. Стали приподниматься, открывать глаза, тянуться руками вслед рдеющему шару, бормотать. Сережа прислушался –

бормотали матерно…

– Уходи отсюда, – раздался голос Монбара. – Здесь, сударь мой, похуже, чем на фрегате д\'Олоннэ, а уж это был мерзавец редкостный и команду подобрал себе под стать.

Сережа попытался приподнять Вовчика. Полтора центнера вскормленной дорогими протеинами массы прилипли к полу намертво.

– Блин… – проворчал Сережа. – Может, за ноги его тянуть? А оставить нельзя.

– Он тебе очень нужен? – осведомился Монбар.

– Он у меня в зале качается, – сказал атлет, не сразу сообразив, что зал для флибустьера – место, где танцуют или играют в мяч.

– Прикажи шару, чтобы слушался тебя, – посоветовал Монбар. – И шар его поднимет.

Сережа понятия не имел, как приказывать воплощению мирских соблазнов.

– К ноге! – неуверенно позвал он и похлопал себя по бедру.

Шар завис, как бы прислушиваясь. И тут же к нему на коленях поползли телохранители Собеседника, патриоты Павла Андреича, рэкетиры Елисеева, абреки кавказской национальности, и сперва на едином дыхании, а потом уже и на разные голоса затрепетало в воздухе томное «Дай!…»

К шару тянули руки, шар пытались оглаживать – но так, как если бы он имел фигуру гитары, губы шевелились, глотая незримый напиток, бедра колыхались, соприкасаясь с телами незримых женщин…

– Да-а-ай…

Один парень качался всем телом влево-вправо, держа перед собой незримую подругу, но почему-то кулаками. Сережа от такого способа секса обалдел, но ненадолго. Он понял, что парню не женщина требуется, а руль гоночного автомобиля.

– Да-а-ай!…

– Сюда, ко мне, – Сережа протянул руки, как бы желая взять шар за рдеющие бока. Тот, видимо, признал повадку Аметиста и поплыл к растопыренным ладоням, но вдруг резко взмыл вверх и оказался так близко к глазам атлета, что застил все на свете.

Не бабу и не чемодан баксов увидел Сережа, а бронзовую фигурку обнаженного мускулистого дяди. Знаменитый приз «Мистер Олимпия», о котором он мог только мечтать, и то – не на трезвую голову. Как и все культуристы России.

Он услышал речь на забытом английском, но все понял. Это ему вручали знаменитую награду! В багровом тумане вспыхнули белые искры – фоторепортеры готовились назавтра осчастливить

мир обнаженным Сережиным торсом. И ради этого ничего уже не было жалко!

Вдруг Сережа вспомнил, что он никогда не был особенно честолюбив, и поделился – с чего вдруг такие страсти по славе? Действительно, согласился шар, все это – мишура. И представил зеркало. В зеркале отразился интерьер тренажерного зала и Сережа в фирменной футболке, качающий на тренажере свой знаменитый бицепс. Мышца росла прямо на глазах, сделалась уже побольше головы атлета, за Сережиной спиной толклись онемевшие от восторга качки… Сережа завершил подход, встал от тренажера и взял с подоконника желтый пластмассовый шейкер. Встряхнув его как следует, Сережа отвернул крышку и выпил двести пятьдесят грамм превосходного протеинового коктейля с ароматом и вкусом свежей малины.

Тут он вспомнил, что шейкер – из немецкого журнала, а если покупать все то, что там рекомендуется атлету для увеличения массы, то пятисот баксов в месяц, пожалуй, будет мало. Однако зеркало предъявило бицепс, выросший на этом дорогостоящем питании. И тут же сообразительный шар раскрыл чемоданчик, в котором лежали стопки денег в банковской упаковке.

– Дай… – неожиданно для себя прошептал Сережа.

– Абордажный крюк тебе в задницу! – ответил голос Монбара. – Возьми его крепче! Четыре фунта вшей со всей команды тебе в штаны, сударь мой, ты что же, соображение потерял? Его нужно держать в строгости! Будь же ты наконец Аметистом!

– Да, блин! – Сережа опомнился.

Он собрался с силами – что было, право же, затруднительно, куда сложнее, чем напрячь мышцы для позирования. Если Монбар вел шар между ладоней без видимых усилий, то у Сережи пальцы скрючились орлиными когтями. Однако воплощенный соблазн послушался, убрал прелестную картинку с распахнутым чемоданчиком и даже как бы задал вопрос – а с этими как же, продолжать?

– Убирайся отсюда поскорее! – приказал Монбар. – Беги!

– А этот?

– Его шар выведет! Посади ему шар на плечо – и беги!

Очевидно, флибустьер лучше знал повадки соблазна. Сережа сделал, как велено, и помчался к выходу. За спиной он услышал рев:

– Дай! Дай!

Его нагонял Вовчик, требовавший от шара «Мистера Олимпию», топ-модель в любовницы и банку протеина размером с водонапорную башню.

А за Вовчиком, спотыкаясь, валила с ревом обезумевшая от соблазнов толпа.

Глава пятнадцатая, завершающая

Как Сережа слетел по лестнице, не запутавшись в ковровой дорожке, и как пронесся по газону, вспомнить он потом не мог, как ни пытался. Шар нагнал его уже во дворе виллы, приставая, как кошка, которой хочется на ручки.

Ворота были нараспашку, а будка, великолепная, набитая электроникой будка, имела такой вид, словно угодила под бомбежку.

На асфальтированном ответвлении от шоссе, что вело к вилле, выстроилось не меньше десяти пустых иномарок.

Сережа пробежал мимо этой очереди, оказался на шоссе и, к немалому своему изумлению, увидел, что стоящая на обочине машина яростно мигает ему, а рядом в каком-то странном освещении мельтешат подозрительные тени – одна в длинном одеянии, другая – чересчур пышная не только для мужчины, но и для женщины, а третья – длинная и бестолковая.

Это был плод покаяния со своим экипажем и с полным баком бензина!

Теперь, казалось бы, уж можно было бросить остервенелой толпе шар и смыться.

Сережа так и сделал.

Он развернулся и, гася инерцию бега мелкими прыжками, резким движением ладоней направил шар к протянутым рукам. Но тот, отлетев на метр, завис в воздухе, раскрутился еще стремительнее и вернулся к Сереже, как видно, признав в нем настоящего хозяина!

– Да-а-ай!… – взревело два десятка разочарованных глоток.

Атлет еще раз пихнул шар – не мог же он выводить взбесившееся от соблазнов стадо на плод покаяния и на неспособных толково сопротивляться людей!

– Сюда! – пронзительно завопила Лилиана. – Сюда!

– Отобьемся! – прокричал Маркиз-Убоище.

– С Божьей помощью! – добавил отец Амвросий.

Что-то такое говорили Сереже в Вайю про энергии будущего, которые удалось использовать в этом деле… Он подбежал к соратникам.

На капоте плода покаяния стояли две зажженные свечи, а между ними лежало неразборчивое нечто. Лилиана стремительно простерла к свечам руки, а рядом плечом к плечу встали отец Амвросий с аппаратом доктора Бадигиной и Маркиз-Убоище с автоматом, конфискованным у повязанной охраны. Только раструб аппарата был направлен на пространство между свечами,

а автомат со сдвоенными рожками – на толпу, что преследовала Сережу.

Стрелять было никак нельзя – куда бы ни метнулся атлет с шаром, толпа сразу же кинулась бы за ним, и все равно он оказался бы на линии огня.

Воющие от нетерпения и возбуждения налетчики во главе с Дерипаско, Елисеевым, безымянным Собеседником и предводителем абреков, были все ближе.

– Сюда, скорее! – крикнул Маркиз-Убоище. И тут же завыл аппарат.

– Ароам, Арогул, Арогам, Исайя! – призвала Лилиана отчаянно звонким голосом. – Кровь красная, земля черная, вода цвета не имеет! Так и ты, камень, не имей своей воли на этот час! Отворись!

Синее сияние встало над капотом. Если рыжий круг, поглотивший Наследника, был узковат даже для Сережиных плеч, то синее пятно оказалось шириной с плод покаяния.

Сережа пятился, держа меж ладоней шар, к которому тянулись жадные руки, лапы, клешни. Вдруг что-то ледяное прилипло к его спине огромной присоской и потянуло, потащило! Это из синей дыры высунулся длинный язык и расплющился между лопатками атлета. Маркиз-Убоище перебил его автоматной очередью, и тут же отец Амвросий отпихнул Сережу от сияния.

– Дай! Дай! – требовали отрешенно-грозные голоса. И один, погромче, вдруг перекрыл их:

– Дай, а то – убью!

Тут же из толпы раздался выстрел.

– Бросай его! – крикнула Лилиана. – Бросай! Сюда!

Сережа понял.

Стараясь не оборачиваться спиной к взбесившимся налетчикам, непонятно, живым или мертвым, он изловчился и запустил багровый шар в самую середину мертвенно-синего сияния. И дыра оказалась сильнее – она поймала шар, и он заплясал, словно на язычках газовой горелки.

Из толпы вырвался Дерипаско. Отпихнув молодых парней, он первым протянул руки в синюю дыру за шаром – и дыра сожрала их по плечи. Менеджер по безопасности не удержался и полетел в эту прорву головой вперед с тихим воем:

– Да-а-ай!…

– Политик, блин! – с этими словами, распихав прочих жаждущих, к дыре, где вертелся и подпрыгивал шар, устремился Елисеев. В ту самую секунду, как он уже по пояс туда нырнул, в него с воплем «Контракт!» вцепился Собеседник. Синяя прорва

всосала обоих – и не подавилась.

Дальше уже пошло как по маслу. Только хриплый рев и стон шел неизвестно откуда, треск какой-то, скрежет жестяной, да вылетела почему-то пустая плечевая кобура.

Последним изготовился нырнуть неповоротливый Вовчик.

Этого Сережа допустить не мог. Не для того он, рискуя жизнью, спас любимого соперника, чтобы сейчас так бездарно упустить его. Атлет повис у Вовчика на плечах и вместе с ним рухнул, успев крикнуть:

– Лилька! Сделай что-нибудь!

Отродясь Сережа не обращался к ведьме столь фамильярно.

– Камень, затворись! Затворись, камень! Приказываю и повелеваю! – очевидно, Лилиане просто не пришло в голову, что раскрыть камень мало – нужно еще как-то его замкнуть, и она выкрикивала все доступные минералам команды. – Волк идет водой, черт идет горой! Гора с водой сомкнется – тогда камень разомкнется! Слово мое – кремень!

– Дай, блин! – не то чтобы взвыл, а проревел Вовчик. Он кое-как поднялся на четвереньки, и, таща на себе Сережу, словно богатырский конь – раненого Илью Муромца, побрел к синей дыре.

Маркиз-Убоище, правильно рассчитав, что Вовчик все-таки послабей коня будет, прыгнул на них обоих и завалил набок. Образовалась куча-мала.

Лилиана, уж не зная, чем заткнуть ею же изготовленную прорву, склонилась над ней – и вдруг закашлялась, схватилась за горло…

Отец Амвросий кинулся к ней на помощь, оттащил от синей дыры, и ведьма, у которой наконец-то от всех треволнений подкосились ноги, села на обочину.

Рдеющий шар помаячил в глубине прорвы и пропал.

– Ключ – небо, замок – земля… – бормотала Лилиана. – Слово мое крепко, яко камень… Ныне, и присно, и во веки веков…

То ли ей удалось найти верные слова, а то ли прорве, не получающей больше корма, надоело зиять, но синяя дыра стала понемногу стягиваться, сияние – гаснуть, и вот уж совсем погасло, остались две оплывающие свечи, да лежал между ними на капоте великолепный большой ярко-синий кристалл, имевший в сечении форму скошенного креста, с ровными сверкающими гранями.

Стоило дыре исчезнуть – и Вовчик перестал к ней рваться, а сел и тяжко задумался, подпирая большую, наголо стриженую голову. Сережа, держась за поясницу, поднялся и подошел к плоду покаяния.

– Ме… Медный купорос? – глазам своим не веря, спросил он. – Ты же его выбросила!

– Не могла я выбросить такую красоту, – призналась ведьма. – Вот он и пригодился…

– Красота, блин!… – неодобрительно заметил сидящий рядом с Вовчиком Маркиз-Убоище.

– Но куда же подевались эти… Эти?… Эти?…

Сережа показал на синий кристалл.

После пережитых потрясений у атлета что-то сделалось с речью. Он обвел взглядом отца Амвросия, Маркиза-Убоище и Лилиану. Никто из них не понял, что вдруг так обеспокоило атлета. А он вообразил вдруг, что сейчас творится в Вайю, – и чуть было не сел наземь. Хорошо хоть, догадался опереться о капот плода покаяния.

– Туда… – запоздало и нерешительно ответила ему ведьма, показав большим пальцем вниз, тем самым жестом, каким патрицианки в Колизее приговаривали к смерти гладиаторов.

Сережа вытащил из-за ремня шкатулку и раскрыл ее, как будто мог в камнях увидеть страшное побоище в Вайю.

И, разумеется, ничего не увидел.

– С ней надо что-то сделать, – сказал атлет. – Кто-то должен стать ее хранителем… Они там сами решат – кто… Поехали отсюда… Сейчас там как рванет!…

Тут он вспомнил, что на вилле остался привязанный к стулу Николай Юрьевич, хлопнул себя по лбу и помчался спасать бедолагу.

Но того, как ни странно, спас багровый шар Монбара.

Сережа обнаружил бизнесмена посреди газона. Тот, вслед за толпой налетчиков устремившись за воплощенным соблазном, полз вместе со стулом – и как он исхитрился одолеть лестницу, понять было невозможно.

Сережа постоял над ним, вздохнул – и неторопливо отцепил его от стула.

– Я не знаю, где шкатулка… – умирающим голосом произнес Николай Юрьевич.

– Вот она, – ответил Сережа. – Но больше вы ее не увидите. Привет семье.

Повернулся и пошел туда, где Лилиана уже сгребала с капота в сумку свои колдовские причиндалы, а Маркиз-Убоище прятал под сиденье конфискованный у охраны автомат.

– Где бабка? – спросил отец Амвросий.

– Там, – невразумительно отвечал атлет.

– Там? – красавец-батюшка в ужасе повторил жест патрицианки, голосующей за казнь гладиатора.

– Там… – Сережа дважды ткнул большим пальцем в небо.

Надо полагать, пирамида Вайю была где-то наверху. И Яшма, под шумок присвоившая вампиршу, – соответственно.

– Спаси и сохрани… – пробормотал красавец-батюшка. – Если мы благополучно выпутаемся – в паломничество поеду. В Иерусалим…

Вдруг Сережа осознал, что бывший энергетик, человек крайне мирный и даже нерешительный, вместе с безалаберным филармоническим артистом и ведьмой совершили подвиг. Они торчали в трех шагах от виллы в то время, когда туда одна за другой приезжали четыре команды налетчиков. И ведь не удрали! Даже не отступили. Где Сережа оставил плод покаяния – там он его и нашел.

– Сашка! – воскликнул он. – Вы что же, так весь день тут и проторчали?

– Весь день? – бывший энергетик, казалось, только что осознал быстротечность времени. – Ну, выходит, что так…

– Точно – весь день, – глядя на ночное небо, подтвердил Маркиз-Убоище. – Тьфу ты, елы-палы, я же на концерт не попал!

– Это ты, Серый?… – голос Вовчика был хрипло-жалостен.

– Ну, я. Вставай. Отсыреешь, – хмуро приказал Сережа. – А вам не пришло в голову позвонить в милицию? Хоть анонимно?

– А с чего бы нам звонить в милицию? – осведомилась ведьма, в то время как Вовчик медленно воздвигался рядом с Сережей.

– Я бы позвонил, – сказал атлет. – Я ведь как туда днем отправился, так и сгинул, а потом эти стали по очереди приезжать… Вам не показалось странным, что мимо вас к вилле приехали целых четыре бригады на иномарках?

– Какие бригады? – спросил отец Амвросий. – Какие иномарки? Серенький, ты что-то путаешь. Никто тут не приезжал.

– А это что такое? Пошли, пошли, покажу.

Он вывел бывшего энергетика на дорогу, ведущую от шоссе к вилле, и показал на длинную очередь темных и пустых машин.

– Господи Иисусе! Откуда они тут взялись? – отец Амвросий перекрестился. – Серый, их же тут не было!

– Точно, не было! – подтвердил увязавшийся на ними Маркиз-Убоище.

– Значит, они свалились с луны? – уточнил Сережа.

Отец Амвросий и Маркиз-Убоище переглянулись.

– Ладно, – сказал атлет, рукой показывая – за мной, к шоссе. – Потом разберемся. Когда-нибудь. Слушай, Сашка, вколотимся мы все в плод покаяния, или придется две ездки сделать?

Отец Амвросий оценил габариты Вовчика.

– С Божьей помощью рискнем. Но если заглохнет – я вас обоих впрягу, а тогда…

Красавец-батюшка вдруг уставился на капот с ужасом.

– А это?… – прошептал он. – Это – куда?…

Великолепный кристалл медного купороса так и остался там лежать. Ведьма даже прикоснуться к нему побоялась.

– Это – с собой, – неуверенно произнес Сережа. Ему тоже страсть как не хотелось трогать синий кристалл, всосавший в себя столько всякой дряни. Не проснулся бы и не потребовал бы новой жратвы…

– Я его не повезу. Козни сатанинские – вот что это такое, – отец Амвросий наконец сообразил, что надо делать. Сломав с ближнего куста веточку и беспрерывно осеняя себя крестом, он стал подвигать кристалл к краю капота, желая сбросить его – и забыть о нем навеки.

– Стой! – воскликнул Сережа. – Его сперва показать надо.

– Кому?

– Монбару.

– Монбару?

– Флибустьеру одному.

– Еще непонятнее, – заметил отец Амвросий, и тут только Сережа сообразил, что никому не успел рассказать о своих похождениях в Вайю.

Нельзя сказать, что атлету очень хотелось брать в руки медный купорос, да еще с таким криминальным содержимым. Но перед обреченным на кротость иеромонахом и терпящим беды от разъяренных женщин артистом он не мог проявлять слабость.

Потому Сережа вынул из-за пояса шкатулку, раскрыл, сложил в одно гнездо самые маленькие камни, рубин с изумрудом, и кончиком пальца согнал с капота в пустое гнездо синий кристалл.

Временно проблема была решена.

Видимо, приключения и неприятности понемногу иссякали. Мотор не заглох, и хилым отзвуком былых склок казался в меру шумный спор – куда ехать.

Лилиана звала к себе – всех, даже Маркиза-Убоище, обещала чай. Отец Амвросий соблазнял кастрюлей грибного супа. Сережа предложил на выбор свою квартиру и тренерскую. И без всяких соблазнов. Вовчик решительно не понимал, куда и зачем его везут. Но он-то и решил задачу.

После того разгрома, который потерпела на вилле «крыша» Николая Юрьевича, гигант решительно не знал, куда деваться. Ему почему-то казалось, что именно на него, как на единственного уцелевшего, взвалят ответственность за взрыв

(которого, кстати, никто не слышал, хотя провозились при объезде довольно долго) и за исчезновение «бригады Елисеева». А кто взвалит – этого от Вовчика даже Сережа не добился.

Гигант хотел спрятаться. Его могли искать на квартире, которую для него снимала фирма, и в тренажерном зале. А больше он нигде и не бывал.

Поэтому Сережа, которого, как самого надежного, усадили за руль, взял курс на квартиру Наследника, благо ключ имелся. По дороге взяли в круглосуточном магазине хлеба, сыра, колбасы и дополнительный паек для Маркиза-Убоища, который честно его заслужил.

И вот они оказались в знакомом захламленном коридоре, в просторной, но готовой лопнуть от избытка книг и всякого барахла комнате, перед хромым журнальным столиком, и Сережа выложил на него шкатулку, и открыл, и вдруг вспомнил, что Вовчик ничего не знает о минеральной мистике, так что лучше бы от него временно избавиться.

– Пошли, – сказал он. – Мы тут так скоро не угомонимся, надо бы кофе сварить. Присмотришь за джезвой.

Сблагостив качка на кухню, Сережа вернулся, и вернулся вовремя. Лилиана уже ставила возле шкатулки свечи.

– Не надо. Это само произойдет.

Атлет наклонился над шкатулкой и уставился на лиловый бок аметиста.

– Монбар! – позвал он. – Даниэль де Монбар! Мы выручили шкатулку! Что дальше делать-то?

Шкатулка молчала.

– Данка! Сердолик! Алмаз! Аметист! Оникс! – Сережа подумал и вспомнил еще одну обитательницу Вайю. – Яшма!

Радужное сияние окружило шкатулку, встало над ней плоским, вертикально подвешенным кругом.

– Не вопи, сударь мой! – раздался звучный голос флибустьера. – Ты орешь, как испанец, когда он летит за борт! Отойди в сторонку!

Монбар по пояс высунулся из радужной дырки, перекинул ногу в давно не чищенном ботфорте и ступил на территорию проявленного мира. Следом вылетел небольшой, всего лишь с апельсин, багровый шарик и пристроился у него на плече.

Отец Амвросий и ведьма непроизвольно шагнули друг к другу.

– Допился! – весело воскликнул Маркиз-Убоище, тыча пальцем во флибустьера. – Позвольте! Но я даже еще и не пил!… Я только собирался!…

Вслед за Монбаром даже не вышел, а выплыл Алмаз.

Казалось, его несла по воздуху вставшая парусом белая судейская мантия. Третьей из радужной дыры прибыла Данка. И сразу вцепилась Монбару в локоть. Всем своим видом она показывала – счастлива, довольна, и – как за каменной стеной!

Молчание нарушил басовитый голос Вовчика.

– Я, это… кофе…

И тут же дымящаяся джезва грянулась об пол.

– Соберись с силами, сударь мой, – посоветовал ему Монбар. – Ну, брат Аметист, с делом ты справился.

– Это еще неизвестно, – Сережа старался быть честным насколько возможно. – У вас в Вайю из-за нашей самодеятельности, наверно, была страшная кутерьма.

– Нет, у нас все спокойно, – отвечал Алмаз.

– А эти… эти… Они у вас не появлялись? – и Сережа показал на кристалл медного купороса.

– Что это такое? – осведомился Монбар, склоняясь над шкатулкой. – Отрава какая-то…

– Эта отрава заглотала двадцать вооруженных мужиков.

– Больше, – поправил Маркиз-Убоище.

Алмаз брезгливо взял кристалл двумя пальцами и посмотрел на свет.

– В Вайю такого минерала нет, – уверенно сказал он.

– Куда же эта братва подевалась? – спросил Сережа.

– Я не знаю, куда подевалась братва, сударь мой, а вот откуда у вас сия мерзость? – строго спросил Монбар.

Отец Амвросий, Маркиз-Убоище и Сережа дружно повернули головы к Лилиане.

– Я его сварила, – призналась ведьма, глядя в пол.

– Сварила? – не понял Алмаз.

– В кастрюле. А кастрюлю пришлось выбросить.

В полной тишине раздался общий вздох.

– Они оттуда не вылезут обратно? – нерешительно спросила Лилиана.

– Давай-ка, Законодатель, возьмем это с собой, – предложил Монбар. – Пусть Изумруд разберется. Он все-таки не время, а вечность охраняет. Это, думается, по его части.

И сунул подозрительный кристалл в карман.

– Вечно там у тебя всякая дрянь, – заметила Данка, но как! Тоном законной жены она это сказала.

Из спальни выглянул Вовчик, увидел странных гостей и спрятался обратно.

– Гранат дал нам очень мало времени, – напомнил Алмаз и повернулся к атлету. – Поскольку ты приходишь к нам не спасаясь от разбойников, не впопыхах, то у тебя есть время

собраться. Поторопись. То, что для тебя – настоящее время, то для нас – будущее, эпоха Маздезишн.

– А Гранат дрожит над каждой струйкой энергии будущего, – добавил флибустьер.

– Собраться? – тут лишь Сережа вспомнил, что его обещали взять в Вайю и сделать полноправным Аметистом.

С одной стороны, он был вроде и горд – не каждому предложат возглавлять отряд в пирамиде Вайю. А с другой – вот стоит ошалевший Вовчик, и если Сережа уйдет в Вайю, то на городском чемпионате Вовчик в их общей весовой категории получит золото! Вовчик – который берет дорогостоящей массой, у которого большие проблемы с голенью, не говоря уж о рельефе квадрицепса!

Подумав об этом, Сережа испытал желание забарабанить пальцами по стене.

Очевидно Монбар каким-то образом уловил его мысли. Флибустьер рванулся было к атлету – но полупрозрачная рука Алмаза легла на широкое плечо, удержала…

И ведь в Вайю нет ни одной гантели, не говоря уж о тренажерах. Нет протеиновых смесей в нарядных баночках. И куда денется с таким трудом за пятнадцать лет наработанная мускулатура? Не для того Сережа так холил и лелеял родное тело, чтобы пожертвовать достижениями, и ради чего? Ради того, чтобы стать духом минерала, пригодного разве что для борьбы с алкоголизмом, да и то – не хроническим!

И кого же он в Вайю будет учить атлетическому уму-разуму? Там этот товар не в цене.

Из краткой задумчивости Сережу вывел Вовчик.

– Во, блин! – воскликнул гигант. – Это что же – из коробки?

И рассмеялся, считая, что пошутил.

У Сережи в голове щелкнуло.

– Ты знаешь эту шкатулку? – быстро спросил он.

– Какая еще шкатулка? – удивился Вовчик. – Коробка – она коробка и есть.

– Он ее узнал! – сообразил флибустьер. – Клянусь дохлой акулой! И он знает, кто охотился за шкатулкой!

– Если знает – пусть скажет, – присоединился Алмаз.

– Сперва научите его говорить, – съязвила Данка.

– Ну, ты не это! – Вовчик напустил на себя грозный вид.

– Погодите! – атлет даже руку поднял, призывая всех, и жителей проявленного мира, и гостей из Вайю, к молчанию и повиновению. – Я сам с ним поговорю. Он так не понимает. С ним надо по-хорошему!

И, пока Вовчик, пыхтя, собирался ответить что-нибудь этакое,

выволок его в спальню Наследника.

– Ты не сделал ничего плохого, – первым делом сказал атлет гиганту. – все нормально! Ты только скажи, откуда ты знаешь эту шкатулку с камушками!

– Эта коробка называется шкатулка? – спросил Вовчик.

– Ну да!

– Так я ж не знал, блин! – возмутился гигант. – Все вопят – «шкатулка, шкатулка!» Откуда ж я знал, что это – про коробку?

– И где же ты ее видел?

– А ты не того? Дальше – не пойдет? – проявил осторожность Вовчик.

– Я похож на трепло? – сурово осведомился Сережа, быстренько припоминая, что рассказывали о похождениях вокруг шкатулки Собеседник, Дерипаско и Елисеев. Вроде бы след утерялся, когда секретарша Юленька заперла Майку в кабинете шестнадцать-двадцать вместе со шкатулкой. Майка ее трогала, Майка через нее отбыла в Вайю, но что же было потом?

– Не похож, – честно признал Вовчик. – Ну, в офисе я ее видел. Мы офис один прикрываем – ну, там…

– Ты давай дальше рассказывай, – велел Сережа. – Ты увидел эту коробку в кабинете шестнадцать-двадцать, когда секретарша вызвала туда Елисеева. Что было потом?

– Ничего кабинет, – мечтательно вздохнул Вовчик. – Кайфовый кабинет. Стоит на полу за креслом, вся из себя, с камушками. Ну, я ее закрыл. На подоконник поставил. А тут Юлька как заорет – шкатулка пропала, шкатулка пропала! Шурка – всем руки вверх! Ну, это понятно, чтобы Юлька потом на нас не наезжала. Я тоже руки вверх. Она обшарила нас и говорит – мужики, ищите шкатулку! Я тоже стал искать, а потом подошел к подоконнику и коробку за пазуху сунул. Думал, покажу Тамуське – может, ей пригодится.

– Тамуська – это кто? – строго спросил Сережа.

– Хозяйка моя.

– Жена, что ли? – не уразумел Сережа.

– Ага, жена, – согласился Вовчик. – Она баба ничего, шустрая. Капустинский рядом с ней – фуфло, а она если что нужно – так без балды, все по делу.

– Капустинский – это кто?

– Ну, муж Тамуськин.

– А Тамуська – жена Капустинского?

– Ну!

– Ясно, – сказал Сережа, хотя яснее не стало. – И при чем тут супруги Капустинские?

– Так это же их домик!

Наконец-то Николай Юрьевич обрел фамилию. И тут же Сережа вспомнил, что отец Амвросий поминал всуе красивую Тамару Викторовну, хотя ему на женскую красоту обращать внимания по чину не полагалось.

– И зачем понадобилось отдавать камушки Тамусику? – продолжал допрос Сережа.

– Она же всякие редкости собирает, – объяснил Вовчик. – А та баба, которая исчезла из кабинета, забыла камушки. Знаешь, ходят такие дуры с чемоданами и всякими побрякушками, камушками торгуют, серебряными цепочками польскими, что ли… Коробка, сам знаешь, красивая. А Тамуська меня всегда с собой берет, когда за покупками едет. Я ведь и за рулем, и перетащить чего надо – без проблем. Она мне про всякие бронзовые фигуры рассказывает. Я тоже уже кое-что понимать начал…

Вовчик показал на торшер пятидесятых годов, с большим шелковым, изрядно обветшалым абажуром, и уверенно определил:

– Ампир!

– Ампир, – согласился Сережа, который в антиквариате и того не разумел. – Значит, ты отвез камушки Тамуське. А она?

– Обрадовалась. Так вот они, говорит. За них мой дурак хотел хорошие деньги получить, говорит. И чтобы эти деньги мимо меня пролетели, говорит. А хрен ему, говорит. Когда припечет – я ему эти камушки просто так не отдам, говорит…

– Ну, теперь действительно ясно, – подвел итог Сережа. – Домашняя шантажистка. Еще бы понять, как шкатулка… как коробка потом в постель попала. Впрочем…

Впрочем, это уже было не так чтобы важно.

Оставив Вовчика в спальне, Сережа вышел – и обнаружил такую картину.

Отец Амвросий с Маркизом-Убоищем забились в угол и оттуда мрачно таращились на флибустьера с Алмазом. Гости из Вайю тихо совещались. А Данка с Лилианой непостижимым образом успели найти общий язык. И обе шарили по квартире Наследника, стаскивая в одну кучу старую спортивную сумку, какое-то тряпье и даже книги.

– Ты прав, Алмаз, – сказал Монбар. – Ты прав, а я – слеп…

Законодатель с непостижимым для взгляда лицом положил руку на плечо флибустьеру.

– Камень постоянен по природе своей, – сказал он словно в утешение. – Ему не дано меняться. А человек, который несет в себе дух этого камня, сам не хочет меняться. Он – Аметист, ему свойственно отсекать лишнее. Вот он и отсек пирамиду Вайю.

– А мог бы стать Аметистом, – с некоторым сожалением произнес Монбар. – Мог бы. Но в нем нет жажды действия. Я полагал, что она проснется… И его жестокость останется жестокостью наблюдателя, никогда она не обратится против зла.

– Моя жестокость? – Сережа был ошарашен беспредельно.

– Ты зовешь ее строгостью, сударь мой. Мы, Аметисты, бережем людей от соблазнов. И внушаем страх перед наказанием. Это ты умеешь. Но подлинный Аметист не боится неудачи, а ты боишься.

– Пусть я боюсь неудачи. Но кто, в таком случае, спас шкатулку? – спросил атлет.

– Ты, – сказал Алмаз. – Но ведь ты рассчитывал получить от этого пользу. Ты хотел вернуть из Вайю двух женщин и одного алкоголика.

– Я и сейчас хочу, чтобы мне вернули мою бывшую жену, – мрачно произнес Сережа. – А алкоголика можете оставить себе. На память.

– Ей у нас неплохо, – с какой-то подозрительной скромностью отвечал Алмаз.

– Здесь ей будет лучше, – твердо возразил атлет. – А ему будет лучше там.

– Пожалуй, ты прав, сударь мой, потому что у нас он будет вечно пьян, – заметил Монбар. – Мы полагали выпроводить его сюда, чтобы он несколько протрезвел…

– Он только добавит на старые дрожжи, – подал из угла голос Маркиз-Убоище.

– Это безнадежно, – подтвердил Сережа.

Данка подошла к флибустьеру с раскрытой книгой в руках, показала ему что-то занятное. Возможно, строчки о нем самом в какой-нибудь пиратской энциклопедии.

– Ну что же… – Алмаз склонился над шкатулкой и негромко позвал:

– Оникс! Оникс!…

Полосатый луч вышел из шкатулки, уперся в потолок.

– Это Законодатель зовет? – прозвучал неуверенный голосок.

– Законодатель, – подтвердил Монбар и обнял Данку. – И Аметист, и Сердолик.

Человеческий силуэт обозначился в луче, Сережа вовремя протянул руки – и поймал зависшую в воздухе над шкатулкой Майку.

– Сереженька! Милый! – завопила она, повиснув на шее у бывшего мужа. – Как я без тебя соскучилась!…

– А я аппарат у Виктора Ивановича взял! – принялся докладывать Сережа. – Работает как железный зверь! И в стиле

ретро!

Он кривил рот, пытаясь удержать и не выпустить на свободу счастливую улыбку. Нельзя же, в самом деле, так несуразно радоваться возвращению бывшей жены.

– Сережка! – Майка принялась быстро целовать его в щеки и в шею. – Сереженька!… Какой аппарат? Какое ретро? Ты ничего не понимаешь!

Монбар и Законодатель переглянулись.

– Выходит, и тут ошиблись, – уныло сказал флибустьер.

– Пусть остается, – решил Алмаз.

Сережа покосился на Данку – вот будет номер, если она сейчас объявит о сделанном ей предложении! И легонько отстранил Майку. Она посмотрела на него с недоумением.

– Ты разве не рад? – распахнув огромные глазищи, прошептала бывшая жена.

– Рад, конечно, – с атлетической сдержанностью отвечал Сережа.

Он представил на секундочку, что сделается с Майкой, когда она узнает про его матримониальные планы.

– Странная у тебя радость, – заметила Майка.

– Какая есть.

За два года законного брака и потом – еще два года чистой и святой дружбы она должна была бы понять, что мужчине как-то неприлично устраивать взрывы эмоций, подумал Сережа. Ну, не понять – так хоть запомнить. Ведь не раз и не два он спокойно гасил ее бурные всплески. Даже насекомое способно делать выводы из поведения другого насекомого, а женщина все-таки – млекопитающее…

И с ужасом представил себе, что его ведь еще ждет разборка с Данкой. И у этого дела тоже были две стороны. Сережа своим предложением, сделанным так вовремя, спас Данку от странной судьбы и дикого образа Сердолика в Вайю, о чем она, кажется, напрочь забыла. Но тем самым он сам себя связал по рукам и ногам, замкнул себя на ключ, а ключ выбросил в Марианскую впадину, глубина которой до сих пор учеными не установлена.

– Ну что же, брат Аметист, главное – что все довольны, – обведя неуловимым взглядом присутствующих, произнес Алмаз. – Пора завершать этот визит. Хотя Гранат и дал нам немного своей энергии, но наше время истекло слишком давно…

– Не все, – возразил Сережа. – кое-кто не держит слова.

И выразительно посмотрел на Данку.

Посмотрел на нее и Монбар.

– Какое слово? – вдруг забеспокоилась Майка. – Сережка, тут без меня что-то произошло?

– Мелочи, – не в силах признаться, ответил атлет.

Майка смотрела на него примерно так же, как четыре года назад в ожидании поцелуя. Возможно, именно поцелуй и нужен ей был, чтобы успокоиться. Однако она его не получила.

Тогда она быстро отошла и присоединилась к Лилиане, пихавшей в дорожную сумку то, чего так недоставало Данке под сердоликовым куполом, – надувной матрас, плед, кипу журналов, маникюрный набор и, за неимением в хозяйстве Наследника женских, мужские тапочки…

– А теперь нужно, чтобы кто-то из вас взял шкатулку на сохранение, – сказал Алмаз. – Мы, со своей стороны, будем помогать чем сможем. И искать нового хранителя, которому будет передана шкатулка, когда век этого хранителя истечет. Все вы – люди достойные…

Бывший электронщик, бывший энергетик и филармонический артист приосанились.

Майке было не до шкатулок – она спешно собирала дорожную сумку для Данки, укладывая туда сдернутые с собственной шеи украшения. А Данка держала за руку своего флибустьера с таким видом, будто ей принадлежала вся вселенная и еще окрестности. И всем видом показывая, что будет отбиваться до последней пули в пневматическом пистолете.

– И все вы сумеете при необходимости защитить шкатулку, – продолжал, обращаясь к мужчинам, Алмаз.

Сережа поглядел направо – и невысокий щуплый отец Амвросий показался ему мало достойным этой опасной ответственности. Поглядел налево – длинный, тощий, вечно как будто порывистым ветром колеблемый Маркиз-Убоище внушал еще меньше доверия.

Сережа шагнул вперед и протянул за шкатулкой руку.

Алмаз и Аметист переглянулись. И оба одинаково поморщились.

Сережа остолбенел. Уж если не ему – так кому же???

Он сделал такое движение, как будто взвешивал на ладони эту самую злосчастную шкатулку.

Но Алмаз покачал головой.

Сережа отсек ненужную ему пирамиду Вайю – а пирамида отсекла от себя атлета, вернув ему Майку и тем самым расплатившись с ним навеки.

– Мне? – неуверенно спросил отец Амвросий.

– Тебе по вере не положено, – отвечал флибустьер, и красавец-батюшка с облегчением отступил.

– Мне?… – изумился Маркиз-Убоище.

– Этому? – спросил Алмаз.

– Пропьет, – коротко охарактеризовал и артиста, и ситуацию Монбар.

– Так кому же? – Алмаз был не то что озадачен, а огорчен.

Монбар опустил голову. Постоял так, медленно поднял глаза на свою подругу…

– Больше некому, – глухо произнес он. – Любимая, больше – некому…

– Я – Сердолик! – воскликнула Данка.

– Ты слишком недолго была Сердоликом. Ты еще принадлежишь проявленному миру, – печально сказал Алмаз. – Действительно, больше – некому…

Возмущенный происходящим Сережа подошел вплотную к Алмазу и Аметисту.

– В конце концов, именно я помог спасти шкатулку, – сурово сказал он. – И я смогу ее защитить, и вообще…

– Ступай, друг мой, – мягко сказал Алмаз. – Расходуй силу на свои упражнения. Веди праведный образ жизни… И не затевай долгих речей. Ты уже все нам объяснил.

Монбар в это время целовал Данку в губы, а Майка и Лилиана, схватившись за руки и приоткрыв рты, глядели на них с безмерным состраданием.

– Я не потому не хочу быть Аметистом, что я по своей сути не Аметист… – начал тем не менее Сережа.

– А потому, что твоя цель в проявленном мире выше нашего служения в Вайю, – завершил его фразу Алмаз, как всегда, глядя мимо глаз собеседника. – Ну так и ступай за своей целью. Вайю отпускает тебя навеки.

Сережа посмотрел направо и налево, безмолвно призывая на помощь всех присутствующих. Никогда еще его так бесцеремонно не отшивали.

– Но вам же не хватает бойцов, – вмешался Маркиз-Убоище.

– Этот – не боец, – ответил флибустьер. – И не целитель.

– Время, Сердолик, – сказал Алмаз. – Ты держишь нить истекающего времени… пока ты еще – наша…

– Мой отряд сберег так много истекшего времени, что я могу взять из запасов еще пять минут, – возразила Данка. – Всего пять минут, Даниэль!… Неужели это – навсегда?…

– Мы будем искать другого хранителя для шкатулки и, клянусь пирамидой, мы найдем его! – воскликнул флибустьер. – Ведь не одна же эта шкатулка в проявленном мире! Есть другие выходы, другие окна! Весь мой отряд будет искать, и весь твой отряд, и все соединители!…

– К тому дню накопиться слишком много истекшего времени – моего истекшего времени… – прошептала его подруга. – Ладно.

Ты поклялся. И я буду ждать тебя, что бы ни случилось! Давай сюда шкатулку!

Сереже впервые в жизни стало жаль потерпевшую крах женщину, когда, вскинув голову и резко выпрямившись, Данка протянула за шкатулкой руку.

– Поставь ее на пол, – велел Монбар. – И смотри – такое не часто увидишь. Алмаз и Аметист построят два вертикальных тоннеля, через которые мы уйдем в Вайю. Прощайте все! И ты, красавица, прощай. Нам будет очень тебя недоставать.

Это относилось к Майке.

– Да, конечно, – Майка закивала, не выпуская из рук пакета с бельем. Вид у нее был какой-то взъерошенный.

Обычно озадаченная чем-то Майка прилетала в Сережины объятия. Но на сей раз что-то не спешила. Некая мысль беспокоила ее – а Сережа знал бывшую супругу достаточно, чтобы предвидеть возникающие от ее мыслей неприятности. Одно было утешение – после такой встряски, как проживание в Вайю, она временно присмиреет.

Данка поставила шкатулку куда велено и отошла в сторону. Отец Амвросий, чтобы не видеть бесовского действа, отвернулся. Филармонический артист, любитель эффектов, напротив, уставился на шкатулку во все глаза.

Два камня испустили тонкие лучи – белый и бледно-лиловый. Два светящихся столба, две прозрачные, примыкающие друг к другу колонны возникли над шкатулкой. Это действительно было очень красиво.

Но вдруг выросла и третья колонна – похожая на фонтан красного вина.

В ней обозначились две невысокие фигурки. Вино побледнело, обрело прозрачность – и стало ясно, что это два мальчика, два строгих мальчика, оба не старше тринадцати лет. Один – в красном наряде, чем-то смахивающем на гусарский мундир, другой – в зеленоватом.

– Пора, – сказал один. – Мы сделали все, что могли. Мы спасли этих троих силой энергии Маздезишн…

Он указал на отца Амвросия, Лилиану и Маркиза-Убоище.

– Мы уходим, Гранат, – Алмаз вошел в белый столб, и его судейская мантия заискрилась, словно граненая, и синие искры побежали по ней.

– Мы найдем другого хранителя, – повторил, входя в свою призрачную колонну, Монбар.

– Мы постараемся его найти, – поправил Алмаз.

– Гранат, ты же – хранитель будущего! Ну, сделай же для нас что-нибудь! – воскликнула Данка.

– Скажи ей, Законодатель, – мальчик в красном обратился к Алмазу, как к равному. – Я не могу допустить ее к знанию! Хватит с моего отряда и того, что мы сделали для тех троих.

– Вы взяли у них двенадцать часов настоящего времени, – вмешался Монбар, – и вы должны вернуть энергию двенадцать часов моему отряду!

– Ну уж нет, время и энергия давно истекли, так что они принадлежат моему отряду! – забыв, что она уже не Сердолик, возмутилась Данка.

– Время, – сказал Алмаз. – Время!

– Даниэль! – вдруг вскрикнула Майка. – Не оставляй меня тут!

Флибустьер уставился на нее с изумлением сквозь светящуюся стенку.

– Ты с ума сошла?! – сразу поняв намерение бывшей жены, вмешался Сережа.

– Что ты ТАМ будешь делать?

– Ты же мой командир! Я – из твоего отряда! Я – Оникс, слышишь? Я – Оникс!

– Никакой ты больше не Оникс! – Сережа был зол, как никогда. – Хватит с тебя минеральных подвигов!

– Сереженька!…

Обычно Майка исхитрялась не произнести, а прохныкать мужнее имя. Сейчас же она его простонала, и это вышло уже не смешно.

– Ну, я Сереженька, – отвечал атлет. – Ты подумай хорошенько – тут вся твоя жизнь, друзья, подруги, твой салон… Ты же попала туда случайно, ты же там просто спаслась от смерти!…

– Моя жизнь? – переспросила она. – И главным образом ты? И если я уйду – тебе некого будет опекать и воспитывать? Сереженька – это не моя жизнь!

– Почему вдруг не твоя?

– Сереженька, я – Оникс…

– Ага, оникс, – согласился Сережа, умеющий обращаться с безумцами. – Это замечательно.

– Я сколько себя помню, чувствовала, что живу какой-то не своей жизнью, что я в нее случайно откуда-то свалилась и должна терпеть, – Майка обращалась вроде бы и к бывшему супругу, но глядела при этом на Даниэля Монбара. – Я честно искала дело, в которое бы себя вложила! Я – Оникс! Я вдохновлять должна! А тебя я никогда и ни на что не могла вдохновить!…

– Данка! Лилиана! Ну хоть вы ей скажите! – Сережа презирал женскую логику, но сейчас именно на нее была вся надежда. Эти

две сумасбродки могли изобрести такой действенный довод, какой нормальному человеку и в голову бы прийти не смог.

Данка помотала головой, а Лилиана…

Ведьма подняла с пола почти упакованную сумку и молча вложила ее круглые ручки в ладонь Майки, более того – сомкнула ей пальцы. И так вздохнула… с такой непритворной завистью!…

– Некого мне тут вдохновлять! Некому дарить идеи! – как бы подводя итог недолгой жизни непонятно где и непонятно зачем, восклицала Майка. – А без этого я не могу… Я действительно Оникс! И мое место – в пирамиде Вайю!

Майка шагнула к шкатулке – и светло-полосатый луч, вращаясь, возник из камня и тоже превратился в прозрачную колонну, по которой пробегала переливчатая рябь.

– Признал хозяйку, – сказал Монбар. – Алмаз, она действительно из моего отряда. Нельзя ее здесь оставлять.

– Да, – отвечал Алмаз, чуть усмехнувшись. – Забирай ее. Ты не возражаешь, Гранат?

– Будущее нельзя выпросить, его можно только выбрать навсегда, – сказал мальчик.

Монбар протянул Майке руку – и она ухватилась за эту мощную, черной шерстью поросшую руку, и шагнула в полосатый завихряющийся свет, исходящий от оникса, и встала рядом – как бесстрашный котенок рядом с мощным кудлатым черным ризеншнауцером.

– Я всегда искала способ быть нужной… Я всегда хотела исцелять… А Оникс – целитель! Понимаете?

– Да.

Сережа не понял, кто сказал это – Алмаз или Аметист. Сияние четырех лучей налилось силой, съело сперва лица и одежду, потом силуэты. И ушло обратно в шкатулку – как теряет высоту струя воды из выключенного фонтана.

– Майка… – произнес Сережа.

Произошло нечто – чересчур стремительное для атлетического понимания и чересчур обидное для атлетической души. Человеку, который всегда и везде был прав, сталкиваться с такими событиями опасно. Особенно человеку, который всегда твердо знал, что и для кого в этой жизни лучше…

Данка опустилась на корточки, подняла шкатулку и закрыла ее.

И встала посреди комнаты, опустив голову.

– Тебя проводить? – спросил Маркиз-Убоище.

Теперь, когда Майка ушла навеки, он получил хоть временное, а пристанище, и Данка могла больше не опасаться его приставаний.

– Не надо, – сказала она. – Спасибо. Мне ничего не угрожает. И у меня же есть пистолет.

– Пистолет… – проворчал Сережа. – Нашли кому доверять ценности…

Вдруг он вспомнил те страшные минуты жизни, когда предлагал этой рыжей авантюристке руку и сердце. Он был первый, кто догадался сделать это – и Данка, при всех своих недостатках умевшая держать слово, теперь просто обязана стать его женой!

Сама она, однако, об этом вспоминать не стала. Может, честно забыла, кто ее разберет… хотя не каждый же день получаешь предложения от красы и гордости тренажерных залов…

А может, ждала, пока он потребует исполнения обещания.

Но не дождалась. Конечно, Сережа понимал, что Данка сейчас нуждается в поддержке, но в какой-то другой, не интимной, не мужской, и не обнимать же ее за плечи, бормоча утешительные глупости, в самом деле!…

Данка, ни с кем не прощаясь, направилась к двери. Сережа не то чтобы шагнул – он качнулся, собираясь сделать шаг. Молча проводить по ночному городу – вот это было бы по-мужски, по-атлетически. Тут же перед ним оказалась Лилиана.

Смешно было ведьме надеяться, что она удержит атлета. Человек, способный одной рукой отодвинуть трехдверный шкаф, то же самое проделал бы и с ней без всякого членовредительства. Однако Лилиана встала на пути у Сережи, всем видом показывая, что преследовать Данку не позволит.

Данка вышла и тихо притворила за собой дверь.

– Сядь, чего ты… – сказал отец Амвросий и сам подсел к столу. – Лилька, чайку бы, а?…

Вид у него был крайне подавленный.

– А к чайку ничего не найдется? – сразу оживился Маркиз-Убоище.

– Бу-тер-бро-ды, – не глядя на него, четко отрубила ведьма.

Странно было в помещении – как будто после света, радовавшего душу, настал какой-то неприятный, сырой, паутинный полумрак. Тоскливо в нем было – как тоскливо бывает после неудачной тренировки, когда вроде и полтора часа проковырялся, однако выполнил комплекс на три четверти, не больше, и то – нагрузки не держал, старая травма плеча подала голос, ногу о валявшийся на полу блин ушиб…

– Блин… – буркнул Сережа.

– Блин-компот! – новой присказкой отвечал Маркиз-Убоище.

– Блинотень… – загадочно выразился отец Амвросий.

Лилиана посмотрела на всех троих поочередно.

– Вот-вот, – сказала она. – Так я и знала.

А что она имела в виду – Сережа не понял, потому что ведьма торопливо вышла в коридор. И снова хлопнула дверь, ведущая на лестницу.

Из спальни опять высунулся Вовчик.

– Убрались эти? – спросил он, выходя. – Перекусить ничего не найдется?

Маркиз-Убоище махнул в сторону двери – мол, на кухне найдешь…

Гигант, пожимая плечищами, вышел.

– Ворожею убей… – произнес отец Амвросий. – Легко сказать…

– Теперь-то чего ссориться? – удивленно спросил его Сережа. – Подумаешь, идейные враги. Вы ведь больше не увидитесь.

Бывший энергетик вздохнул и повесил красивую голову в длинных локонах, а филармонический артист исподтишка показал артисту, как указательным пальцем следует сверлить собственный висок. Этот выразительный жест, к большому Сережиному удивлению, относился вовсе не к красавцу-батюшке, а к нему самому.

– Ты чего это? – Сережа даже не обиделся, а просто очень удивился.

Маркиз-Убоище выразительно махнул на него рукой – мол, чего с дураком разговаривать… И тоже тяжко вздохнул.

Сережа перестал понимать, что происходит.

Артист налил в хрустальный стакашек водки на два пальца и придвинул к отцу Амвросию так, чтобы поверхность напитка колебалась прямо под его носом.

– Чего уж там… – загадочно сказал Маркиз-Убоище. – Все проходит – и это пройдет.

– Аминь! – отец Амвросий решительно выпил водку и снова повесил голову.

Тогда Маркиз-Убоище сделал еще один выразительный жест – дважды, всей кистью, по направлению к Сереже и к двери одновременно.

– Ну-ка, выйдем! – не выдержал Сережа.

Он первым оказался в коридоре, артист – следом.

– Что это за пантомима?

– Пантомима… – Маркиз-Убоище хмыкнул. – Иди себе с Богом, а я с ним сам разберусь.

– Напоишь до положения риз, что ли? – уточнил Сережа.

– Тошно же ему.

– А чего – тошно? – атлет даже развеселился. – Из всех передряг выпутались! Шкатулка в надежных руках! Идеологический враг – и тот смылся!

– Смылся, вот именно… Обязательно где-нибудь поблизости бродит. Этот враг так просто не смоется… – артист усмехнулся. – Ни фига ж себе романчик у них был, если до сих пор помириться не могут!…

– Романчик? – переспросил Сережа. – Какой еще?…

– Обыкновенный, который в постели. А ты думал – идеологический? Ни одна женщина из-за идеологии так злобствовать не будет. Думаешь, ей теперьвесело?

Сережа ничего не думал. Он перебирал в памяти все склоки, которые затевали в его присутствии ведьма и красавец-батюшка. Это же были именно склоки! Да и не слыхал он от Сашки про какие-то романы с ведьмами…

– Это она тебе рассказала?

– А чего рассказывать? И так все видно.

Поняв по Сережиной физиономии, что не видно, артист добавил:

– Если смотреть, ес-тест-вен-но!

Никогда не следует слушаться первого порыва, который бывает хорошим. Кто сказал – не помню, но сказал разумно. Расхлебать последствия благого порыва иногда труднее, чем разгребать последствия тщательно продуманной пакости. Потому что пакость более или менее логична, следовательно, против нее годятся средства логики, и ходы можно просчитать. А благому порыву свойственно благородное безумие.

Сережа понял, что нужно догнать Лилиану и за руку привести ее к этому идиоту.

Как всегда, его атлетический разум отсек все лишнее, ненужное и незначительное. Как всегда, Сережа отлично видел невооруженным глазом, что полезно, а что – вредно. Для отца Амвросия было вредно сидеть с Маркизом-Убоищем и с горя пить водку. Для него было вредно предаваться тоске из-за такой ерунды, как женские капризы. А для Лилианы было вредно менять избранников и коллекционировать новые шлепанцы выше сорок третьего размера.

Ничего не объясняя, Сережа открыл дверь, спустился по лестнице и вышел во двор.

Лилиана стояла возле магазинной витрины, как бы заинтересованная ее содержимым. Но если бы она действительно видела, что там за стеклом, то даже не ушла, а удрала бы подальше. Это была витрина какой-то механической мастерской, и хозяин выставил огромную и наполовину разобранную

электродрель образца тридцатых годов – несомненно, ценнейшую реликвию своего семейства.

Когда человек в половине третьего ночи стоит у витрины, где выставлена историческая электродрель, – самое время применять решительные меры.

Сережа подошел к ведьме. И хотел сказать ей разумные слова о том, что взрослым людям не надо убегать, хлопая дверьми,

Она посмотрела на атлета очень косо и пошла прочь.

Это был первый в Сережиной биографии случай, когда женщина так откровенно не желала его видеть. Ладно бы стройняшечка! Но Лилиана?

И побрел он следом, хотя и не имел надежды употребить неизрасходованные доводы рассудка, очень недовольный и ситуацией, и сам собой, и отцом Амвросием с его монашеским обетом, и Маркизом-Убоищем с его неуместной сообразительностью… и Данкой с ее закидонами… и Майкой с ее безумствами… и Монбаром… и Алмазом… и, наверно, Вовчиком…

Впервые в жизни овладело Сережей такое постыдное недовольство.

И бредет он, и бредет, и стелются под его подошвы ночные улицы, и ни одна сволочь не осмеливается подойти с идиотской просьбой прикурить… и Лилианы уже впереди нет, куда-то свернула… и бредет, и бредет… и ноги сами несут его к родному тренажерному залу. И утрет он скупую атлетическую слезу запаянным в черную резину тридцатикилограммовым блином… тьфу! Куда это меня занесло? Скупых мужских слез тут еще недоставало! Уж не усадить ли атлета в классической предрассветной мгле за обшарпанный стол в тренерской, не положить ли перед ним аметистовый блин с продернутым в дырку флибустьерским шнурком и не ввергнуть ли его душу в безумную тоску… а блин вдруг встанет на ребро и покатится, и покатится! И выкатится, волоча за собой длинный хвост, из атлетической жизни навеки! Мол, минералы – не про атлетов!

И вернуть его в постылый реализм!

Ибо какою мерой мы мерим – такой и нам воздастся.

Такие вот блины.

Намерение-то у меня было веселое. Более того – развеселое. Разухабистое. А вон оно что получилось… Полнейший разброд и развал.

И единственное, что утешает меня, – так это пестрая кучка заморских камушков. Разложу-ка их – и будет у меня своя пирамида Вайю в двухмерном изображении. какая ни есть – а моя. По нищете своей не имею я рубинов и сапфиров, чтобы

пронизать ее сверху донизу, нет и законодателя-алмаза. Но вот хотя бы розовый сердолик – проверенный друг, борец с хандрой, умеющий привлечь ко мне в нужную минуту внимание, хранитель истекшего времени. Авантюриновые бусы – мое непредсказуемое «сейчас». Тигренок, вырезанный из тигрового глаза, – домашний эконом, отвечающий за кошелек. Бирюзовый браслет, который, будучи надет на правую руку, поможет взять то, что душе требуется. И еще, и еще…

Вот только аметиста в моей пирамиде нет.

И не будет!

Рига

1998

notes

Notes